• ВОЙНА И МИР • ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА • СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА • БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ • ЛОЛИТА • ФАУСТ • ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ • ГОСПОЖА БОВАРИ • МЕРТВЫЕ ДУШИ • ОДИССЕЯ • БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ • ДЕКАМЕРОН • РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА • МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ •

100 главных книг

ЭДУАРД АСАДОВ

ЛИРИКА

• УЛИСС • МОБИ ДИК • В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ • МЕТАМОРФОЗЫ • ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ • ЗАМОК • МАСТЕР И МАРГАРИТА • ГАМЛЕТ • БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ • МАХАБХАРАТА • ДОН КИХОТ • ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ! •

Лирика (сборник)

Эдуард Аркадьевич Асадов

Аннотация
Эдуард Асадов. Стихотворения о любви
Жар-птица
Ревность
Любовь
Прогулка
«Рыжик»
Женщина сказала мне однажды…
Она была так хороша собой
Сердце
Стихи о гордой красоте
Песня-тост
Разрыв
Попутчица
Телефонный звонок
Звезды служат влюбленным
Обидная любовь
«Ты грустишь и, косу теребя…»
Девушка
Письмо любимой
Одна
Первый поцелуй

Стихи об одной любви
Таежный родник
За счастьем!
Ненужные споры
Зимняя сказка
Одно письмо
Я провожу тебя
«Все как будто сделал славно я...»
Сердечная история
Вторая любовь
Спор
Был у меня соперник
Раздумье о сердцах
«Забыв покой, дела и развлеченья...»
Любовь и трусость
Лесная сказка
Добрый принц
Шаганэ
Стихи о несбывшейся встрече
Слово к мужчинам
Вечная красота
О скверном и святом
Весенняя песня
Главная встреча
Счастливый человек
Высота

Когда порой влюбляется поэт...
Цвета чувств
В кафе
Слово о любви
Дружеский совет
Оценка любви
О смысле жизни
Итог
Женский секрет
Кольца и руки
Веронике Тушновой и Александру Яшину
Виновники
О славе Родины
Позднее счастье
Две красоты
Распростилась, и все...
Лучший совет
«Прогрессивный» роман
Колдовские травы
Идеал
Поэзия и проза
Учитесь!
Дым отечества
Побереги
Друг без друга у нас получается все...
Заколдованный круг

Маэстро
Влюбленный
У реки
Стихи о маленькой зеленщице
«Интеллигентная» весна
Раздумье
«От скромности не подымая глаз...»
Серебряная свадьба
Улетают птицы
Хорошим женам
Горькие слова
Осмысление
Старая цыганка
Поэма о первой нежности
Разговор по существу
Он ей восхищенно цветы дарил...
Женская логика
«Бывают в жизни отношения странные...»
Маленький гимн жене
Любовь или рай?
«Женщина, если в нее влюбились...»
Наивность
О покорности и любви
Я прошу тебя, будь хорошею
«Говорят о том, что на планете...»
Последний тост

Магнетизм
На осеннем пороге
Права и слова
Она уснула на плече моем
Рабство
Дорогие оковы
Задумчиво она идет по улице
Женская песенка
Не надо отдавать любимых!
Никогда не ревнуй меня к прошлому
Чужие свиданья
Секрет отношений
Будничный наряд
Люблю сердца, способные простить
У любви не бывает разлук
Сказка о любви
Веселые споры
Раздумье над классикой
Мы идем с тобой, взявшись за руки
Россия начиналась не с меча!
Лунный вечер
Я встретил тебя в апреле
Прямой разговор
«Не надо любви никогда стыдиться!..»
Как мне тебе понравиться?..
Мы решили с тобой дружить...

Эдельвейс. (Лирическая баллада)
Моей маме
Моя звезда
У ночного экспресса
На рассвете
Ты должна полюбить меня
Верю гению самому
Поздняя любовь
Судьбы и сердца
Сказка об одном собрании
Любовь, измена и колдун
Ночь
Пока ты любишь меня
Не проходите мимо любви!
Не уходи из сна моего
Что такое счастье?
России
Спор о женских сердцах
Чудачка
«Сатана»
Ты даже не знаешь
Главная сила
Цветочный роман
Девушка и лесовик. (Сказка-шутка)
Трусиха
«Кто знает: где концы и где начала?..»

Родине. (Лирический монолог)
Если любовь уходит!
«Свободная любовь»
Жены фараонов. (Шутка)
Баллада о ненависти и любви
Гостья
Под дождем
Все равно я приду
Ах, как же мы славно на свете жили!
«Когда мне говорят о красоте…»
Нежные слова
Проверяйте любовь
«Я могу тебя очень ждать…»
Вечер в Ереване
Вечер в больнице
В звездный час
Древнее свидание
Не горюй
Ее любовь
Поют цыгане
Серенада весны
Сердечный сонет
Не надо кидаться в любые объятья
Банкроты
Триединство
На крыле

Стихи о тебе
Бессонница
Не привыкайте никогда к любви
Любим мы друг друга или нет?

Аннотация

Эдуард Асадов (1923–2004) – один из самых читаемых поэтов-лириков. Многие, начинавшие писать стихи, делали это «по Асадову», ведь он умел говорить с людьми на языке привычном и понятном им и очень хорошо представлял себе своего читателя: действительно наивного, не всегда умеющего выразить свои чувства и изложить мысли. Потому-то стихи Эдуарда Асадова в основном сюжетны: в их основе истории, которые любой неискушенный человек может счесть своими собственными.

Эдуард Асадов
Стихотворения о любви

© Асадов Э. А. Наследник, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Жар-птица

– Любовь? Ее нет между нами, –
Мне строго сказала она. –
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

Что ж, дружба – хорошее дело!
В ней силы не раз почерпнешь,
Но дружба имеет пределы,
А мне они – по сердцу нож!

Как жил я, что в сердце вплеталось,
Я все бы ей мог рассказать,
Когда бы она попыталась,
Когда б захотела понять.

Идя сквозь невзгоды и вьюги,
Не встретил я преданных глаз.

Случайные лгали подруги,
Я сам ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы.
Я знал: надо верить и ждать.
Не может так быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Когда же порой мне казалось,
Что к цели приблизился я,
Жар-птица, увы, превращалась
В простого, как хвощ, воробья.

Вспорхнув, воробьи улетали,
И снова я верил и ждал.
И все-таки вспыхнули дали!
И все-таки мир засиял!

И вот наконец золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Моя долгожданная, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!

Я весь тут – бери и владей!

Жар-птица сверкнула глазами,
И строго сказала она:
– Любовь? Ее нет между нами.
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

1950

Ревность

Сдвинув брови, твердыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
В этот вечер под его ногами
Снег хрустит решительно и жестко.

Час назад в просторном зале клуба
Пестрый вихрь кружился, бушевал,
Пело сердце, рокотали трубы –
Был в разгаре молодежный бал.

Час назад он думал, что развеет
Подозрений горьковатый дым,
Час назад он верил, что владеет
Все еще сокровищем своим.

Но когда любимую увидел
С тем же длинным парнем в тюбетейке,
В сердце злые шевельнулись змейки,
Он смотрел, молчал и ненавидел.

На площадке лестницы пустой

Видел он, как обнял тот подругу.
Вот они придвинулись друг к другу,
Вот поцеловались раз, другой...

Нет, им даром это не пройдет!
Он отвергнут, только он не сдался.
Он им все итоги подведет,
Зря он, что ли, боксом занимался!

Потому суровыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
И недаром под его ногами
Снег хрустит так твердо и так жестко.

Только для чего готовить мщенье
И катать на скулах желваки?
Если сердце терпит поражение,
Разве тут помогут кулаки?!

1950

Любовь

Известно всем: любовь не шутка,
Любовь – весенний стук сердец,
А жить, как ты, одним рассудком
Нелепо, глупо наконец!

Иначе для чего мечты?
Зачем тропинки под луною?
К чему лоточницы весною
Влюбленным продают цветы?!

Когда бы не было любви,
То и в садах бродить не надо.
Пожалуй, даже соловьи
Ушли бы с горя на эстраду.

Зачем прогулки, тишина,
Коль не горит огонь во взгляде?
А бесполезная луна
Ржавела б на небесном складе.

Представь: никто не смог влюбиться,
И люди стали крепче спать,

Плотнее кушать, реже бриться,
Стихи забросили читать...

Но нет, недаром есть луна
И звучный перебор гитары,
Не зря приходит к нам весна
И по садам гуляют пары.

Бросай сомнения свои!
Люби и верь. Чего же проще?
Не зря ночные соловьи
До хрипоты поют по рощам!

1951

Прогулка

Мы шли по росистой тропинке вдвоем
Под сосен приветственный шорох.
А дачный поселок – за домиком дом –
Сползал позади за пригорок.

До почты проселком четыре версты,
Там ждут меня письма, газеты.
– Отправимся вместе, – сказала мне ты
И тоже проснулась с рассветом.

Распластанный коршун кружил в вышине,
Тропинка меж сосен петляла
И, в речку сорвавшись, на той стороне
Вползала в кусты краснотала.

Смеялась ты, грустные мысли гоня.
Умолкнув, тревожно смотрела.
И, каюсь, я знал, что ты любишь меня,
Ты чувства скрывать не умела.

Цветущий шиповник заполнил овраг,
Туман по-над лугом стелился.
Любой убежденный ворчун-холостяк
В такое бы утро влюбился!

Я ж молод, и ты от меня в двух шагах –
Сердечна, проста и красива.
Ресницы такие, что тень на щеках.
Коса с золотистым отливом.

Трава клокотала в пьянящем соку,
Шумела, качаясь, пшеница.
«Любите!» – нам ветер шепнул на бегу.
«Любите!» – кричали синицы.

Да плохо ли вдруг, улыбнувшись, любя,
За плечи обнять дорогую.
И я полюбил бы, конечно, тебя,
Когда не любил бы другую.

Для чувств не годны никакие весы,
К другой мое сердце стремится.
Хоть нет у нее золотистой косы
И явно короче ресницы.

Да что объяснять! И, прогулку кляня,
Я пел, я шутил всю дорогу.
И было смешно тебе слушать меня
И больно, пожалуй, немного.

Тут все бесполезно: прогулка, весна,
Кусты и овражки с ручьями.
Прости, я другую любил, и она,
Незримая, шла между нами.

1954

«Рыжик»

У низенькой калитки
Судьба столкнула их.
Блестели солнца слитки
На травах молодых.

Два паренька молчали.
Ведь цель у них одна,
Одни у них печали:
Вот здесь живет она.

Та, что смеется звонко,
О ком их сердце мрет,
Глазастая девчонка –
Колхозный счетовод.

Двоим хоть поругаться,
И, право, как им быть:
Кому из них остаться,
Кому из них входить?

Один не даст подругу
Отбить. Высок, плечист.

Краса на всю округу –
Шофер и футболист.

Другой пониже ростом,
Но ладно, крепко сбит.
Себя он держит просто,
Да бойко говорит.

Дежурный с полустанка,
Фуражка – алый цвет.
Проснувшись спозаранку,
Он даже взял букет.

Большой букет сирени.
А может, зря и брал?
Но, потеряв терпенье,
Высокий вдруг сказал:

– Довольно зря топтаться,
Ждать больше нету сил!
Идем, пора дознаться,
Пусть скажет, кто ей мил.

Все выясним без злобы,
Без драки и без ссор. –
Так порешили оба

И двинулись во двор.

Горел закат над лугом...
Без тропок, целиной
«Краса на всю округу»
Уныло брел домой.

На сердце было тяжко:
Другой остался с ней.
В своей большой фуражке
Гриб рыжик. Ей-же-ей!

А покорил подругу.
Но почему и как?
«Краса на всю округу»
С досадой сжал кулак.

Он шел по первоцветам,
Сердился и не знал,
Что «рыжик» был поэтом,
Он ей стихи читал.

1956

Женщина сказала мне однажды…

Женщина сказала мне однажды:
– Я тебя люблю за то, что ты
Не такой, как многие, не каждый,
А духовной полон красоты.

Ты прошел суровый путь солдата,
Не растратив вешнего огня.
Все, что для тебя сегодня свято,
То отныне свято для меня.

В думах, в сердце только ты один.
Не могу любить наполовину.
Мир велик, но в нем один мужчина,
Больше нету на земле мужчин.

Мне с тобою не страшны тревоги,
Дай мне руку! Я не подведу.
Сквозь невзгоды, по любой дороге
Хоть до звезд, счастливая, дойду!

…Годы гасли, снова загорались

Вешними зарницами в реке.
И слова хорошие остались
Легкой рябью где-то вдалеке.

И теперь я должен был узнать,
Что весь мир – курорты с магазинами
И что свет наш заселен мужчинами
Гуще, чем я мог предполагать.

А потом та женщина, в погоне
За улыбкой нового тепла,
Выдернула руку из ладони
И до звезд со мною не дошла…

Жизнь опять трудна, как у солдата.
Годы, вьюги, версты впереди…
Только верю все же, что когда-то
Встретится мне женщина в пути.

Из таких, что верности не губит,
Ни рубля не ищет, ни венца,
Кто коли полюбит, то полюбит,
Только раз и только до конца.

Будет звездным глаз ее сияние,
И, невзгоды прошлого гоня,

В синий вечер нашего свидания
Мне она расскажет про меня.

– Как же ты всю жизнь мою измерила?
Ворожила? –

Улыбнется: – Нет,
Просто полюбила и поверила,
А для сердца – сердце не секрет!

И пойду я, тихий и торжественный,
Сквозь застывший тополиный строй.
Словно праздник, радостью расцвеченный,
Не постылый вновь и не чужой.

И, развеяв боль, как горький пепел,
Так скажу я той, что разлюбила:
– Нынче в мире женщину я встретил,
Что меня для счастья воскресила!

1958

Она была так хороша собой

Она была так хороша собой,
Что все мужчины с жаром каждый раз
Любой каприз, любой ее приказ
Бросались выполнять наперебой.

А время шло… Тускнел пожар волос.
Она ж не чтила никаких резонов.
И как-то раз, капризно сморщив нос,
Она сказала: – Я хочу пионов!

И вдруг удар: никто не встрепенулся,
На божество никто не поднял глаз.
И только муж пробормотал: – Сейчас. –
Пробормотал, а сам не шелохнулся…

Тогда ей было впору зарыдать.
Она была жалка в своих страданьях.
Как важно в жизни, помня о желаньях,
Возможностей своих не забывать!

1958

Сердце

Милую полюбя,
Я не играл с ней в прятки:
И сердце свое, и себя –
Все отдал ей без остатка.

Но хоть смущена была,
Недолго она колебалась:
Сердце мое взяла,
А от меня отказалась.

Видимо, лестно ей
Было, гордясь красою,
Сердце мое, как трофей,
Всюду носить с собою.

Пусть тешится! Ей невдомек,
Что тем себя и погубит.
Слишком опасен ток
В сердце, которое любит.

В холод груди ее
Тайный огонь пройдет,

Сразит ее сердце мое,
Всю, не щадя, сожжет.

Кружите, ветры, смеясь!
Твердите, что я чудак!
Но верю я – грянет час.
Но знаю я – будет так:

С глазами, полными слез,
Милую, всю в огне,
Сердце мое, как пес,
Назад приведет ко мне!

1960

Стихи о гордой красоте

Как нежданного счастья вестник,
Ты стоишь на пороге мая,
Будто сотканная из песни,
И загадочная, и простая.

Я избалован счастьем мало.
Вот стою и боюсь шевелиться:
Вдруг мне все это только снится,
Дунет ветер… и ты – пропала?!

Ветер дунул, промчал над садом,
Только образ твой не пропал.
Ты шагнула, ты стала рядом
И чуть слышно спросила: «Ждал?»

Ждал? Тебе ли в том сомневаться!
Только ждал я не вечер, нет.
Ждал я десять, а может статься,
Все пятнадцать иль двадцать лет.

Потому и стою, бледнея,
И взволнованный и немой.

Парк нас манит густой аллеей,
Звезды кружат над головой…

Можно скрыться, уйти от света
К соснам, к морю, в хмельную дрожь.
Только ты не пойдешь на это,
И я рад, что ты не пойдешь.

Да и мне ни к чему такое,
Хоть святым и не рвусь прослыть.
Просто, встретив хоть раз большое,
Сам не станешь его дробить.

Чуть доносится шум прибоя,
Млечный Путь, как прозрачный дым…
Мы стоим на дороге двое,
Улыбаемся и молчим…

Пусть о грустном мы не сказали,
Но для нас и так не секрет,
Что для счастья мы опоздали,
Может статься, на много лет.

Можно все разгромить напасти.
Ради счастья – преграды в прах!
Только будет ли счастье – счастьем,

Коль на детских взойдет слезах?

Пусть иные сердца ракетой
Мчатся к цели сквозь боль и ложь.
Только ты не пойдешь на это,
И я горд, что ты не пойдешь!

Слышу ясно в душе сегодня
Звон победных фанфарных труб,
Хоть ни разу тебя не обнял
И твоих не коснулся губ.

Пусть пошутят друзья порою.
Пусть завидуют. В добрый час!
Я от них торжества не скрою,
Раз уж встретилось мне такое,
Что встречается только раз!

Ты не знаешь, какая сила
В этой гордой красе твоей!
Ты пришла, зажгла, окрылила,
Снова веру в меня вселила,
Чище сделала и светлей.

Ведь бывает, дорогой длинной,
Утомленный, забыв про сон,

Сквозь осоку и шум осинный
Ты идешь под комарный звон.

Но однажды ветви раздвинешь –
И, в ободранных сапогах,
На краю поляны застынешь
В солнце, в щебете и цветах.

Пусть цветов ты не станешь рвать,
А, до самых глубин взволнованный,
Потрясенный и зачарованный,
Долго так вот будешь стоять.

И потянет к лугам, к широтам,
Прямо к солнцу… И ты шагнешь!
Но теперь не пойдешь болотом,
Ни за что уже не пойдешь!

1960

Песня-тост

Парень живет на шестом этаже.
Парень с работы вернулся уже,
Курит и книгу листает.
А на четвертом – девчонка живет,
Моет окошко и песни поет,
Все понежней выбирает.

Но парень один – это парень, и все.
Девчонка одна – девчонка, и все.
Обычные, неокрыленные.
А стоит им встретиться – счастье в глазах,
А вместе они – это радость и страх,
А вместе они – влюбленные!

«Влюбленный» не слово – фанфарный сигнал,
Весеннего счастья воззвание!
Поднимем же в праздник свой первый бокал
За это красивое звание!

Месяцы пестрой цепочкой бегут,
Птицы поют, и метели метут,
А встречи все так же сердечны.
Но, как ни высок душевный накал,
Какие слова бы он ей ни шептал,
Влюбленный – ведь это не вечно!

Влюбленный – это влюбленный, и все.
Подруга его – подруга, и все.
Немало влюбленных в округе.
Когда же влюбленные рядом всегда,
Когда пополам и успех, и беда,
То это уже супруги!

«Супруги» – тут все: и влюбленности пыл,
И зрелость, и радость познания.
Мой тост – за супругов! За тех, кто вступил
Навек в это славное звание!

Время идет. И супруги, любя,
Тихо живут в основном для себя.
Но вроде не те уже взоры.

Ведь жить для себя – это годы терять,
Жить для себя – пустоцветами стать,
Все чаще вступая в раздоры.

Муж – это муж, и не больше того.
Жена есть жена, и не больше того.
Не больше того и не краше.
Но вдруг с появленьем смешного птенца
Они превращаются в мать и отца,
В добрых родителей наших!

И тост наш – за свет и тепло их сердец,
С улыбкой и словом признания.
За звание «мать»! И за званье «отец»!
Два самые высшие звания!

1960

Разрыв

Битвы словесной стихла гроза.
Полные гнева, супруг и супруга
Молча стояли друг против друга,
Сузив от ненависти глаза.

Все корабли за собою сожгли,
Вспомнили все, что было плохого.
Каждый поступок и каждое слово –
Все, не щадя, на свет извлекли.

Годы их дружбы, сердец их биенье –
Все перечеркнуто без сожаленья.
Часто на свете так получается:
В ссоре хорошее забывается.

Тихо. Обоим уже не до споров.
Каждый умолк, губу закусив.
Нынче не просто домашняя ссора,
Нынче конец отношений. Разрыв.

Все, что решить надлежало, решили.
Все, что раздела ждало, разделили.

Только в одном не смогли согласиться,
Это одно не могло разделиться.

Там, за стеною, в ребячьем углу,
Сын их трудился, сопя, на полу.
Кубик на кубик. Готово! Конец!
Пестрый, как сказка, вырос дворец.

– Милый! – подавленными голосами
Молвили оба. – Мы вот что хотим… –
Сын повернулся к папе и маме
И улыбнулся приветливо им.

– Мы расстаемся… совсем… окончательно…
Так нужно, так лучше… И надо решить.
Ты не пугайся. Слушай внимательно:
С мамой иль с папой будешь ты жить?

Смотрит мальчишка на них встревоженно.
Оба взволнованы… Шутят иль нет?
Палец в рот положил настороженно.
– И с мамой, и с папой, – сказал он в ответ.

– Нет, ты не понял! – И сложный вопрос
Каждый ему втолковать спешит.
Но сын уже морщит облупленный нос
И подозрительно губы кривит…

Упрямо сердце мальчишечье билось,
Взрослых не в силах понять до конца.
Не выбирало и не делилось.
Никак не делилось на мать и отца!

Мальчишка! Как ни внушали ему,
Он мокрые щеки лишь тер кулаками,
Никак не умея понять: почему
Так лучше ему, папе и маме?

В любви излишен всегда совет.
Трудно в чужих делах разбираться.
Пусть каждый решает, любить или нет,
И где сходиться, и где расставаться.

И все же порой в сумятице дел,
В ссоре иль в острой сердечной драме

Прошу только вспомнить, увидеть гла-

зами

Мальчишку, что драмы понять не сумел

И только щеки тер кулаками.

1961

Попутчица

– Мой муж бухгалтер, скромный, тихий малый,
Заботлив, добр, и мне неплохо с ним.
Но все-таки когда-то я мечтала,
Что мой избранник будет не таким.

Он виделся мне рослым и плечистым,
Уверенно идущим по земле.
Поэтом, музыкантом иль артистом,
С печатью вдохновенья на челе.

Нет, вы не улыбайтесь! Я серьезно.
Мне чудился громадный, светлый зал
И шум оваций, яростно и грозно
К его ногам катящийся, как вал.

Или вот так: скворцы, веранда, лето.
Я поливаю клумбу с резедой,
А он творит. И сквозь окно порой
Нет-нет и спросит у меня совета.

Вагон дремал под ровный стук колес...

Соседка, чиркнув спичкой, закурила.
Но пламени почти не видно было
При пламенной косметике волос.

Одета ярко и не слишком скромно,
Хорошенькое круглое лицо,
В ушах подвески, на руке кольцо,
Вишневый рот и взгляд капризно-томный.

Плывет закат вдоль скошенного луга,
Чай проводник разносит не спеша,
А дама все описывает друга,
Которого ждала ее душа.

Чего здесь только нет: талант, и верность,
И гордый профиль, и пушистый ус,
И мужество, и преданность, и нежность,
И тонкий ум, и благородный вкус...

Я промолчал. Слова нужны едва ли?!
И все ж хотелось молвить ей сейчас:
«Имей он все, о чем вы тут сказали,

Он, может быть, и выбрал бы не вас».

1961

Телефонный звонок

Резкий звон ворвался в полутьму,
И она шагнула к телефону,
К частому, настойчивому звону.
Знала, кто звонит и почему.

На мгновенье стала у стола,
Быстро и взволнованно вздохнула,
Но руки вперед не протянула,
И ладонь на трубку не легла.

А чего бы проще: взять и снять
И, не мучась и не тратя силы,
Вновь знакомый голос услыхать
И опять оставить все, как было.

Только разве тайна, что тогда
Возвратятся все ее сомненья.
Снова и обман, и униженья –
Все, с чем не смириться никогда!

Звон кружил, дрожал, не умолкая,
А она стояла у окна,

Всей душою, может, понимая,
Что менять решенья не должна.

Все упрямей телефон звонил,
Но в ответ – ни звука, ни движенья.
Вечер этот необычным был,
Этот вечер – смотр душевных сил,
Аттестат на самоуваженье.

Взвыл и смолк бессильно телефон.
Стало тихо. Где-то пели стройно…
Дверь раскрыла, вышла на балкон.
В первый раз дышалось ей спокойно.

1961

Звезды служат влюбленным

Реки служат судам,
Травы служат стадам,
Рельсы – гулким колесам вагонным.
Птицы служат садам,
Маяки – морякам,
Звезды служат влюбленным.

Льют созвездья на землю таинственный свет,
Но ни трасс, ни путей к ним космических нет,
К ним, всегда добела раскаленным.
Космодром для ракет –
Лишь прохлада планет.
Звезды ж светят одним влюбленным.

Говорят, что влюбленный – это чудак.
Внешне, может, и так, но по сути не так.
Просто он изнутри озаренный.
Не косись на него с недоверьем, проф-

ком,

Кто рекорды дает и живет с огоньком?

Да, конечно же, он, влюбленный!

Кто влюблен – тот не ищет покойных путей,

Рвется к ветру и к звездам с любимой своей,

Всей земной красотой окрыленный.

«Жить с романтикой!» – это влюбленных закон,

Ну а кто не романтик, то попросту он

Вообще никакой не влюбленный.

Майский вечер затих в синеве тополей,

И гирлянды мигающих дальних огней

Над широким зажглись небосклоном.

Это так хорошо, что составы бегут,

Что на свете есть счастье, что птицы поют

И что звезды горят влюбленным!..

1962

Обидная любовь

Пробило десять. В доме – тишина.
Она сидит и напряженно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!

Пусть вечер люстру звездную включил,
Не так уж поздно, день еще не прожит.
Не может быть, чтоб он не позвонил!
Чтобы не вспомнил – быть того не может!

«Конечно же, он рвался, и не раз,
Но масса дел: то это, то другое…
Зато он здесь и сердцем и душою».
К чему она хитрит перед собою
И для чего так лжет себе сейчас?

Ведь жизнь ее уже немало дней
Течет отнюдь не речкой Серебрянкой:
Ее любимый постоянно с ней –

Как хан Гирей с безвольной полонянкой.

Случалось, он под рюмку умилялся
Ее душой: «Так преданна всегда!»
Но что в душе той – радость иль беда?
Об этом он не ведал никогда,
Да и узнать ни разу не пытался.

Хвастлив иль груб он, трезв или хмелен,
В ответ – ни возражения, ни вздоха.
Прав только он, и только он умен,
Она же лишь «чудачка» и «дуреха».

И ей ли уж не знать о том, что он
Ни в чем и никогда с ней не считался,
Сто раз ее бросал и возвращался,
Сто раз ей лгал и был всегда прощен.

В часы невзгод твердили ей друзья:
– Да с ним пора давным-давно расстаться.
Будь гордою. Довольно унижаться!
Сама пойми: ведь дальше так нельзя!

Она кивала, плакала порой.

И вдруг смотрела жалобно на всех:
– Но я люблю… Ужасно… Как на грех!..
И он уж все же не такой плохой!

Тут было бесполезно препираться,
И шла она в свой добровольный плен,
Чтоб вновь служить, чтоб снова унижаться
И ничего не требовать взамен.

Пробило полночь. В доме тишина…
Она сидит и неотступно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит? А вдруг еще придет?

Любовь приносит радость на порог.
С ней легче верить, и мечтать, и жить.
Но уж не дай, как говорится, Бог
Вот так любить!

1962

«Ты грустишь и, косу теребя...»

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Ты романтик. Прямо на звезду
Проложу я серебристый след.
Для тебя я в летчики пойду.
Ну скажи: ты рада или нет?

Хочешь, смело в космос полечу?
– Не хочу.

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Здесь дождя холодная стена.
А на юге солнечный закат...
В берег бьет зеленая волна,
Расцветают персик и гранат.

Хочешь, на Кавказ тебя умчу?
– Не хочу!

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном…
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Не сердись, додумаюсь, пойму.
Может, и отыщется струна.
Может, в космос мчаться ни к чему
И волна морская не нужна?

Хочешь стать моею навсегда?
– Да!..

1962

Девушка

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где «две бездонные глуби морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... Но гляньте сюда:
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней подшутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз…

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету.
Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым…
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

1962

Письмо любимой

Мы в дальней разлуке. Сейчас между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,
Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну потянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой.

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,

Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое – возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет словами глухими,
Что смерть недопетую песнь прервала
И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...
Утрата, ее ни понять, ни измерить!
Нелепо! И все-таки можешь поверить:
Бессмертны лишь скалы, а я – человек!

Но если услышишь, что вешней порой
За новым, за призрачным счастьем в погоне
Я сердце свое не тебе, а другой
Взволнованно вдруг протянул на ла-

дони, –

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут ресницы,

Колючею стужей не стиснет беда!

Не верь! Вот такого не может случиться!

Ты слышишь? Такому не быть никогда!

1962

Одна

К ней всюду относились с уваженьем, –
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж – и вот она одна...

Бежали будни ровной чередою.
И те ж друзья, и уваженье то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь.

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь – почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,

Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет.
Скажи, какую сберегает честь!

Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть…

И было непонятно никому,
Что и одна – она верна ему!

1962

Первый поцелуй

Мама дочь ругает строго
За ночное возвращенье.
Дочь зарделась у порога
От обиды и смущенья.

А слова звучат такие,
Что пощечин тяжелей.
Оскорбительные, злые,
Хуже яростных шмелей.

Друг за другом мчат вдогонку,
Жгут, пронзают, как свинец...
Но за что клянут девчонку?!
В чем же дело, наконец?

Так ли страшно опозданье,
Если в звоне вешних струй
Было первое свиданье,
Первый в жизни поцелуй!

Если счастье не из книжки,
Если нынче где-то там

Бродит он, ее парнишка,
Улыбаясь звездным вспышкам,
Людям, окнам, фонарям…

Если нежность их созрела,
Школьным догмам вопреки.
Поцелуй – он был несмелым,
По-мальчишьи неумелым,
Но упрямым по-мужски.

Шли то медленно, то быстро,
Что-то пели без конца…
И стучали чисто-чисто,
Близко-близко их сердца.

Так зачем худое слово?
Для чего нападок гром?
Разве вправду эти двое
Что-то делают дурное?
Где ж там грех? Откуда? В чем?

И чем дочь громить словами,
Распаляясь, как в бою,
Лучше б просто вспомнить маме
Сад с ночными соловьями,

С песней, с робкими губами –
Юность давнюю свою.

Как была счастливой тоже,
Как любила и ждала,
И тогда отнюдь не строже,
Даже чуточку моложе
Мама дочери была.

А ведь вышло разве скверно?
До сих пор не вянет цвет!
Значит, суть не в том, наверно:
Где была? Да сколько лет?

Суть не в разных поколеньях,
Деготь может быть везде.
Суть здесь в чистых отношеньях,
В настоящей красоте!

Мама, добрая, послушай:
Ну зачем сейчас гроза?!
Ты взгляни девчонке в душу,
Посмотри в ее глаза.

Улыбнись и верь заране
В золотинки вешних струй,

В это первое свиданье,
В первый в жизни поцелуй!

1962

Стихи об одной любви

Он так любовь свою берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Он ей зимой коньки точил,
Для книжек сделал полку,
Все чертежи ее чертил
И тайно в паспорте хранил
Зеленую заколку.

Она смеялась – он светлел.
Грустила – он темнел.
И кто сказал, что будто нет
Любви в шестнадцать лет?!

К тому, что будет впереди,
Навстречу всей вселенной
Бежали рядом два пути,
Сближаясь постепенно.

Робея под лучами глаз,

Не смея губ коснуться,
Он не спешил: настанет час,
Когда пути сольются.

Когда придут взамен тревог
Слова «люблю» и «да»
И над скрещеньем двух дорог
Не робкий вспыхнет огонек,
А жаркая звезда.

И жизнь была бы хороша,
Презрей он ту «услугу».
Но раз не вынесла душа,
И он, волнуясь и спеша,
Во всем открылся другу.

Тот старше был и больше знал
И тем слегка гордился.
– Ты просто баба, – он сказал, –
Как маленький, влюбился!

Любовь не стоит ни гроша,
Коль сердце только тает.
Запомни: женская душа
Несмелых презирает!

Она ж смеется над тобой
Почти наверняка.
Да где характер твой мужской
И твердая рука?!

Потребуй все. Не отступай!
Смелей иди вперед!
Она – твоя! Не трусь и знай:
Кто любит – не уйдет!

И чтоб в любви не знать обид,
Запомни навсегда:
Что грубость девушка простит,
А глупость никогда!

Весенний ветер ли подул,
Коварен и лукав,
Иль друга речь, иль крови гул,
Но парень, выслушав, кивнул:
– Возможно, ты и прав...

Звенела ночь, луна плыла,
Как ворон, мгла кружила,
И хоть растеряна была,
Она и вправду не ушла,

Наверное, любила.

Гремели зори у реки
Кантатами скворцов,
И мчались дни, как огоньки,
Как стрелы поездов.

Теперь волнениям конец!
Победа и покой!
Но почему же стук сердец
Подавленный такой?

Он так любимую берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Но друг явился и «помог».
И он сумел, он вырвать смог
Растерянное «да»...
Так почему ж в конце пути,
Куда он должен был прийти,
Не вспыхнула звезда?!

Тебе б смеяться поутру,
А ты весь будто сварен.

Зачем стоишь ты на ветру?
О чем ты плачешь, парень?

Эх, снять бы голову ему –
Скотине, другу твоему!

1962

Таежный родник

Мчится родник среди гула таежного,
Бойкий, серебряный и тугой.
Бежит возле лагеря молодежного
И все, что услышит, несет с собой.

А слышит он всякое, разное слышит:
И мошек, и травы, и птиц, и людей,
И кто что поет, чем живет и чем дышит, –

И все это пишет, и все это пишет
На тонких бороздках струи своей.

Эх, если б хоть час мне в моей судьбе
Волшебный! Такой, чтоб родник этот звонкий
Скатать бы в рулон, как магнитную пленку,
И бандеролью послать тебе.

Послать, ничего не сказав заранее.
И вот, когда в доме твоем – никого,

Будешь ты слушать мое послание,
Еще не ведая ничего.

И вдруг – будто разом спадет завеса:
Послышится шишки упавшей звук,
Трещанье кузнечика, говор леса
Да дятла-трудяги веселый стук.

Вот шутки и громкие чьи-то споры,
Вот грохот ведерка и треск костра,
Вот звук поцелуя, вот песни хором,
Вот посвист иволги до утра.

Кружатся диски, бегут года.
Но вот, где-то в самом конце рулона,
Возникнут два голоса окрыленных,
Где каждая фраза – то «нет», то «да».

Ты встала, поправила нервно волосы,
О дрогнувший стул оперлась рукой,
Да, ты узнала два этих голоса,
Два радостных голоса: твой и мой!

Вот они рядом, звенят и льются,
Они заполняют собой весь дом!
И так они славно сейчас смеются,

Как нам не смеяться уже потом...

Но слушай, такого же не забудешь,
Сейчас, после паузы, голос мой
Вдруг шепотом спросит: – Скажи, ты любишь?
А твой засмеется: – Пусти, задушишь!
Да я, хоть гони, навсегда с тобой!

Где вы – хорошие те слова?
И где таежная та дорожка?
Я вижу сейчас, как твоя голова
Тихо прижалась к стеклу окошка.

И стало в уютной твоей квартире
Вдруг зябко и пусто, как никогда.
А голоса, сквозь ветра и года,
Звенят, как укор, все светлей и шире...

Прости, если нынче в душе твоей
Вызвал я отзвук поры тревожной.
Не плачь! Это только гремит ручей
Из дальней-предальней глуши таежной.

А юность, она и на полчаса –

Зови не зови – не вернется снова.
Лишь вечно звенят и звенят голоса
В немолчной воде родника лесного.

1963

За счастьем!

У них в ушах горячий звон.
У ног лежит луна.
Парнишка по уши влюблен.
По маковку она.

Шуршит, кружа под фонарем,
Осенний листопад.

Он вдруг сказал: – Давай пойдем
Куда глаза глядят!

И как огнем подожжена
Волнением его:
– Идем! – ответила она. –
До счастья самого.

И вот влюбленные в пути.
Костром горит восход.
Их где-то счастье впереди
Неведомое ждет!

И долго время их вело
По магистралям гулким.

А счастье, просто как назло,
Все время дома их ждало,
В родимом переулке...

1963

Ненужные споры

Двое ссорились, даже кричали,
Потом устали в конце концов.
Сердито затихли. И так молчали.
Наверно, не меньше пяти часов.

А где-то в это время смеялись,
Ходили в кино и читали стихи,
Работали, пели, мечтали, влюблялись,
Смотрели спектакль, напряженно-тихи.

Где-то дома к небесам возводили,
Играли в теннис, ловили бычков –
Короче, дышали! Короче, жили!
А здесь будто склеп: ни улыбок, ни слов...

И вряд ли обоим сейчас понятно,
Что эти часы, как бессмысленный бег,
Для них потеряны безвозвратно,
Из жизни вычеркнуты навек!

Наука на все ответы находит.
Она утверждает: – Имейте в виду,
Полчеловеческой жизни уходит
На сон, на транспорт и на еду.

А чем порой эта жизнь полна?
И много ль отпущено нам от века?
Ведь если подумать, то жизнь человека
Не так уж и слишком, увы, длинна…

Какой же статистик за нас учтет
Время, ушедшее на раздоры,
На злые слова, на обиды, на споры?
А жизнь ведь не поезд, она не ждет.

Конечно, можно хитрить, улыбаться:
«Подумаешь, важный какой разговор!»
А если по совести разобраться,
Сколько на свете ненужных ссор!

Поссорились, вспыхнули, побледнели…
Только б не сдаться! Не уступить!
А это ведь дни, а это недели
И, может быть, годы, коль все сло-

жить.

И хочется мне постучать, обратиться
В тысячи окон, в сотни квартир:
– Кто в ссоре, прошу вас, идите мириться!
Милые люди! Давайте учиться
В собственном доме бороться за мир!

1964

Зимняя сказка

Метелица, как медведица,
Весь вечер буянит зло,
То воет внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,
И жмутся к домам машины,
Как зябнущие щенята…

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу…
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,

Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно…
А сказкам я верю свято.

Сказка… Мечта-полуночница…
Но где ее взять? Откуда?
А сердцу так чуда хочется,
Пусть маленького, но чуда!

До боли хочется верить,
Что сбудутся вдруг мечты…
Сквозь вьюгу звонок у двери –
И вот на пороге ты!

Трепетная, смущенная.
Снится или не снится?!
Снегом запорошенная,
Звездочки на ресницах…

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
А я вот явилась… Можно? –
Сказка моя! Снегурочка!

Чудо мое невозможное!

Нет больше зимней ночи!
Сердцу хмельно и ярко!
Весело чай клокочет,
В доме, как в пекле, жарко…

Довольно! Хватит! Не буду!
Полночь… Гудят провода…
Гаснут огни повсюду.
Я знаю: сбывается чудо,
Да только вот не всегда…

Метелица, как медведица,
Косматая голова.
А сердцу все-таки верится
В несбыточные слова:

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
Полночь гудит тревожная…
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

1964

Одно письмо

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо. Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно…

Зажглись рябин веселые костры,
И все вокруг вишнево-золотое…
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку,
Тайгу и звезды, море и Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

1965

Я провожу тебя

О, как ты щебечешь весело,
И как хлопотлива ты:
Жакетку на стул повесила,
Взялась поливать цветы.

С мебели пыль смахнула,
Заварку нашла на окне
И, как бы вскользь, намекнула
На нежность свою ко мне.

Вся из тепла и света,
Ты улыбаешься мне.
А я от улыбки этой
В черном горю огне!

А я сижу и не знаю:
Зачем вот такая ты?
И просто сейчас страдаю
От этой твоей теплоты.

Как много ты произносишь
Сейчас торопливых слов!

То дразнишь, то будто просишь
Откликнуться на любовь.

Грозишься, словно кометой,
Сердцем мой дом спалить.
А мне от нежности этой
Волком хочется выть!

Ну, как ты не чувствуешь только
И как сама не поймешь,
Что нет здесь любви нисколько
И каждая фраза – ложь!

Хуже дурной напасти
Этот ненужный фарс.
Ведь нет же ни грамма счастья
В свиданье таком для нас.

И если сказать открыто,
Ты очень сейчас одна,
Ты попросту позабыта
И больше ему не нужна.

А чтобы не тяжко было,
Ты снова пришла ко мне,
Как лыжница, что решила

По старой пойти лыжне.

Как будто бы я любитель
Роли «чужая тень»,
Иль чей-нибудь заместитель,
Иль милый на черный день.

Но я не чудак. Я знаю:
Нельзя любить – не любя!
Напьемся-ка лучше чаю,
И я провожу тебя…

Сегодня красивый вечер:
Лунный свет с тишиной,
Звезды горят, как свечи,
И снег голубой, голубой…

В мире все повторяется:
И ночь, и метель в стекло.
Но счастье не возвращается
К тем, от кого ушло.

Всем светлым, что было меж нами,
Я как святым дорожу.
Давай же будем друзьями,

И я тебя провожу!

1965

«Все как будто сделал славно я...»

Все как будто сделал славно я:
Кончил разом все сомнения.
Понял вдруг, что ты – не главная:
Не любовь, а увлечение.

Ты, я верю, не плохая,
Ни игры в тебе, ни зла,
Ничего не ожидая,
Все дарила, что могла.

Только счастье невозможно
Без клубящихся дорог,
Слишком было все несложно,
Слишком много было можно,
Но ни бурь и ни тревог...

Видно, в том была причина,
Что любовь не жгла огнем,
И была не ярким сном,
А простой, как та рябина
У тебя перед окном.

И ушел я в синий вечер,
Веря в дальнюю звезду.
В путь! В пути я счастье встречу,
Здесь – зачахну, пропаду.

Все как будто сделал правильно,
Кончил разом все сомнения:
Понял ведь, что мной оставлено
Не любовь, а увлечение.

Значит, скоро распахнется
Даль счастливых, новых дней.
Сердце песней захлебнется.
Годы мчат… Дорога вьется…
Только сердцу не поется,
Не поется, хоть убей!

Только холодно и тесно
Стало сердцу моему.
Все как будто сделал честно,
В чем же дело – не пойму!

Отчего сквозь километры,
Как в тумане голубом,
Я все чаще вижу дом,

Шторку, вздутую от ветра,
И рябину под окном?!

1965

Сердечная история

Сто раз решал он о любви своей
Сказать ей твердо. Все как на духу!
Но всякий раз, едва встречался с ней,
Краснел и нес сплошную чепуху.

Хотел сказать решительное слово,
Но, как на грех, мучительно мычал.
Невесть зачем цитировал Толстого
Или вдруг просто каменно молчал.

Вконец растратив мужество свое,
Шагал домой, подавлен и потерян,
И только с фотографией ее
Он был красноречив и откровенен.

Перед простым любительским портретом
Он смелым был, он был самим собой.
Он поверял ей думы и секреты,
Те, что не смел открыть перед живой.

В спортивной белой блузке возле сетки,

Прядь придержав рукой от ветерка,
Она стояла с теннисной ракеткой
И, улыбаясь, щурилась слегка.

А он смотрел, не в силах оторваться,
Шепча ей кучу самых нежных слов.
Потом вздыхал: – Тебе бы все смеяться,
А я тут пропадай через любовь!

Она была повсюду, как на грех:
Глаза… И смех – надменный и пьянящий.
Он и во сне все слышал этот смех
И клял себя за трусость даже спящий.

Но час настал. Высокий, гордый час!
Когда решил он, что скорей умрет,
Чем будет тряпкой. И на этот раз
Без ясного ответа не уйдет!

Средь городского шумного движенья
Он шел вперед походкою бойца,
Чтоб победить иль проиграть сраженье,

Но ни за что не дрогнуть до конца!

Однако то ли в чем-то просчитался,
То ли споткнулся где-то на ходу,
Но вновь краснел, и снова заикался,
И снова нес сплошную ерунду.

– Ну, вот и все! – Он вышел на бульвар,
Достал портрет любимой машинально,
Сел на скамейку и сказал печально:
– Вот и погиб «решительный удар»!

Тебе небось смешно, что я робею.
Скажи, моя красивая звезда:
Меня ты любишь? Будешь ли моею?
Да или нет? – И вдруг услышал: – Да!

Что это? Бред? Иль сердце виновато?
Иль просто клен прошелестел листвой?
Он обернулся: в пламени заката
Она стояла за его спиной.

Он мог поклясться, что такой прекрасной

Еще ее не видел никогда.

– Да, мой мучитель! Да, молчун несчастный!

Да, жалкий трус! Да, мой любимый! Да!

1965

Вторая любовь

Что из того, что ты уже любила,
Кому-то, вспыхнув, отворяла дверь.
Все это до меня когда-то было,
Когда-то было в прошлом, не теперь.

Мы словно жизнью зажили второю,
Вторым дыханьем, песнею второй.
Ты счастлива, тебе светло со мною,
Как мне тепло и радостно с тобой.

Но почему же все-таки бывает,
Что незаметно, изредка, тайком
Вдруг словно тень на сердце набегает
И остро-остро колет холодком...

О нет, я превосходно понимаю,
Что ты со мною встретилась любя.
И все-таки я где-то ощущаю,
Что, может быть, порою открываю
То, что уже открыто для тебя.

То вдруг умело галстук мне завяжешь,

Уверенной ли шуткой рассмешишь,
Намеком ли без слов о чем-то скажешь
Иль кулинарным чудом удивишь.

Да, это мне и дорого и мило,
И все-таки покажется порой,
Что все это уже, наверно, было,
Почти вот так же, только не со мной.

А как душа порой кричать готова,
Когда в минуту ласки, как во сне,
Ты вдруг шепнешь мне трепетное слово,
Которое лишь мне, быть может, ново,
Но прежде было сказано не мне.

Вот так же точно, может быть, порою
Нет-нет и твой вдруг потемнеет взгляд,
Хоть ясно, что и я перед тобою
Ни в чем былом отнюдь не виноват.

Когда любовь врывается вторая
В наш мир, горя, кружа и торопя,

Мы в ней не только радость открываем,
Мы все-таки в ней что-то повторяем,
Порой скрывая это от себя.

И даже говорим себе нередко,
Что первая была не так сильна,
И зелена, как тоненькая ветка,
И чуть наивна, и чуть-чуть смешна...

И целый век себе не признаемся,
Что, повстречавшись с новою, другой,
Какой-то частью все же остаемся
С ней, самой первой, чистой и смешной.

Двух равных песен в мире не бывает,
И сколько б звезд ни поманило вновь,
Но лишь одна волшебством обладает,
И, как ни хороша порой вторая,
Все ж берегите первую любовь!

1965

Спор

Однажды три друга за шумным столом
Пустились в горячие споры о том,
Что женщина ценит превыше всего
В характере нашем мужском.

Первый воскликнул: – К чему этот шум?
Скажу без дальних речей,
Что женщин всегда покоряет ум.
И это всего важней!

В этом наш главный авторитет.
Ум – это все, друзья.
«Да здравствует разум!» – сказал поэт,
И лучше сказать нельзя!

Второй, улыбнувшись, приподнял бровь:
– Совсем не в этом вопрос.
Женщина – это сама любовь!
И любит она всерьез.

И нет для мужчины уже ничего
Прямее, чем этот путь.
Он должен быть любящим прежде всего.
И в этом, пожалуй, суть!

А третий, встав, перебил друзей:
– Бросьте все препирания.
Для женщин на свете всего важней
Внимание и внимание!

Пальто подавайте. Дарите ей
Цветы. Расшибайтесь в прах!
Ну, в общем, тысячи мелочей –
И счастье у вас в руках!

На улицу вышли, а спор сильней.
Ну как решенье найти?
И тут повстречали трое друзей
Женщину на пути.

Сказали друзья: – Позвольте спросить,
Ответьте двумя словами:
Каким, по-вашему, должен быть
Мужчина, избранный вами?!

Какое свойство кажется вам
Особенно привлекательным?
– Он должен быть умным, – сказала она,
Любящим и внимательным.

1965

Был у меня соперник

Был у меня соперник, неглупый был и красивый,
Рожденный, видать, в рубашке – все
удавалось ему.
Был он не просто соперник, а, как говорится,
счастливый,
Та, о которой мечтал я, сердцем рвалась к нему.

И все-таки я любовался, под вечер ее встречая,
Нарядную, с синими-синими звездами вместо глаз,
Была она от заката вся словно бы золотая,
И я понимал, куда она торопится в этот час.

Конечно, мне нужно было давно уж махнуть
рукою.

На свете немало песен, и радостей, и дорог,

И встретить глаза другие, и счастье встретить

другое,

Но я любил. И с надеждой расстаться никак

не мог.

Нет, слабым я не был. Напротив, я не желал

сдаваться!

Я верил: зажгу, сумею, заставлю ее по-

любить!

Я даже от матери втайне гипнозом стал

заниматься.

Гипноз не пустяк, а наука. Тут всякое

может быть!

Шли месяцы. Как и прежде, в проулке меня

встречая,

Она на бегу кивала, то холодно, то тепло.

Но я не сдавался. Ведь чудо не только

в сказках бывает…

И вот однажды свершилось. Чудо произошло!

Помню холодный вечер с белой колючей крупкой

И встречу с ней, с необычной и словно бы

вдруг хмельной.

С глазами не синими – черными, в распахнутой

теплой шубке,

И то, как она сказала: – Я жду тебя здесь.

Постой!

И дальше как в лихорадке: – Ты любишь,

я знаю, знаю!

Ты славный… Я все решила… Отныне

и навсегда…

Я словно теперь проснулась, все заново открываю…

Ты рад мне? Скажи: ты любишь? – Я

еле

выдохнул:

– Да!

Тучи исчезли. И город ярким вдруг стал и звонким,

Словно иллюминацию развесили до утра.

Звезды расхохотались, как озорные девчонки,

И, закружившись в небе, крикнули мне: – Ура!

Помню, как били в стекла фар огоньки ночные,

И как мы с ней целовались даже на самой заре,

И как я шептал ей нежности, глупые и смешные,

Которых, наверное, нету еще ни в одном

словаре…

И вдруг, как в бреду, как в горячке: –

А здорово я проучила!

Пусть знает теперь, как с другими встречаться

у фонарей!

Он думал, что я заплачу… А я ему отомстила!

Меня он не любит? Прекрасно. Тем будет ему

больней.

С гулом обрушилось небо, и разом на целом свете

Погасли огни, как будто полночь пришла навек.

Возглас: – Постой! Куда ты?.. – Потом

сумасшедший ветер.

Улицы, переулки… Да резкий, колючий снег…

Бывают в любви ошибки, и, если сказать по чести,

Случается, любят слабо, бывает, не навсегда.

Но говорить о нежности и целовать из мести –

Вот этого, люди, не надо, не делайте никогда!

1966

Раздумье о сердцах

Сколько влюбленных живет по свету?
Такой статистики нет пока.
Но если полчеловечества нету,
То треть, пожалуй, наверняка.

А все остальные, а все остальные
Влюблялись уже или только влюбятся.
И каждый, на звезды глядя ночные,
Мечтает, что счастье когда-нибудь сбудется.

Но в чем же счастье твое на планете?
– Оно в любви, что, как мир, широка! –
Не все человечество так ответит,
Но полчеловечества – наверняка.

А кто хоть однажды в хороший вечер,
Со стрелок часов не спуская глаз,
Не ожидал назначенной встречи
И не признался в любви хоть раз?!

Есть в слове «любовь» и хмельная сила,

И радость надежды, и боль, и тоска,
И если его смущенно и мило
Не все человечество произносило,
То девять десятых – наверняка.

Но слово сказать – не сердце отдать.
Отсутствие чувств не заменишь ничем.
Любовь не всем суждено познать,
Она, как талант, дается не всем.

А сколько людей, а сколько людей
По всякому поводу и без повода
Готовы сказать о любви своей,
Как телеграмму послать по проводу.

Поцеловал, еще не любя,
Обнял взволнованно раз, другой,
И сразу: – Поверь, я люблю тебя! –
И тотчас, как эхо: – Любимый мой!

Признавшийся разом в любви навек
Не слишком ли часто порой бывает
Похож на банкрота, что выдал чек,
А как расплатиться потом – не знает.

На свете немало хороших слов.
Зачем же их путать себе на горе.
Влюбленность – ведь это еще не любовь.
Как речка, пусть даже без берегов,
Пусть в самый разлив – все равно не море!

Не можешь любовью гореть – не гори.
Влюблен, про влюбленность и говори.
Нежность тоже ценить умей,
Пускай это меньше. Но так честней.

И если не каждый любит пока,
Так пусть и не каждый то слово скажет.
Не все и не полчеловечества даже,
А те лишь, кто любит. Наверняка!

1966

«Забыв покой, дела и развлеченья…»

Забыв покой, дела и развлеченья,
Пренебрегая солнцем и весной,
При каждой нашей встрече мы с тобой,
Страдая, выясняем отношенья.

Нет, мы почти никак не поступаем.
До ласки ли? Раздув любой пустяк,
Мы спорим, говорим и обсуждаем,
Что так у нас с тобой и что не так.

Ну что еще: мы вместе, мы одни!
Так нет же ведь! Как варвары, наверно,
Мы медленно, старательно и верно
Друг другу укорачиваем дни…

Мы быть ужасно мудрыми стараемся,
От всех себя ошибок бережем.
И скоро до того «довыясняемся»,
Что ничего уже не разберем!

Размолвки, споры, новые сомненья...
И нам, наверно, невдомек сейчас,
Что вот как раз все эти выясненья
И есть ошибка главная у нас.

И чтоб не кончить на душевной скупости,
Давай же скажем: «Хватит! Наплевать!»
Возьмем и будем делать кучу глупостей,
Да, да, десятки самых чудных глупостей,
И ничего не будем обсуждать!

1967

Любовь и трусость

Почему так нередко любовь непрочна?
Несхожесть характеров? Чья-то узость?
Причин всех нельзя перечислить точно,
Но главное все же, пожалуй, трусость.

Да, да, не раздор, не отсутствие страсти,
А именно трусость – первопричина.
Она-то и есть та самая мина,
Что чаще всего подрывает счастье.

Неправда, что будто мы сами порою
Не ведаем качеств своей души.
Зачем нам лукавить перед собою,
В основе мы знаем и то и другое,
Когда мы плохи и когда хороши.

Пока человек потрясений не знает,
Неважно – хороший или плохой,
Он в жизни обычно себе разрешает

Быть тем, кто и есть он. Самим собой.

Но час наступил – человек влюбляется.
Нет, нет, на отказ не пойдет он никак.
Он счастлив. Он страстно хочет понравиться.
Вот тут-то, заметьте, и появляется
Трусость – двуличный и тихий враг.

Волнуясь, боясь за исход любви
И словно стараясь принарядиться,
Он спрятать свои недостатки стремится,
Она – стушевать недостатки свои.

Чтоб, нравясь, быть самыми лучшими, первыми,
Чтоб как-то «подкрасить» характер свой,
Скупые на время становятся щедрыми,
Неверные – сразу ужасно верными,
А лгуньи за правду стоят горой.

Стремясь, чтобы ярче зажглась звезда,
Влюбленные словно на цыпочки встали

И вроде красивей и лучше стали.
«Ты любишь?» – «Конечно!»
«А ты меня?» – «Да!»

И все. Теперь они муж и жена.
А дальше все так, как случиться и должно:
Ну сколько на цыпочках выдержать можно?!
Вот тут и ломается тишина…

Теперь, когда стали семейными дни,
Нет смысла играть в какие-то прятки.
И лезут, как черти, на свет недостатки,
Ну где только, право, и были они?

Эх, если б любить, ничего не скрывая,
Всю жизнь оставаясь самим собой,
Тогда б не пришлось говорить с тоской:
«А я и не думал, что ты такая!»
«А я и не знала, что ты такой!»

И может, чтоб счастье пришло сполна,
Не надо душу двоить свою.

Ведь храбрость, пожалуй, в любви нужна
Не меньше, чем в космосе или в бою!

1967

Лесная сказка

Ты хочешь, чтоб звезды посыпались
Со звоном в твои ладони?
Чтоб с шумом из мрака вырвались
Костров гривастые кони?

Чтоб ветви, сомкнув объятья,
Твое повторяли имя?
Чтоб стало парчовым платье,
А туфельки – золотыми?

Ты хочешь, чтоб соболь черный
Дал гордый разлет бровям?
Чтоб сорок ветров покорно
Упали к твоим ногам?

Чтоб в курточках темно-зеленых,
Посыпавшись вдруг с ветвей,
Двести веселых гномов
Стали свитой твоей?

Ты хочешь, чтоб в пестрых красках,
Звездой отразясь в реке,

Вышла из леса сказка
С жар-птицею на руке?

А хочешь, скажи, ты хочешь
Такою красивой стать,
Что даже у южной ночи
Уж нечего будет взять?..

Ты верь мне, я лгать не буду!
Есть сто золотых ключей,
Я все их тебе добуду!
Я сто отыщу дверей!

А чтоб распахнуть их сразу
В волшебную ту страну,

Скажи мне одну лишь фразу,
Одну лишь, всего одну!

Слова в ней совсем простые,
Но жар их сильней огня.
Скажи мне слова такие –
Скажи, что любишь меня!

1967

Добрый принц

Ты веришь, ты ищешь любви большой,
Сверкающей, как родник.
Любви настоящей, любви такой,
Как в строчках любимых книг.

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно.

Молчать и видеть, как в синей дали,
За звездами, за морями,
Плывут навстречу тебе корабли
Под алыми парусами…

То рыцарь Айвенго, врагов рубя,
Мчится под топот конский.
А то приглашает на вальс тебя
Печальный Андрей Болконский.

Вот шпагой клянется д'Артаньян,
Влюбленный в тебя навеки.

А вот преподносит тебе тюльпан
Пылкий Ромео Монтекки.

Проносится множество глаз и лиц,
Улыбки, одежды, краски...

Вот видишь: красивый и добрый принц
Выходит к тебе из сказки.

Сейчас он с улыбкой наденет тебе
Волшебный браслет на запястье.
И с этой минуты в его судьбе
Ты станешь судьбой и счастьем!

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно...

Слышны далекие голоса,
Плывут корабли во мгле...
А все-таки алые паруса
Бывают и на земле!

И, может быть, возле судьбы твоей
Где-нибудь рядом, здесь,

Есть гордый, хотя неприметный Грэй
И принц настоящий есть!

И хоть он не с книжных сойдет страниц,
Взгляни! Обернись вокруг:
Пусть скромный, но очень хороший друг,
Самый простой, но надежный друг –
Может, и есть тот принц?!

1967

Шаганэ

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
С. Есенин

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван…
Возле глаз, собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

Где-то в небе мечутся зарницы,
Словно золотые петухи.
В лунном свете тополь серебрится,
Шаганэ Нерсесовне не спится,
В памяти рождаются стихи:

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что же это: правда или небыль?
Где-то в давних, призрачных годах
Пальмы, рыба, сулугуни с хлебом,
Грохот волн в упругий бубен неба
И Батуми в солнечных лучах…

И вот здесь-то в утренней тиши
Встретились Армения с Россией –
Черные глаза и голубые,
Две весенне-трепетных души.

Черные, как ласточки, смущенно
Спрятались за крыльями ресниц.
Голубые, вспыхнув восхищенно,
Загипнотизировали птиц.

Закружили жарко и влюбленно,
Оторвав от будничных оков,
И смотрела ты завороженно
В «голубой пожар» его стихов.

И не для тумана иль обмана
В той восточной лирике своей
Он Батуми сделал Хороссаном –
Так красивей было и звучней.

И беда ли, что тебя, армянку,
Школьную учительницу, вдруг
Он, одев в наряды персиянки,
Перенес на хороссанский юг!

Ты на все фантазии смеялась,
Взмыв на поэтической волне,
Как на звездно-сказочном коне,
Все равно! Ведь имя же осталось:
– Шаганэ!

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что ж, они и вправду не открылись.
Ну а распахнись они тогда,
То, как знать, быть может, никогда
Строки те на свет бы не явились.

Да, он встретил песню на пути.
Тут вскипеть бы яростно и лихо!
Только был он необычно тихим,

Светлым и торжественным почти…

Шаганэ… «Задумчивая пери»…
Ну, а что бы, если в поздний час
Ты взяла б и распахнула двери
Перед синью восхищенных глаз?!

Можно все домысливать, конечно,
Только вдруг с той полночи хмельной
Все пошло б иначе? И навечно
Две дороги стали бы одной?!

Ведь имей он в свой нелегкий час
И любовь, и дружбу полной мерой,
То, как знать, быть может, «Англетера»…
Эх, да что там умничать сейчас!

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван…
Возле глаз собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

И, быть может, полночью бессонной

Мнится ей, что расстояний нет,
Что упали стены и законы
И шагнул светло и восхищенно
К красоте прославленный поэт!

И, хмелея, кружит над землею
Тайна жгучих, смолянистых кос
Вперемежку с песенной волною
Золотых есенинских волос!..

1969

Стихи о несбывшейся встрече

Я решил сегодня написать
О любви и трепетном свиданье.
Парень будет нервничать и ждать,
Только я не дам ему страдать –
Девушка придет без опозданья.

Щедрым быть – так быть им до конца:
Я, как Бог, смету над ними тучи
И навек соединю сердца!
Пусть твердят, что это редкий случай.

Я сейчас такой наверняка
Оттого, что, веруя сердечно,
Жду в четыре твоего звонка
И хороших слов твоих, конечно.

Ждет и парень, молча прислонясь
К синему газетному киоску.
Вытащил часы в десятый раз
И зажег вторую папироску.

Ничего, всему наступит срок:
Будут звезды и счастливый вечер.
Вот сейчас раздастся твой звонок
И она шагнет к нему навстречу.

Но за часом час ползет вослед,
Свет фонарный заиграл на лужах,
А звонка все нет, все нет и нет...
И на сердце хуже все и хуже...

И во мраке, не смыкая глаз,
Парень ждет и только брови хмурит,
На часы глядит в двухсотый раз
И уже вторую пачку курит.

Эх, дружище, ты меня прости
За мою нескладную затею!
Я ж все к счастью думал привести,
Только сам остужен на пути,
А кривить душою не умею.

Если сердце не в ладу с пером –
Я с собою не играю в прятки.

Знаешь, друг, мы лучше подождем,
Вдруг мы зря тревогу эту бьем,

Вдруг да будет все еще в порядке?!

Новый день по крышам семенит…
Нет, неладно что-то получается,
Видно, потеряв последний стыд,
Телефон предательски молчит
Да еще как будто улыбается.

Что ж, неужто вышло не всерьез
То, что было так светло и ясно?
Неужели все оборвалось
И стихи о счастье понапрасну?!

Пятый день… Десятый день идет…
У любви терпение безмерно:
Днем и ночью парень ждет и ждет,
Ждет упрямо, преданно и верно.

Только сколько на планете зла?
Ничего от счастья не осталось.
Так она к нему и не пришла.
Очевидно, дрянью оказалась.

1969

Слово к мужчинам

У нас сегодня было бы смешно
Решать вопрос о равноправье женщины.
Оно, как говорится, «обеспечено»
И жизнью всей давно подтверждено.

Мы говорим: жена, товарищ, мать.
Мы произносим: равенство, свобода.

И все-таки природа есть природа,
И что-то здесь не надо забывать.

Ведь часто милым сами ж до зари
Мы шепчем: «Зяблик… Звездочка родная!»
А через год, от силы через три,
Все это тихо напрочь забываем.

И вот уже вам просто наплевать,
Что «зяблик» ваш, окончив день рабочий,
Такие тащит сумки, между прочим,

Каких и слон не смог бы приподнять!

И почему ж душа у вас не стынет
И на себя не разбирает злость,
Когда вас в дрему телевизор кинет,
А «звездочка» утюг в прихожей чинит
Иль в кухне заколачивает гвоздь!

А матери, что дарят день-деньской
Нас лаской и заботами своими…
Они не согласятся на покой,
Но и нельзя ж крутиться им порой
Почти в каком-то тракторном режиме!

Да, никакой их труд не испугает.
Все, если надо, смогут и пройдут.
Но нас это навряд ли возвышает,
И я без колебаний утверждаю:
Есть женский труд и есть неженский труд!

Не зря же в нашем лексиконе есть
Слова или понятие такое,
Как «рыцарство», или «мужская

честь»,
Иль попросту «достоинство мужское»!

Нет, ведь не скидка женщине нужна,
А наша чуткость в счастье и кручине.

И если нету рыцарства в мужчине,
То, значит, просто грош ему цена!

И я к мужчинам обращаю речь:
Давайте будем женщину беречь!

1970

Вечная красота

Устав от грома и чада,
От всей городской тесноты,
Человеку порою надо
Скрыться от суеты.

И степи любя, и воды,
Ты все-таки верь словам,
Что лес – это «храм природы».
Лес – он и вправду храм!

И нету на свете средства,
Дающего больше сил.
Ведь с самого малолетства
Он нас красоте учил.

С малиной, с речонкой узкой,
С травами до небес,
Разлапистый, русский-русский,
Грибной и смолистый лес.

В июньское многоцветье
Кинувшись, как в волну,

Скрытый от всех на свете,
Вслушайся в гул столетий
И мягкую тишину.

Взгляни, как рассвет дымится,
Послушай, как синь лесов
Проворней, чем кружевницы
Плетут, расшивают птицы
Трелями всех тонов.

Между кустов склоненных
Паук растянул антенну
И ловит завороженно
Все голоса вселенной.

На рыжем листе букашка
Смешно себе трет живот,
Шмель гудит над ромашкой,
Как маленький самолет.

А в небе, чуть слышный тоже,
Сиреневый хвост стеля,
Летит самолет, похожий
На крохотного шмеля.

И вновь тишина такая,

И снова такой покой,
Что слышно, как пролетает
Листик над головой…

Клены прямые, как свечи,
Стоят перед стайкой ив,
Лапы друг другу на плечи
Ласково положив.

От трав, от цветов дурманных
Почудится вдруг порой,
Что можешь, став великаном,
Скатать, как ковер, поляну
И взять навсегда с собой.

Волшебный снегирь на ветке
С чуть хитроватым взглядом

В красной тугой жилетке
Сидит и колдует рядом.

И вот оживают краски,
И вот уже лес смеется.
За каждым кустом по сказке,
И в каждом дупле – по сказке,
Аукнись – и отзовется…

Как часто в часы волнений
Мы рвемся в водоворот,
Мы ищем людских общений,
Сочувствия, утешений
Как средства от всех невзгод.

А что, если взять иное:
Стремление к тишине.
Душе ведь надо порою
Остаться наедине!

И может, всего нужнее
Уйти по тропе туда,
Где жаром рябина рдеет
И в терпком меду шалфея
Звенит родником вода;

Туда, где душе и глазу
Откроется мудрый мир
И где на плече у вяза
Волшебный поет снегирь.

1970

О скверном и святом

Что в сердце нашем самое святое?
Навряд ли надо думать и гадать.
Есть в мире слово самое простое
И самое возвышенное – Мать!

Так почему ж большое слово это,
Пусть не сегодня, а давным-давно,
Но в первый раз ведь было кем-то, где-то
В кощунственную брань обращено?

Тот пращур был и темный, и дурной
И вряд ли даже ведал, что творил,
Когда однажды взял и пригвоздил
Родное слово к брани площадной.

И ведь пошло же, не осело пылью,
А поднялось, как темная река.
Нашлись другие. Взяли, подхватили
И понесли сквозь годы и века…

Пусть иногда кому-то очень хочется

Хлестнуть врага словами, как бичом,
И резкость на язык не только просится,
А в гневе и частенько произносится,
Но только
мать тут все-таки при чем?

Пусть жизнь сложна, пускай порой сурова,
И все же трудно попросту понять,
Что слово «мат» идет от слова «мать»,
Сквернейшее от самого святого!

Неужто вправду за свою любовь,
За то, что родила нас и растила,
Мать лучшего уже не заслужила,
Чем этот шлейф из непристойных слов?!

Ну как позволить, чтобы год за годом
Так оскорблялось пламя их сердец?!
И сквернословам всяческого рода
Пора сказать сурово наконец:

Бранитесь или ссорьтесь как хотите,

Но не теряйте звания людей:
Не трогайте, не смейте, не грязните
Ни имени, ни чести матерей!

1970

Весенняя песня

Гроза фиолетовым языком
Лижет с шипеньем мокрые тучи.
И кулаком стопудовым гром
Струи, звенящие серебром,
Вбивает в газоны, сады и кручи.

И в шуме пенистой кутерьмы
С крыш, словно с гор, тугие потоки
Смывают в звонкие водостоки
Остатки холода и зимы.

Но ветер уж вбил упругие клинья
В сплетения туч. И усталый гром
С ворчаньем прячется под мостом,
А небо смеется умытой синью.

В лужах здания колыхаются,
Смешные, раскосые, как японцы.
Падают капли. И каждая кажется
Крохотным, с неба летящим солнцем.

Рухлядь выносится с чердаков,

Забор покрывается свежей краской,
Вскрываются окна, летит замазка,
Пыль выбивается из ковров.

Весна даже с душ шелуху снимает:
И горечь, и злость, что темны, как ночь,
Мир будто кожу сейчас меняет.

В нем все хорошее прорастает,
А все, что не нужно, долой и прочь!

И в этой солнечной карусели
Ветер мне крикнул, замедлив бег:
– Что же ты, что же ты в самом деле,
В щебете птичьем, в звоне капели
О чем пригорюнился, человек?!

О чем? И действительно, я ли это?
Так ли я в прошлые зимы жил?
С теми ли спорил порой до рассвета?
С теми ли сердце свое делил?

А радость-то – вот она – рядом носится,
Скворцом заливается на окне.

Она одобряет, смеется, просится:
– Брось ерунду и шагни ко мне!

И я (наплевать, если будет странным)
Почти по-мальчишески хохочу.
Я верю! И жить в холодах туманных,
Средь дел нелепых и слов обманных,
Хоть режьте, не буду и не хочу!

Ты слышишь, весна? С непогодой – точка!
А вот будто кто-то разбил ледок, –
Это в душе моей лопнула почка,
И к солнцу выпрямился росток.

Весна! Горделивые свечи сирени,
Солнечный сноп посреди двора,
Пора пробуждений и обновлений –
Великолепнейшая пора!

1970

Главная встреча

Фонарь в ночной реке полощет бороду.
Дрожит рекламы розовая нить.
Давай пойдем вдвоем с тобой по городу
И будем много, много говорить!

Пусть пары по скамеечкам ютятся,
Целуясь между слов и между фраз,
А мы с тобой не станем целоваться,
Нам это все не главное сейчас.

Нам, может быть, важнее в этот вечер
Раскрыть себя друг другу до конца.
Как жили мы до первой нашей встречи
И чем горели души и сердца.

Ни светлое не спрячем, ни дурное,
Все увлеченья, каждый жест и взгляд,
Все что ни есть – решительно откроем,
Пусть даже будет что-то и такое,

О чем порой другим не говорят...

Не любопытства ради, нет, не ради!
А потому, и только потому,
Что искра лжи, сокрытая в засаде,
Потом пожаром прорезает тьму.

Все нараспашку, настежь, как в полет!
Чтоб ни соринки, ни единой фальши!
Вот так, и только так, как звездолет,
Взлетит любовь взволнованная наша.

Ведь лишь из чистых и глубоких струй
Приходит к людям подлинная сказка,
Где все прекрасно: и слова, и ласка,
И каждый вздох, и каждый поцелуй.

1970

Счастливый человек

Кто и каков счастливый человек?..
Я лично так бы на вопрос ответил:
Счастливец тот, кто получил навек
Две песни – две любви на белом свете.

Не надо шуток и «уймитесь, страсти»!
Не двоеженство. Не об этом речь.
Да, две любви. И каждую сберечь –
Как раз и будет настоящим счастьем!

Нет, далеко не все и не всегда
Могли б сказать: «Люблю свою работу.
Готов трудиться до седьмого пота
И счастлив от любимого труда!»

И я уверен, даже твердо знаю,
Что в этой самой светлой из страстей
Есть что-то от любви к родному краю,
К своим друзьям и к Родине своей.

Но как моря не могут жить без рек,

Как без дождей земля оскудевает,
Так без любви сердечной человек
Духовно в чем-то все же прозябает.

Не зря о ней и пишут, и поют,
Не зря о ней так радостно мечтается.
И как ни славен человечий труд,
А нежность все же нежностью останется.

Тут ни замен и ни сравнений нет.
Не будем путать двух прекрасных миссий.
Да и народ рождается на свет
Не от ученых формул и трансмиссий.

Да, две любви в одном рукопожатье,
Как два крыла, берущие разбег.
Иначе говоря – любовь в квадрате.
И кто обрел их – по моим понятьям,
Счастливейший на свете человек!

1971

Высота

Под горкой в тенистой сырой лощине,
От сонной речушки наискосок,
Словно бы с шишкинской взят картины,
Бормочет листвой небольшой лесок.

Звенит бочажок под завесой мглистой,
И, в струи его с высоты глядясь,
Клены стоят, по-мужски плечисты,
Победно красою своей гордясь.

А жизнь им и вправду, видать, неплоха:
Подружек веселых полна лощина…
Лапу направо протянешь – ольха,
Налево протянешь ладонь – осина.

Любую только возьми за плечо,
И ни обид, ни вопросов спорных.
Нежно зашепчет, кивнет горячо
И тихо прильнет головой покорной.

А наверху, над речным обрывом,

Нацелясь в солнечный небосвод,
Береза – словно летит вперед,
Молодо, радостно и красиво...

Пусть больше тут сухости и жары,
Пусть щеки январская стужа лижет,
Но здесь полыхают рассветов костры,
Тут дали видней и слышней миры,
Здесь мысли крылатей и счастье ближе.

С достойным, кто станет навечно рядом,
Разделит и жизнь она и мечту.
А вниз не сманить ее хитрым взглядом,
К ней только наверх подыматься надо,
Туда, на светлую высоту!

1971

Когда порой влюбляется поэт…

Когда порой влюбляется поэт,
Он в рамки общих мерок не вмещается,
Не потому, что он избранник, нет,
А потому, что в золото и свет
Душа его тогда переплавляется.

Кто были те, кто волновал поэта?
Как пролетали ночи их и дни?
Не в этом суть, да и неважно это.
Все дело в том, что вызвали они!

Пускай горды, хитры или жеманны, –
Он не был зря, сладчайший этот плен.
Вот две души, две женщины, две Анны,
Две красоты – Оленина и Керн.

Одна строга и холодно-небрежна.
Отказ в руке. И судьбы разошлись.
Но он страдал, и строки родились:
«Я вас любил безмолвно, безнадежно».

Была другая легкой, как лоза,

И жажда, и хмельное утоленье.
Он счастлив был. И вспыхнула гроза
Любви: «Я помню чудное мгновенье».

Две Анны. Два отбушевавших лета.
Что нам сейчас их святость иль грехи?!
И все-таки спасибо им за это
Святое вдохновение поэта,
За пламя, воплощенное в стихи!

На всей планете и во все века
Поэты тосковали и любили.
И сколько раз прекрасная рука
И ветер счастья даже вполглотка
Их к песенным вершинам возносили!

А если песни были не о них,
А о мечтах или родном приволье,
То все равно в них каждый звук и стих
Дышали этим счастьем или болью.

Ведь если вдруг бесстрастна голова,
Где взять поэту буревые силы?
И как найти звенящие слова,

Коль спит душа и сердце отлюбило?!

И к черту разговоры про грехи.

Тут речь о вспышках праздничного света.

Да здравствуют влюбленные поэты!

Да здравствуют прекрасные стихи!

1972

Цвета чувств

Имеют ли чувства какой-нибудь цвет,
Когда они в душах кипят и зреют?..
Не знаю, смешно это или нет,
Но часто мне кажется, что имеют.

Когда засмеются в душе подчас
Трели по-вешнему соловьиные,
От дружеской встречи, улыбок, фраз,
То чувства, наверно, пылают в нас
Небесного цвета: синие-синие.

А если вдруг ревность сощурит взгляд
Иль гнев опалит грозовым рассветом,
То чувства, наверное, в нас горят
Цветом пожара – багровым цветом.

Когда ж захлестнет тебя вдруг тоска,
Да так, что вздохнуть невозможно даже,
Тоска эта будет, как дым, горька,
А цветом черная, словно сажа.

Если же сердце хмельным-хмельно,
Счастье, какое ж оно, какое?
Мне кажется, счастье, как луч. Оно
Жаркое, солнечно-золотое.

Назвать даже попросту не берусь
Все их – от ласки до горьких встрясок.
Наверное, сколько на свете чувств,
Столько цветов на земле и красок.

Судьба моя! Нам ли с тобой не знать,
Что я под вьюгами не шатаюсь.
Ты можешь любые мне чувства дать,
Я все их готов, не моргнув, принять
И даже черных не испугаюсь.

Но если ты даже и повелишь,
Одно, хоть убей, я отвергну!.. Это
Чувства крохотные, как мышь,
Ничтожно-серого цвета.

1972

В кафе

Рюмку коньячную поднимая
И многозначаще щуря взор,
Он вел «настоящий мужской разговор»,
Хмельных приятелей развлекая.

Речь его густо, как мед, текла
Вместе с хвастливым смешком и перцем.
О том, как, от страсти сгорев дотла,
Женщина сердце ему отдала,
Ну и не только, конечно, сердце…

– Постой, ну а как вообще она?.. –
Вопросы прыгали, словно жабы.
– Капризна? Опытна? Холодна?
В общих чертах опиши хотя бы!

Ах, если бы та, что от пылких встреч
Так глупо скатилась к нелепой связи,
Смогла бы услышать вот эту речь,
Где каждое слово грязнее грязи!

И если б представить она могла,
Что, словно раздетую до булавки,
Ее поставили у стола
Под взгляды, липкие, как пиявки.

Виновна? Наверно. И тем не менее
Неужто для подлости нет границ?!
Льется рассказ, и с веселых лиц
Не сходит довольное выражение.

Вдруг парень, читавший в углу газету,
Встал, не спеша подошел к столу,
Взял рассказчика за полу
И вынул из губ его сигарету.

Сказал: – А такому вот подлецу
Просто бы голову класть на плаху! –
И свистнул сплеча, со всего размаху
По злобно-испуганному лицу.

Навряд ли нужно искать причины,
Чтоб встать не колеблясь за чью-то честь.
И славно, что истинные мужчины

У нас, между прочим, пока что есть!

1972

Слово о любви

Любить – это прежде всего отдавать.
Любить – значит чувства свои, как реку,
С весенней щедростью расплескать
На радость близкому человеку.

Любить – это только глаза открыть
И сразу подумать еще с зарею:
Ну чем бы порадовать, одарить
Того, кого любишь ты всей душою?!

Любить – значит страстно вести бои
За верность и словом, и каждым взглядом,
Чтоб были сердца до конца свои
И в горе, и в радости вечно рядом.

А ждет ли любовь? Ну конечно, ждет!
И нежности ждет, и тепла, но только
Подсчетов бухгалтерских не ведет:
Отдано столько-то, взято столько.

Любовь не копилка в зашкафной мгле.
Песне не свойственно замыкаться.

Любить – это с радостью откликаться
На все хорошее на земле.

Любить – это видеть любой предмет,
Чувствуя рядом родную душу:
Вот книга – читал он ее или нет?
Вот груша – а как ему эта груша?

Пустяк? Отчего? Почему пустяк?!
Порой ведь и каплею жизнь спасают.
Любовь – это счастья вишневый стяг,
А в счастье пустячного не бывает!

Любовь – не сплошной фейерверк страстей,
Любовь – это верные в жизни руки.
Она не страшится ни черных дней,
Ни обольщений и ни разлуки.

Любить – значит истину защищать,
Даже восстав против всей вселенной.
Любить – это в горе уметь прощать

Все, кроме подлости и измены.

Любить – значит сколько угодно раз
С гордостью выдержать все лишенья,
Но никогда, даже в смертный час,
Не соглашаться на униженья!

Любовь – не веселый бездумный бант
И не упреки, что бьют под ребра.
Любить – это значит иметь талант,
Может быть, самый большой и добрый.

И к черту жалкие рассужденья,
Что чувства уйдут, как в песок вода.
Временны только лишь увлеченья.
Любовь же, как солнце, живет всегда!

И мне наплевать на циничный смех
Того, кому звездных высот не мерить.
Ведь эти стихи мои лишь для тех,
Кто сердцем способен любить и верить!

1973

Дружеский совет

Когда ты решишься в любви открыться
Однажды и навсегда,
Возможно, вначале она смутится
И сразу не скажет: «Да».

Ну что же, не надо обид и вздохов!
Тут только не спорь и жди.
Смущение – это не так уж плохо,
Все главное – впереди!

И вряд ли всерьез что-то будет значить,
Когда на твои слова
Она вдруг потупится и заплачет
Иль даже сбежит сперва.

Ведь слезы такие звучат, наверно,
Как пение соловья.
Слезы, ей-богу, совсем не скверно,
Считай, что она – твоя!

А впрочем, бывает и невезенье,
Когда прозвучит ответ
На фразы, полные восхищенья,
Сурово и горько: «Нет!»

И все-таки, если не потеряться,
А снова идти вперед,
Если надеяться, добиваться,
Быть сильным и нежным, то, может статься,
Счастье еще придет.

Но, если ничто ее не встревожит
И с милою простотой
Она тебе дружбу свою предложит,
Вот тут даже Бог тебе не поможет,
Простись и ступай домой!

1973

Оценка любви

Он в гости меня приглашал вчера:
– Прошу по-соседски, не церемониться!
И кстати, я думаю, познакомиться
Вам с милой моею давно пора.

Не знаю, насколько она понравится,
Да я и не слишком ее хвалю.
Она не мыслитель и не красавица.
Такая, как сотни. Ничем не славится.
Но я, между прочим, ее люблю!

Умчался приветливый мой сосед,
А я вдруг подумал ему вослед:
Не знаю, насколько ты счастлив будешь,
Много ль протянется это лет
И что будет дальше. Но только нет,
Любить ты, пожалуй, ее не любишь…

Ведь если душа от любви хмельна,
То может ли вдруг человек счастли-

вый
Хотя бы помыслить, что вот она
Не слишком-то, кажется, и умна,
И вроде не очень-то и красива.

Ну можно ли жарко мечтать о ней
И думать, что милая, может статься,
Ничем-то от сотен других людей
Не может, в сущности, отличаться?!

Нет, если ты любишь, то вся она,
Бесспорно же, самая романтичная,
Самая-самая необычная,
Ну словно из радости соткана.

И в синей дали, и в ненастной мгле
Горит она радугой горделивою,
Такая умная и красивая,
Что равных и нету ей на земле!

1973

О смысле жизни

– В чем смысл твоей жизни? – меня спросили.
– Где видишь ты счастье свое, скажи?
– В сраженьях, – ответил я, – против гнили
И в схватках, – добавил я, – против лжи!

По-моему, в каждом земном пороке,
Пусть так или сяк, но таится ложь.
Во всем, что бессовестно и жестоко,
Она непременно блестит, как нож.

Ведь все, от чего человек терзается,
Все подлости мира, как этажи,
Всегда пренахальнейше возвышаются
На общем фундаменте вечной лжи.

И в том я свое назначенье вижу,
Чтоб биться с ней каждым своим стихом,
Сражаясь с цинизма колючим льдом,

С предательством, наглостью, черным злом,
Со всем, что до ярости ненавижу!

Еще я хочу, чтоб моя строка
Могла б, отверзая тупые уши,

Стругать, как рубанком, сухие души
До жизни, до крохотного ростка!

Есть люди, что, веря в пустой туман,
Мечтают, чтоб счастье легко и весело
Подсело к ним рядом и ножки свесило:
Мол, вот я, бери и клади в карман!

Эх, знать бы им счастье совсем иное:
Когда, задохнувшись от высоты,
Ты людям вдруг сможешь отдать порою
Что-то взволнованное, такое,
В чем слиты и труд, и твои мечты.

Есть счастье еще и когда в пути
Ты сможешь в беду, как зимою в реку,
На выручку кинуться к человеку,
Подставить плечо ему и спасти.

И в том моя вера и жизнь моя.
И, в грохоте времени быстротечного,
Добавлю открыто и не тая,
Что счастлив еще в этом мире я
От женской любви и тепла сердечного...

Борясь, а не мудрствуя по-пустому,
Всю душу и сердце вложив в строку,
Я полон любви ко всему живому:
К солнцу, деревьям, к щенку любому,
К птице и к каждому лопуху!

Не веря ни злым и ни льстивым судьям,
Я верил всегда только в свой народ.
И, счастлив от мысли, что нужен людям,
Плевал на бураны и шел вперед.

От горя – к победам, сквозь все этапы!
А если летел с крутизны порой,

То падал, как барс, на четыре лапы
И снова вставал и кидался в бой.

Вот то, чем живу я и чем владею:

Люблю, ненавижу, борюсь, шучу.
А жить по-другому и не умею,
Да и, конечно же, не хочу!

1973

Итог

Да, вы со мною были нечестны.
Вы предали меня. И, может статься,
Не стоило бы долго разбираться,
Нужны вы мне теперь иль не нужны.

Нет, я не жажду никакой расплаты!
И, как ни жгут минувшего следы,
Будь предо мной вы только виноваты,
То это было б полбеды.

Но вы, с душой недоброю своей,
Всего скорее, даже не увидели,
Что вслед за мною ни за что обидели
Совсем для вас неведомых людей.

Всех тех, кому я после встречи с вами,
Как, может быть, они ни хороши,
Отвечу не сердечными словами,
А горьким недоверием души.

1973

Женский секрет

У женщин недолго живут секреты.
Что правда, то правда. Но есть секрет,
Где женщина тверже алмаза. Это:
Сколько женщине лет?!

Она охотней пройдет сквозь пламя
Иль ступит ногою на хрупкий лед,
Скорее в клетку войдет со львами,
Чем возраст свой правильно назовет.

И если задумал бы, может статься,
Даже лукавейший Сатана
В возрасте женщины разобраться,
То плюнул и начал бы заикаться.
Картина была бы всегда одна:

В розовой юности между женщиной
И возрастом разных ее бумаг
Нету ни щелки, ни даже трещины.
Все одинаково, – шаг в шаг.

Затем происходит процесс такой

(Нет, нет же! Совсем без ее старания):
Вдруг появляется «отставание»,
Так сказать, «маленький разнобой».

Паспорт все так же идет вперед,
А женщину вроде вперед не тянет:
То на год от паспорта отстает,
А то переждет и на два отстанет…

И надо сказать, что в таком пути
Она все больше преуспевает.
И где-то годам уже к тридцати,
Смотришь, трех лет уже не найти,
Ну словно бы ветром их выметает.

И тут, конечно же, не поможет
С любыми цифрами разговор.
Самый дотошнейший ревизор
Умрет, а найти ничего не сможет!

А дальше ни сердце и ни рука
Совсем уж от скупости не страдают.
И вот годам уже к сорока
Целых пять лет, хохотнув слегка,
Загадочным образом исчезают…

Сорок! Таинственная черта.
Тут всякий обычный подсчет кончается,
Ибо какие б ни шли года,
Но только женщине никогда
Больше, чем сорок, не исполняется!

Пусть время куда-то вперед стремится
И паспорт, сутулясь, бредет во тьму,
Женщине все это ни к чему.
Женщине будет всегда «за тридцать».

И, веруя в вечный пожар весны,
Женщины в битвах не отступают.
«Техника» нынче вокруг такая,
Что ни морщинки, ни седины!

И я никакой не анкетой мерю
У женщин прожитые года.
Бумажки – сущая ерунда,
Я женской душе и поступкам верю.

Женщины долго еще хороши,
В то время как цифры бледнеют рань-

ше.
Паспорт, конечно, намного старше,
Ибо у паспорта нет души.

А если вдруг кто-то, хотя б тайком,
Скажет, что может увянуть женщина,
Плюньте в глаза ему, дайте затрещину
И назовите клеветником!

1973

Кольца и руки

На правой руке золотое кольцо
Уверенно смотрит людям в лицо.
Пусть не всегда и счастливое,
Но все равно горделивое.

Кольцо это выше других колец
И тайных волнений чужих сердец.
Оно-то отнюдь не тайное,
А прочное, обручальное!

Чудо свершается и с рукой:
Рука будто стала совсем другой,
Отныне она спокойная,
Замужняя и достойная.

А если, пресытившись иногда,
Рука вдруг потянется «не туда»,
Ну что ж, горевать не стоит,
Кольцо от молвы прикроет.

Видать, для такой вот руки кольцо
К благам единственное крыльцо,

Ибо рука та правая
С ним и в неправде правая.

На левой руке золотое кольцо
Не так горделиво глядит в лицо.
Оно скорее печальное,
Как бывшее обручальное.

И женская грустная эта рука
Тиха, как заброшенная река:
Ни мелкая, ни многоводная,
Ни теплая, ни холодная.

Она ни наивна и ни хитра
И к людям излишне порой добра,
Особенно к «утешителям»,
Ласковым «навестителям».

А все, наверное, потому,
Что смотрит
на жизнь свою, как на тьму.
Ей кажется, что без мужа
Судьбы не бывает хуже.

И жаждет она, как великих благ,
Чтоб кто-то решился на этот шаг,

И, чтобы кольцо по праву ей,
Сняв с левой, надеть на правую.

А суть-то, наверно, совсем не в том,
Гордиться печатью или кольцом,
А в том, чтоб союз сердечный
Пылал бы звездою вечной!

Вот именно: вечной любви союз!
Я слов возвышенных не боюсь.
Довольно нам, в самом деле,
Коптить где-то еле-еле!

Ведь только с любовью большой навек
Счастливым может быть человек,
А вовсе не ловко скованным
Зябликом окольцованным.

Пусть брак этот будет любым, любым:
С загсом, без загса ли, но таким,
Чтоб был он измен сильнее
И золота золотее!

И надо, чтоб руки под стук сердец
Ничуть не зависели от колец,

А в бурях, служа крылами,
Творили бы счастье сами.

А главное в том, чтоб, храня мечты,
Были б те руки всегда чисты
В любом абсолютно смысле
И зря ни на ком не висли!

1973

Веронике Тушновой и Александру Яшину

Сто часов счастья, чистейшего, без обмана...
Сто часов счастья!
Разве этого мало?

В. Тушнова

Я не открою, право же, секрета,
Коль гляну в ваши трепетные дни.
Вы жили, как Ромео и Джульетта,
Хоть были втрое старше, чем они.

Но разве же зазорна иль позорна
В усталом сердце брызнувшая новь?!
Любви и впрямь «все возрасты покорны»,
Когда придет действительно любовь!

Бывает так: спокойно, еле-еле
Живут, как дремлют в зиму и жару.
А вы избрали счастье. Вы не тлели,

Вы горячо и радостно горели,
Горели, словно хворост на ветру.

Пускай бормочет зависть, обозлясь,
И сплетня вслед каменьями швыряет.
Вы шли вперед, ухабов не страшась,
Ведь незаконна в мире только грязь,
Любовь же «незаконной» не бывает!..

Дворец культуры. Отшумевший зал.
И вот мы трое, за крепчайшим чаем.
Усталые, смеемся и болтаем.
Что знал тогда я? Ничего не знал.

Но вслушивался с легким удивленьем,
Как ваши речи из обычных слов
Вдруг обретали новое значенье,
И все – от стен до звездного круженья –
Как будто говорило про любовь!

Да так оно, наверное, и было.
Но дни у счастья, в общем, коротки.
И, взмыв в зенит и исчерпав все силы,
Она, как птица, первой заплатила
За «сто часов» блаженства и тоски...

А в зимний вечер, может, годом позже
Нас с ним столкнул людской водоворот.
И, сквозь беседу, ну почти что кожей
Я чувствовал: о, как же непохожи
Два человека – нынешний и тот.

Всегда горячий, спорщик и боец,
Теперь, как в омут, погруженный в лихо,
Брел, как во сне, потерянный и тихий,
И в сердце вдруг, как пуля: «Не жилец!..»

Две книги рядом в комнатной тиши…
Как два плеча, прижатые друг к другу.
Две нежности, два сердца, две души,
И лишь любовь одна, как море ржи,
И смерть одна, от одного недуга…

Но что такое смерть или бессмертье?!
Пусть стали тайной и она и он,
И все же каждый верен и влюблен
И посейчас, и за чертою смерти!

Две книги рядом, полные тепла,
Где в жилах строк – упругое биенье.
Две книги рядом, будто два крыла,
Земной любви – живое продолженье.

Я жал вам руки дружески не раз,
Спеша куда-то в городском трезвоне,
И вашу боль, и бури ваших глаз –
Все ваше счастье, может, в первый раз,
Как самородок, взвесил на ладони.

И коль порой устану от худого,
От чьих-то сплетен или мелких слов,
Махну рукой и отвернусь сурово.
Но лишь о вас подумаю, как снова
Готов сражаться насмерть за любовь!

1973

Виновники

В час, когда мы ревнуем и обиды считаем,
То, забавное дело, кого мы корим?
Мы не столько любимых своих обвиняем,
Как ругаем соперников и соперниц браним.

Чем опасней соперники, тем бичуем их резче,
Чем дороже нам счастье, тем острее бои,
Потому что ругать их, наверное, легче,
А любимые ближе и к тому же свои.

Только разве соперники нам сердца опаляли
И в минуты свиданий к нам навстречу рвались?
Разве это соперники нас в любви уверяли

И когда-то нам в верности убежденно клялись?!

Настоящий алмаз даже сталь не разрубит.

Разве в силах у чувства кто-то выиграть бой?

Разве душу, которая нас действительно любит,

Может кто-нибудь запросто увести за собой?!

Видно, всем нам лукавить где-то чуточку

свойственно

И соперников клясть то одних, то других,

А они виноваты, в общем, больше-то косвенно,

Основное же дело абсолютно не в них!

Чепуха – все соперницы или вздохи

поклонников!

Не пора ли быть мудрыми, защищая любовь,

И метать наши молнии в настоящих

виновников?!

Вот тогда и соперники не появятся вновь!

1974

О славе Родины

Нашим недругам

Сколько раз над моей страною
Била черным крылом война.
Но Россия всегда сильна,
Лишь крепчала от боя к бою!

Ну, а если ни злом, ни горем
Не сломить ее и не взять,
То нельзя ли в лукавом споре
Изнутри ее «ковырять»?

И решили: – Побольше наглости!
Для таких, кто на слякоть падки,
Подливайте фальшивой жалости,
Оглупляйте ее порядки.

Ну а главное, ну а главное
(Разве подлость не путь к успеху?!),
На святое ее и славное –
Больше яда и больше смеха!

Пусть глупцы надорвут животики,

Плюнув в лица себе же сами!
И ползут по стране ужами
Пошловатые анекдотики.

До чего же выходит здорово,
Не история, а игра:
Анекдотики про Суворова,
Про указы царя Петра.

Тарахтит суесловье праздное
И роняет с гнилым смешком
То о Пушкине штучки разные,
То скабрезы о Льве Толстом.

И, решив, что былое пройдено,
Нынче так уже разошлись,
Что дошли до героев Родины,
До Чапаева добрались.

Будто был боевой начдив,
Даже молвить-то странно, жаден.
Неразумен-то и нескладен,
И, смешнее того, – труслив.

Это он-то – храбрец и умница!
(Ах ты, подлый вороний грай!)

Это гордость-то революции!
Это светлый-то наш Чапай!

И не странно ль: о славе Родины
Не смолкает визгливый бред,
А о Фордах иль, скажем, Морганах
Анекдотов как будто нет...

Впрочем, сколько вы там ни воете
И ни ржете исподтишка,
Вы ж мизинца его не стоите,
Даже просто его плевка!

Что от вас на земле останется?
Даже пыли и то не будет!
А ему будут зори кланяться!
А его будут помнить люди!

И в грядущее, в мир просторный
Будет вечно, сражая зло,
Мчаться вихрем он в бурке черной
С острой шашкою наголо!

1974

Позднее счастье

Хотя чудес немало у земли,
Но для меня такое просто внове,
Чтоб в октябре однажды в Подмосковье
Вдруг яблони вторично зацвели!

Горя пунцово-дымчатым нарядом,
Любая роща – как заморский сад:
Весна и осень будто встали рядом,
Цветут цветы, и яблоки висят.

Весна и осень, солнце и дожди,
Точь-в-точь посланцы Севера и Юга.
Как будто ждут, столкнувшись, друг от друга
Уступчивого слова – проходи!

Склонив к воде душистые цветы,
В рассветных брызгах яблоня купается.
Она стоит и словно бы смущается
Нагрянувшей нежданно красоты:

– Ну что это такое в самом деле!
Ведь не девчонка вроде бы давно,
А тут перед приходами метели
Вдруг расцвела. И глупо и смешно!

Но ветер крикнул: – Что за ерунда!
Неужто мало сделано тобою?!
При чем тут молода – немолода?
Сейчас ты хороша как никогда,
Так поживи красивою судьбою!

Взгляни, как жизнь порою отличает:
В пушисто-белом празднике цветов
Багряный жар пылающих плодов…
Такого даже молодость не знает!

Тебя терзали зной и холода,
Кому ж, скажи, еще и погордиться?!
Вглядись смелее в зеркало пруда,
Ну разве ты и вправду не царица?!

Так прочь сомненья! Это ни к чему.
Цвети и смейся звонко и беспечно!
Да, это – счастье! Радуйся ему.

Оно ведь, к сожаленью, быстротечно...

1975

Две красоты

Хоть мать-судьба и не сидит без дела,
Но идеалы скупо созидает,
И красота души с красивым телом
Довольно редко в людях совпадает.

Две высоты, и обе хороши.
Вручить бы им по равному венцу!
Однако часто красота души
Завидует красивому лицу.

Не слишком-то приятное признанье,
А все же что нам истину скрывать?!
Ведь это чувство, надобно сказать,
Не лишено, пожалуй, основанья.

Ведь большинство едва ль не до конца
Престранной «близорукостью» страдает.
Прекрасно видя красоту лица,
Душевной красоты не замечает.

А и заметит, так опять не сразу,

А лишь тогда, смущаясь, разглядит,
Когда все то, что мило было глазу,
Порядочно и крепко насолит.

А может быть, еще и потому,
Что постепенно, медленно, с годами,
Две красоты, как женщины в дому,
Вдруг словно бы меняются ролями.

Стареет внешность: яркие черты
Стирает время властно и жестоко,
Тогда как у духовной красоты
Нет ни морщин, ни возраста, ни срока.

И сквозь туман, как звездочка в тиши,
Она горит и вечно улыбается.
И кто откроет красоту души,
Тот, честное же слово, не закается!

Ведь озарен красивою душой,
И сам он вечным расплеснется маем!
Вот жаль, что эту истину порой
Мы все же слишком поздно понимаем.

1975

Распростилась, и все…

Распростилась, и все. Никаких вестей!
Вдруг ушла и оставила мне тоску.
И она, будто волк, у моих дверей
Смотрит в небо и воет все «у-у» да «у-у-у».

Кто наивен и сразу навек влюблен,
Стал бы, мучась, наверное, подвывать.
Я ж в людских ненадежностях закален.
И меня, вероятно, непросто взять.

Нет, тоска, не стремись застудить мечту!
И чтоб ты не копалась в моей судьбе,
Я веселые строки тебе прочту
И само озорство пропою тебе.

Ты смутишься, ты хвост трусовато спрячешь
И отпрыгнешь, сердясь, от моих дверей.
Нет, со мной ты уже никогда не сла-

дишь.

Отправляйся-ка лучше обратно к ней!

Ведь она ж безнадежно убеждена

В том, что ей абсолютно и все простится

И что, как ни держала б себя она,

Я – при ней. И всегда приползу мириться.

И теперь вот, когда, торжество тая,

Будет ждать она гордо подобной встречи,

Все случится не так: а приду не я,

А придет к ней тоска в одинокий вечер.

И уж ей-то тоски не суметь пресечь.

Гневно встанет и вдруг, не сдержавшись,

всхлипнет.

Что ж, не зря говорят: «Кто поднимет меч,

Тот потом от меча от того и погибнет!»

1975

Лучший совет

Почувствовав неправою себя,
Она вскипела бурно и спесиво,
Пошла шуметь, мне нервы теребя,
И через час, все светлое губя,
Мы с ней дошли едва ль не до разрыва.

И было столько недостойных слов,
Тяжеловесных, будто носороги,
Что я воскликнул: – Это не любовь! –
И зашагал сурово по дороге.

Иду, решая: нужен иль не нужен?
А сам в окрестной красоте тону:
За рощей вечер, отходя ко сну,
Готовит свой неторопливый ужин.

Как одинокий старый холостяк,
Быть может зло познавший от подруги,
Присев на холм, небрежно, кое-как
Он расставляет блюда по округе:

Река в кустах сверкнула, как селедка,
В бокал пруда налит вишневый сок,
И, как «глазунья», солнечный желток
Пылает на небесной сковородке.

И я спросил у вечера: – Скажи,
Как поступить мне с милою моею?
– А ты ее изменой накажи! –
Ответил вечер, хмуро багровея. –

И вот, когда любимая заплачет,
Обидных слез не в силах удержать,
Увидишь сам тогда, что это значит –
Изменой злою женщину терзать!

Иду вперед, не успокоив душу,
А мимо мчится, развивая прыть,
Гуляка-ветер. Я кричу: – Послушай!
Скажи мне, друг, как с милой поступить?

Ты всюду был, ты знаешь все на свете,
Не то что я – скромняга-человек.
– А ты ее надуй! – ответил ветер. –
Да похитрей, чтоб помнила весь век.

И вот, когда любимая заплачет,
Тоскливых слез не в силах удержать,
Тогда увидишь сам, что это значит –
Обманным словом женщину терзать!

Вдали, серьгами царственно качая,
Как в пламени, рябина у реки.
– Красавица, – сказал я. – Помоги!
Как поступить мне с милою, не знаю.

В ответ рябина словно просияла.
– А ты ее возьми и обними!

И зла не поминай, – она сказала. –
Ведь женщина есть женщина. Пойми!

Не спорь, не говори, что обижаешься,
А руки ей на плечи положи
И поцелуй… И ласково скажи…
А что сказать – и сам ты догадаешься.

И вот, когда любимая заплачет,
Счастливых слез не в силах удержать,
Тогда узнаешь сам, что это значит –

С любовью слово женщине сказать!

1976

«Прогрессивный» роман

Он смеялся сурово и свысока
И над тем, как держалась она несмело,
И над тем, что курить она не умела,
А пила лишь сухое, и то слегка.

И когда она кашляла, дым глотая,
Утирая слезу с покрасневших век,
Он вздыхал, улыбаясь: – Минувший век.
Надо быть современною, дорогая!

Почитая скабрез «прогрессивным делом»,
Был и в речи он истинным «молодцом»
И таким иногда громыхал словцом,
Что она от смущения багровела.

А на страх, на застенчивые слова
И надежду открыть золотые дали
Огорченно смеялся в ответ: – Видали?
До чего же наивная голова!

Отдохни от высоких своих идей.

И, чтоб жить хорошо посреди вселенной,

Сантименты, пожалуйста, сдай в музей.

Мы не дети, давай не смешить людей,

Будь хоть раз, ну, действительно современной!

Был «наставник» воистину боевой

И, как видно, сумел, убедил, добился.

А затем успокоился и… женился,

Но женился, увы, на совсем другой.

На какой? Да как раз на такой, которая

И суровой, и твердой была к нему.

На улыбки была далеко не скорая,

А строга – как боярыня в терему.

И пред ней, горделивой и чуть надменной,

Он сгибался едва ли не пополам…

Вот и верь «прогрессивным» теперь речам,

Вот и будь после этого «современной»!

1976

Колдовские травы

Хоть ты смеялась надо мной,
Но мне и это было мило.
Ни дать ни взять – дурман-травой
Меня ты втайне опоила.

Я не был глуп и понимал:
К твоей душе не достучаться.
Но все равно чего-то ждал –
С мечтой ведь просто не расстаться!

Нет, взгляды, что бросала ты,
Совсем не для меня светили.

И птицы счастья и мечты
С моими рядом не кружили.

Я все рассудком понимал,
Смотрел на горы и на реки,
Но будто спал, но будто спал,
Как зачарованный навеки.

И чуть ты бровью шевелила –
Я шел безгласно за тобой.

А ты смеялась: «Сон-травой
Тебя я насмерть опоила!»

Но и во сне и наяву,
Как ни тиранствуй бессердечно,
А все же злому колдовству
Дается царство не навечно!

О, как ты вспыхнула душой
И что за гнев в тебе проснулся,
Когда я, встретившись с тобой,
Однажды утренней порой
Вдруг равнодушно улыбнулся.

Не злись, чудная голова,
Ты просто ведать не желала,
Что есть еще разрыв-трава,
Ее мне сердце подсказало!

1976

Идеал

Я шел к тебе долго – не год, не два,
Как путник, что ищет в буран жилье.
Я верил в большие, как мир, слова
И в счастье единственное свое.

Пускай ты не рядом, пускай не здесь,
Я счастья легкого и не жду,
Но ты на земле непременно есть,
И я хоть умру, но тебя найду!

О, сколько же слышал я в мире слов,
Цветистых, как яркая трель дрозда,
Легко обещавших мне и любовь,
И верность сразу и навсегда!

Как просто, на миг себя распаля,
Люди, что честностью не отмечены,
Вручают на счастье нам векселя,
Которые чувством не обеспечены.

И сколько их было в моей судьбе,
Таких вот бенгальски-пустых огней,

Случалось, я падал в пустой борьбе,
Но вновь подымался и шел к тебе,
К единственной в мире любви моей!

И вот, будто вскинувши два крыла,
Сквозь зарево пестрых ночных огней,
Ты вдруг наконец-то меня нашла,
Влетела, как облако, подошла,
Почти опалив красотой своей.

Сказала: – И с радостью, и с бедой
Ты все для меня: и любовь, и свет,
Пусть буду любовницей, пусть женой,
Кем хочешь, но только всегда с тобой.
Не знаю, поверишь ты или нет?!

Да что там – поверишь, ты сам проверишь,
Что то не минутный накал страстей,
Любовь ведь не ласками только меришь,
А правдой, поступками, жизнью всей!

Вот этому я и молюсь закону.
И мне… Мне не надо такого дня,

Который ты прожил бы без меня,
Ну пусть только слово по телефону.

Мечтать с тобой вместе, бороться, жить,
Быть только всегда для тебя красивою.
Ты знаешь, мне хочется заслужить
Одну лишь улыбку твою счастливую.

Я молча стою, а душа моя
Как будто бы плавится в брызгах света.
И чувствую нервами всеми я,
Что это не фразы, а правда это.

И странной я жизнью теперь живу.
Ведь счастье… Конечно б, оно свершилось,
Да жалко, что ты мне во сне приснилась,
А я-то искал тебя наяву…

1976

Поэзия и проза

Шагая по парку средь голых кленов
Вдоль спящей под белым платком реки,
Веселая пара молодоженов
Швыряла друг в друга, смеясь, снежки.

Она была счастлива так, что взглядом
Могла бы, наверное, без хлопот
На том берегу, а не то что рядом,
Как лазером, плавить и снег, и лед.

Пылал ее шарф, и лицо сияло,
Смеялась прядка на ветерке,
И сердце в груди ее громыхало
Сильней, чем транзистор в его руке.

Увидевши яблони возле пруда,
Что, ежась под ветром, на холм брели,
Она озорно закричала: – Буду
Сейчас колдовать, чтоб свершилось чудо,

Хочу, чтобы яблони зацвели!

И звездочки стужи, сначала редко,
Затем все дружнее чертя маршрут,
Осыпали черные пальцы веток –
И вот оно: яблони вновь цветут!

Но счастье еще и не то умеет.
Вокруг – точно зарево! Посмотри:
На ветках, как яблоки пламенея,
Качаются алые снегири.

Однако, взглянув равнодушным взором
На эту звенящую красоту,
Он, скучно зевнув, произнес с укором:
– Ведь скажешь же всякую ерунду!..

Уж слишком ты выдумки эти любишь,
А я вот не верю ни в чох, ни в стих.
И снег – это снег, а синиц твоих,
Прости, но как фрукты ведь есть не будешь!

А, кстати, сейчас бутербродец вдруг
Нам очень бы даже украсил дело! –
Сказал, и от слов этих все вокруг

Мгновенно ну словно бы потемнело:

Солнце заторилось в облака,
Пенье, как лед на ветру, застыло
И словно незримая вдруг рука
Пронзительный ветер с цепи спустила.

От ярости жгучей спасенья нет,
Ветер ударил разбойно в спину,

И сразу сорвал белоснежный цвет,
И алое зарево с веток скинул.

И нет ничего уж под серой тучей –
Ни песен, ни солнца, ни снегирей.
Лишь ссоры ворон, да мороз колючий,
Да голый, застывший скелет ветвей.

И все! И улыбка вдруг улетает.
И горький упрек прозвенеть готов…
Вот что со счастьем порой бывает
От черствой души и холодных слов!

1977

Учитесь!

Учитесь мечтать, учитесь дружить,
Учитесь милых своих любить
И жить горячо и смело.
Воспитывать душу и силу чувств –
Не только труднейшее из искусств,
Но сверхважнейшее дело!

– Позвольте, – воскликнет иной простак, –
Воспитывать чувства? Но как же так?
Ведь в столбик они не множатся!
Главное в жизни, без лишних слов, –
Это найти и добыть любовь,
А счастье само приложится.

Спорщики, спорщики!.. Что гадать,
Реку времен не вернете вспять,
Чтоб заново жить беспечно.
Так для чего ж повторять другим
Всех наших горьких ошибок дым,

Жизнь-то ведь быстротечна.

Нельзя не учась водить самолет,
Но разве же проще любви полет,
Где можно стократ разбиться?
Веру, тепло и сердечность встреч
Разве легко на земле сберечь?
Как же тут не учиться?!

Учитесь, товарищи, уступать,
Учитесь по совести поступать,
И где бы ни пить – не упиться.
Непросто быть честным всегда и везде,
И чтобы быть верным в любой беде,
Трижды не грех учиться!

С готовой, с красивой душой навек
Отнюдь не рождается человек,
Ничто ведь само не строится.
Уверен, что скромником и бойцом,
Отзывчивым, умницей, храбрецом –
Учатся и становятся.

Но как это сделать? Легко сказать!

Как сделать?.. А душу тренировать
На искренность, на заботы.
Как в спорте, как в музыке, как в труде,
Тренаж нужен людям везде-везде,
Вот так и берут высоты.

Высоты всяческой красоты,
Любви и действительной доброты,
И нечего тут стыдиться!
Ведь ради того, чтоб не зря весь век
Носили мы звание Человек, –
Стоит, друзья, учиться!

1978

Дым отечества

Как лось охрипший, ветер за окошком
Ревет и дверь бодает не щадя,
А за стеной холодная окрошка
Из рыжих листьев, града и дождя.

А к вечеру – ведь есть же чудеса –
На час вдруг словно возвратилось лето
И на проселок, рощи и леса
Плеснуло ковш расплавленного света.

Закат мальцом по насыпи бежит,
А с двух сторон, в гвоздиках и ромашках,
Рубашка-поле – ворот нараспашку,
Переливаясь, радужно горит.

Промчался скорый, рассыпая гул,
Обдав багрянцем каждого окошка,
И рельсы, словно «молнию»-застежку,
На вороте со звоном застегнул.

Рванувшись к туче с дальнего пригорка,

Шесть воронят затеяли игру.
И тучка, как трефовая шестерка,
Сорвавшись вниз, кружится на ветру.

И падает туда, где, выгнув талию
И пробуя поймать ее рукой,
Осина пляшет в разноцветной шали,
То дымчатой, то красно-золотой.

А рядом в полинялой рубашонке
Глядит в восторге на веселый пляс
Дубок-парнишка, радостный и звонкий,
Сбив на затылок пегую кепчонку,
И хлопая в ладоши, и смеясь.

Два барсука, чуть подтянув штаны
И, словно деды, пожевав губами,
Накрыли пень под лапою сосны
И, «тяпнув» горьковатой белены,
Закусывают с важностью груздями.

Вдали холмы, подстрижены косилкой,
Топорщатся стернею там и тут,
Как новобранцев круглые затылки,
Что через месяц в армию уйдут.

Но тьма все гуще снизу наползает,
И белка, как колдунья, перед сном
Фонарь луны над лесом зажигает
Своим багрово-пламенным хвостом.

Во мраке птицы словно растворяются,
А им взамен на голубых крылах
К нам тихо звезды первые слетаются
И, размещаясь, ласково толкаются
На проводах, на крышах и ветвях.

И у меня такое ощущенье,
Как будто бы открылись мне сейчас
Душа полей, и леса настроенье,
И мысли трав, и ветра дуновенье,
И даже тайна омутовых глаз...

И лишь одно с предельной остротой
Мне кажется почти невероятным:
Ну как случалось, что с родной землей
Иные люди, разлучась порой,
Вдруг не рвались в отчаянье обратно?!

Пусть так бывало в разные века,
Да и теперь бывает и случается.

Однако я скажу наверняка
О том, что настоящая рука
С родной рукой навеки не прощается!

Пускай корил ты свет или людей,
Пусть не добился денег или власти,
Но кто и где действительное счастье
Сумел найти без Родины своей?!

Все, что угодно, можно испытать:
И жить в чести, и в неудачах маяться,
Однако на Отчизну, как на мать,
И в смертный час сыны не обижаются.

Ну вот она – прекраснее прикрас,
Та, с кем другим нелепо и равняться,
Земля, что с детства научила нас
Грустить и петь, бороться и смеяться.

Уснул шиповник в клевере по пояс,
Зарницы сноп зажегся и пропал,
В тумане где-то одинокий поезд,
Как швейная машинка, простучал…

А утром дятла работящий стук,

В нарядном первом инее природа,
Клин журавлей, нацеленный на юг,
А выше, грозно обгоняя звук,
Жар-птица лайнер в пламени восхода.

Пень на лугу, как круглая печать,
Из-под листа – цыганский глаз смородины.
Да, можно все понять иль не понять,
Все пережить и даже потерять
Все в мире, кроме совести и Родины!

1978

Побереги

Ты говоришь, что кончилась любовь
И слишком много сделано такого,
Что не позволит возвратиться вновь
Ни даже тени нашего былого.

Ну что же, ладно. Так и порешим.
Как бы незримый договор подпишем,
Что мы теперь друг другу не напишем,
Не встретимся и вновь не позвоним.

О, как легко решенья принимаются!
Что годы встреч иль даже просто год,
Все вдруг, как пена с молока, сдувается,
Иль будто дрозд из клетки выпускается:
Прощай, лети! И никаких забот.

Куда как просто, душ своих не мучая,
Пожать друг другу руки: – В добрый путь!
Но все, что было светлого и лучшего,

Его куда и как перечеркнуть?!

Мы произносим: – Кончена любовь. –
Порой бодрясь и голосом и взглядом,
Но чувствуем, как холодеет кровь,
И что-то в нас почти кричит: – Не надо!

Эх, были бы волшебные весы,
Чтоб «за» и «против» взвесить успевали,
Чтоб люди дров в азарте не ломали
И не тогда ошибки понимали,
Когда давно отстукают часы.

И чтоб не вышло зло и несчастливо,
Давай-ка, те часы остановив,
Свершим с тобой не подлинный разрыв,
А, может, что-то вроде перерыва.

Да, не порвем всех нитей до конца.
Пускай смешно, но слишком жизнь сурова.
Простимся так, чтоб, если надо, снова
Могли друг друга отыскать сердца.

Легко в ненастье крикнуть: – Навсегда! –
Но истая любовь, она не тонет
И, может быть, на нашем небосклоне
Еще взойдет, как яркая звезда.

Кто мы с тобой: друзья или враги?
Сегодня в душах все перемешалось.
Но если что-то светлое осталось,
Не разбивай его, побереги!

1980

Друг без друга у нас получается все…

Друг без друга у нас получается все
В нашем жизненном трудном споре.
Все свое у тебя, у меня все свое,
И улыбки свои, и горе.

Мы премудры: мы выход в конфликтах нашли
И, вчерашнего дня не жалея,
Вдруг решили и новой дорогой пошли,
Ты своею пошла, я – своею.

Все привольно теперь: и дела, и житье,
И хорошие люди встречаются.
Друг без друга у нас получается все.
Только счастья не получается…

1980

Заколдованный круг

Ты любишь меня и не любишь его.
Ответь: ну не дико ли это, право,
Что тут у него есть любое право,
А у меня ну – почти ничего?!

Ты любишь меня, а его не любишь:
Прости, если что-то скажу не то,
Но кто с тобой рядом все время, кто
И нынче, и завтра, и вечно кто?

Что ты ответишь мне, как рассудишь?
Ты любишь меня? Но не странно ль это!
Ведь каждый поступок для нас с тобой –
Это же бой, настоящий бой
С сотнями трудностей и запретов.

Понять? Отчего ж, я могу понять.
Сложно? Согласен, конечно, сложно.
Есть вещи, которых нельзя ломать,

Пусть так, ну а мучиться вечно можно?!

Молчу, но душою почти кричу:
Ну что они – краткие эти свидания?!
Ведь счастье, я просто понять хочу,
Ужель, как сеанс иль визит к врачу:
Пришел, повернулся и до свидания!

Пылает заревом синева,
Бредут две Медведицы, Большая и Малая,
А за окном стихает Москва,
Вечерняя, пестрая, чуть усталая.

Шторы раздерну, вдали темно,
Как древние мамонты дремлют здания,
А где-то сверкает твое окно
Яркою звездочкой в мироздании.

Ты любишь меня… Но в мильонный раз
Даже себе не подам и вида я,
Что, кажется, остро сейчас завидую

Ему, нелюбимому, в этот час.

1982

Маэстро

Счастливый голос в трубке телефонной:
– Люблю, люблю! Без памяти! Навек!
Люблю несокрушимо и бездонно! –
И снова горячо и восхищенно:
– Вы самый, самый лучший человек!

Он трубку улыбаясь положил.
Бил в стекла ветер шумно и тревожно.
Ну что сказать на этот буйный пыл?
И вообще он даже не решил,
Что хорошо, а что тут невозможно?

Ее любовь, ее счастливый взгляд,
Да, это праздник радости, и все же
На свете столько всяческих преград,
Ведь оболгут, опошлят, заедят,
К тому ж он старше, а она моложе.

Ну что глупцам душа или талант!
Ощиплют подчистую, как цыпленка.

Начнут шипеть: – Известный музыкант,
И вдруг нашел почти наивный бант,
Лет двадцать пять. Практически девчонка.

Но разве чувство не бывает свято?
И надо ль биться с яркою мечтой?
Ведь были же и классики когда-то.
Был Паганини в пламени заката.
Был Верди. Были Тютчев и Толстой.

А впрочем, нет, не в этом даже дело,
И что такое этажи из лжи
И всяческие в мире рубежи
Пред этим взглядом, радостным и смелым!

Ведь если тут не пошлость и не зло
И главный смысл не в хмеле вожделений,
А если ей и впрямь его тепло
Дороже всех на свете поклонений?!

И если рвется в трубке телефонной:
– Люблю, люблю! Без памяти! Навек!

Люблю несокрушимо и бездонно! –
И снова горячо и восхищенно:
– Вы самый, самый лучший человек!

Так как решить все «надо» и «не надо»?
И как душе встревоженной помочь?
И что важней: житейские преграды
Иль этот голос, рвущийся сквозь ночь?

Кидая в мрак голубоватый свет,
Горит вдали последняя звезда.
Наверно, завтра он ответит «нет»,
Но нынче, взяв подаренный портрет,
Он по секрету тихо скажет «да»!

1984

Влюбленный

День окончился, шумен и жарок,
Вдоль бульвара прошла тишина…
Словно детский упущенный шарик,
В темном небе всплывает луна.

Все распахнуто – двери, окошки,
Где-то слышно бренчанье гитар.

Желтый коврик швырнул на дорожку
Ярко вспыхнувший круглый фонарь.

И от этого света девчонка
В ночь метнулась, пропав без следа,
Только в воздухе нежно и звонко
Все дрожало счастливое «да».

Он идет, как хмельной, чуть шатаясь,
Шар земной под ногами гудит.
Так, как он, на весь мир улыбаясь,
Лишь счастливый влюбленный глядит.

Люди, граждане, сердцем поймите:
Он теперь человек не простой –

Он влюбленный, и вы извините
Шаг его и поступок любой.

На панелях его не сшибайте,
Не грубите в трамваях ему,
От обид его оберегайте,
Не давайте толкнуть никому.

Вы, шоферы, его пощадите,
Штраф с него не бери, постовой!
Люди, граждане, сердцем поймите:
Он сейчас человек не простой!

1949

У реки

Что-то мурлыча вполголоса,
Дошли они до реки.
Девичьи пушистые волосы
Касались его щеки.

Так в речку смотрелись ивы
И так полыхал закат,

Что глянешь вдруг вниз с обрыва
И не уйдешь назад!

Над ними по звездному залу
Кружила, плыла луна.
– Люблю я мечтать! – сказал он.
– Я тоже… – вздохнула она.

Уселись на край обрыва,
Смотрели в речную тьму.
Он очень мечтал красиво!
Она кивала ему.

А речь шла о том, как будет
С улыбкой душа дружить,

О том, что без счастья людям
Нельзя, невозможно жить...

Счастье не ждет на пригорке,
К нему нелегки пути,
И надо быть очень зорким,
Чтоб счастье свое найти!

Звенят их умные речи,
За дальней летя мечтой...
А счастье... Счастье весь вечер
Стоит у них за спиной.

1967

Стихи о маленькой зеленщице

С утра, в рассветном пожаре,
В грохоте шумной столицы,
Стоит на Тверском бульваре
Маленькая зеленщица.

Еще полудетское личико,
Халат, паучок-булавка.
Стоит она на кирпичиках,
Чтоб доставать до прилавка.

Слева – лимоны, финики,
Бананы горою круто.
Справа – учебник физики
За первый курс института.

Сияют фрукты восточные
Своей пестротою сочной.
Фрукты – покуда – очные,
А институт – заочный.

В пальцах мелькает сдача,
В мозгу же закон Ньютона,

А в сердце – солнечный зайчик
Прыгает окрыленно.

Кружит слова и лица
Шумный водоворот,
А солнце в груди стучится:
«Придет он! Придет, придет!»

Летним зноем поджарен,
С ямками на щеках,
Смешной угловатый парень
В больших роговых очках.

Щурясь, нагнется низко,
Щелкнет пальцем арбуз:
– Давайте менять редиску
На мой многодумный картуз?

Смеется, словно мальчишка,
Как лупы, очки блестят,
И вечно горой из-под мышки
Толстенные книги торчат.

И вряд ли когда-нибудь знал он,
Что, сердцем летя ему вслед,
Она бы весь мир променяла

На взгляд его и привет.

Почти что с ним незнакома,
Она, мечтая о нем,
Звала его Астрономом,
Но лишь про себя, тайком.

И снились ей звезды ночные
Близко, хоть тронь рукой,
И все они, как живые,
Шептали: «Он твой, он твой...»

Все расцветало утром,
И все улыбалось днем
До той, до горькой минуты,
Ударившей, точно гром!

Однажды, когда, темнея,
Город зажег огни,
Явился он, а точнее –
Уже не «он», а «они»...

Он – будто сейчас готовый
Разом обнять весь свет,
Какой-то весь яркий, новый
От шляпы и до штиблет.

А с ним окрыленно-смелая,
Глаза – огоньки углей,
Девушка загорелая
С крылатым взлетом бровей.

От горя столбы качались,
Проваливались во тьму.
А эти двое смеялись,
Смеялись… невесть чему.

Друг друга, шутя, дразнили
И, очень довольны собой,
Дать ананас попросили,
И самый притом большой.

Великий закон Ньютона!
Где же он был сейчас?
Наверно, не меньше тонны
Весил тот ананас!

Навстречу целому миру
Открыты сейчас их лица.
Им нынче приснится квартира,
И парк за окном приснится.

Приснятся им океаны,

Перроны и поезда,
Приснятся дальние страны
И пестрые города.

Калькутта, Багдад, Тулуза…
И только одно не приснится –
Как плачет, припав к арбузу,
Маленькая зеленщица.

1965

«Интеллигентная» весна

В улицы города черными кошками,
Крадучись, мягко вползает ночь,
Молча глядит, не мигая окошками,
Готовая, фыркнув, умчаться прочь.

А настоящие кошки – выше,
Для них еще с марта пришла весна,
Они вдохновенно орут на крыше,
Им оскорбительна тишина.

Бегут троллейбусы полусонные,
И, словно фокусник для детворы,
Для них светофор надувает шары:
Красные, желтые и зеленые.

Включают в душистую темноту
Свои транзисторы соловьи.
Попарно на страже весны и любви
Стоят влюбленные на посту.

Сейчас не в моде пижоны-врали,
Теперь у девчонок в моде «очкарики»,

Худые и важные, как журавли,
Сквозь стекла сияют глаза-фонарики.

Видать, у девчат поднялись запросы,
Волнуют их сотни проблем, и даже
Подай им теперь мировые вопросы,
Вот только нежность в сердцах все та же.

И поцелуи для них все те же,
Однако, как ни умны кибернетики,
Но где же объятия ваши, где же?
Неужто вы только лишь теоретики?

Вы сосчитали все звезды галактики,
Измерили все тепловые калории,
Но будьте, родные, поближе и к практике,
Ведь замуж выходят не за теории...

А ветер смеется: не бойтесь за счастье их!
Сначала как все: пострадают, помучатся,
Потом ничего, разберутся, научатся,
Ребята все-таки головастые.

Хлопают сотни зеленых конвертиков
На ветках вдоль лунной ночной тропы.
Весна… Девчонки влюбляются в медиков,
В ботаников, химиков, кибернетиков,
Ну что ж, девчонки не так глупы…

1968

Раздумье

Когда в непогоду в изнеможенье
Журавль что-то крикнет в звездной дали,
Его товарищи журавли
Все понимают в одно мгновенье.

И, перестроившись на лету,
Чтоб не отстал, не покинул стаю,
Не дрогнул, не начал терять высоту,
Крылья, как плечи, под ним смыкают.

А южные бабочки с черным пятном,
Что чуют за семь километров друг друга:
Усы – как радары для радиоволн.
– Пора! Скоро дождик! – сигналит он,
И мчится к дому его подруга.

Когда в Антарктике гибнет кит
И вынырнуть из глубины не может,
Он SOS ультразвуком подать спешит

Всем, кто услышит, поймет, поможет.

И все собратья-киты вокруг,
Как по команде, на дно ныряют,
Носами товарища подымают
И мчат на поверхность, чтоб выжил друг.

А мы с тобою, подумать только,
Запасом в тысячи слов обладаем,
Но часто друг друга даже на толику
Не понимаем, не понимаем!

Все было б, наверно, легко и ясно,
Но можно ли, истины не губя,
Порой говорить почти ежечасно
И слышать при этом только себя?

А мы не враги. И как будто при этом
Не первые встречные, не прохожие.
Мы вроде бы существа с интеллектом,
Не бабочки и не киты толстокожие.

Какой-то почти парадокс планеты!
Выходит порой – чем лучше, тем хуже.

Вот скажешь, поделишься, вывернешь душу
Как в стену! Ни отзвука, ни ответа...

И пусть только я бы. Один, наконец,
Потеря не слишком-то уж большая.
Но сколько на свете людей и сердец
Друг друга не слышат, не понимают?!

И я одного лишь в толк не возьму:
Иль впрямь нам учиться у рыб или мухи?
Ну почему, почему, почему
Люди так часто друг к другу глухи?!

1968

«От скромности не подымая глаз...»

От скромности не подымая глаз,
С упрямою улыбкой на губах,
Ты говоришь, уже в который раз,
О том, чтоб я воспел тебя в стихах.

Зачем стихи? Не лучше ль, дорогая,
Куплю тебе я перстень золотой?!
– Купить – купи, но и воспеть – воспой.
Одно другому вовсе не мешает!

Эх, люди, люди! Как внушить вам все же,
Что тот, кто для поэзии рожден,
Способен в жизни «покривить» рублем,
Всем, чем угодно: злом или добром,
А вот строкою покривить не может.

Ведь я же превосходно понимаю,
Каких стихов ты неотступно ждешь:
Стихов, где вся ты ласково-простая,

Где твой характер ангельски хорош;

Где взгляд приветлив, добр и не коварен
И сердце полно верного огня;
И где тебе я вечно благодарен
За то, что ты заметила меня.

Вот так: то хмуря бровь, то намекая,
Ты жаждешь поэтических похвал.
И будь все это правдой, уверяю,
Я б именно вот так и написал!

Но ты же знаешь и сама, конечно,
Что все не так, что все наоборот,
И то, что я скажу чистосердечно,
В восторг тебя навряд ли приведет.

И если я решусь на посвященье,
Мне не придется заблуждаться в том,
Что будет ожидать меня потом
За этакое «злое преступленье»!

Я лучше ничего не напишу.
Я просто головою дорожу!

1969

Серебряная свадьба

У нас с тобой серебряная свадьба,
А мы о ней – ни слова никому.
Эх, нам застолье шумное созвать бы!
Да только, видно, это ни к чему.

Не брызнет утро никакою новью,
Все как всегда: заснеженная тишь…
То я тебе звоню из Подмосковья,
То ты мне деловито позвонишь.

Поверь, я не сержусь и не ревную.
Мне часто где-то даже жаль тебя.
Ну что за смысл прожить весь век воюя,
Всерьез ни разу так и не любя?!

Мне жаль тебя за то, что в дальней дали,
Когда любви проклюнулся росток,
Глаза твои от счастья засияли
Не навсегда, а на короткий срок.

Ты знаешь, я не то чтобы жалею,
Но как-то горько думаю о том,
Что ты могла б и вправду быть моею,
Шагнувши вся в судьбу мою и дом.

Я понимаю, юность – это юность,
Но если б той разбуженной крови
Иметь пускай не нажитую мудрость,
А мудрость озарения любви!

Ту, что сказала б словом или взглядом:
– Ну вот зажглась и для тебя звезда,
Поверь в нее, будь вечно с нею рядом
И никого не слушай никогда!

На свете есть завистливые совы,
Что, не умея радости создать,
Чужое счастье расклевать готовы
И все как есть по ветру раскидать.

И не найдя достаточного духа,
Чтоб лесть и подлость вымести, как сор,
Ты к лицемерью наклоняла ухо,
Вступая с ним зачем-то в разговор.

И лезли, лезли в душу голоса,
Что если сердце лишь ко мне протянется,
То мало сердцу радости достанется
И захиреет женская краса…

Лишь об одном те совы умолчали,
Что сами жили верою иной
И что буквально за твоей спиной
Свои сердца мне втайне предлагали.

И, следуя сочувственным тревогам
(О, как же цепки эти всходы зла!),
Ты в доме и была, и не была,
Оставя сердце где-то за порогом.

И сердце то, как глупая коза,
Бродило среди ложных представлений,
Смотрело людям в души и глаза
И все ждало каких-то потрясений.

А людям что! Они домой спешили.
И все улыбки и пожатья рук
Приятелей, знакомых и подруг
Ни счастья, ни тепла не приносили.

Быть может, мне в такую вот грозу
Вдруг взять и стать «хозяином-мужчиной»
Да и загнать ту глупую «козу»
Обратно в дом суровой хворостиной!

Возможно б, тут я в чем-то преуспел,
И часто это нравится, похоже,
Но только я насилий не терпел,
Да и сейчас не принимаю тоже.

И вот над нашей сломанной любовью
Стоим мы и не знаем: что сказать?
А совы все давно в своих гнездовьях
Живут, жиреют, берегут здоровье,
А нам с тобой – осколки собирать…

Сегодня поздно ворошить былое,
Не знаю, так или не так я жил,
Не мне судить о том, чего я стою,
Но я тебя действительно любил.

И если все же оглянуться в прошлое,
То будь
ты сердцем намертво со мной –

Я столько б в жизни дал тебе хорошего,
Что на сто лет хватило бы с лихвой.

И в этот вечер говорит с тобою
Не злость моя, а тихая печаль.
Мне просто очень жаль тебя душою,
Жаль и себя, и молодости жаль...

Но если мы перед коварством новым
Сберечь хоть что-то доброе хотим,
То уж давай ни филинам, ни совам
Доклевывать нам души не дадим.

А впрочем, нет, на трепет этих строк
Теперь, увы, ничто не отзовется.
Кто в юности любовью пренебрег,
Тот в зрелости уже не встрепенется.

И знаю я, да и, конечно, ты,
Что праздник к нам уже не возвратится,
Как на песке не вырастут цветы
И сон счастливый в стужу не приснится.

Ну вот и все. За окнами, как свечи,
Застыли сосны в снежной тишине…
Ты знаешь, если можно, в этот вечер
Не вспоминай недобро обо мне.

Когда ж в пути за смутною чертой
Вдруг станет жизнь почти что нереальной
И ты услышишь колокольчик дальний,
Что всех зовет когда-то за собой,

Тогда, вдохнув прохладу звездной пыли,
Скажи, устало подытожа век:
– Все было: беды и ошибки были,
Но счастье раз мне в жизни подарили,
И это был хороший человек!

1970

Улетают птицы

Осень паутинки развевает,
В небе стаи, будто корабли –
Птицы, птицы к югу улетают,
Исчезая в розовой дали…

Сердцу трудно, сердцу горько очень
Слышать шум прощального крыла.
Нынче для меня не просто осень –
От меня любовь моя ушла.

Улетела, словно аист-птица,
От иной мечты помолодев,

Не горя желанием проститься,
Ни о чем былом не пожалев.

А былое – песня и порыв.
Юный аист, птица-длинноножка,
Ранним утром постучал в окошко,
Счастье мне навечно посулив.

О, любви неистовый разбег,
Жизнь, что обжигает и тревожит!

Человек, когда он человек,
Без любви на свете жить не может.

Был тебе я предан, словно пес,
И за то, что лаской был согретым,
И за то, что сына мне принес
В добром клюве ты веселым летом.

Как же вышло, что огонь утих?
Люди говорят, что очень холил,
Лишку сыпал зерен золотых
И давал преступно много воли.

Значит, баста! Что ушло – пропало.
Я солдат. И, видя смерть не раз,
Твердо знал: сдаваться не пристало,
Стало быть, не дрогну и сейчас.

День окончен, завтра будет новый.
В доме нынче тихо… Никого…
Что же ты наделал, непутевый,
Глупый аист счастья моего?!

Что ж, прощай и будь счастливой, птица!
Ничего уже не воротить.

Разбранившись – можно помириться,
Разлюбивши – вновь не полюбить.

И хоть сердце горя не простило,
Я, почти чужой в твоей судьбе,
Все ж за все хорошее, что было,
Нынче низко кланяюсь тебе…

И довольно! Рву с моей бедою.
Сильный духом, я смотрю вперед.
И, закрыв окошко за тобою,
Твердо верю в солнечный восход.

Он придет, в душе растопит снег,
Новой песней сердце растревожит.
Человек, когда он человек,
Без любви на свете жить не может.

1960

Хорошим женам

Сколько раз посвящались стихи влюбленным,
Их улыбкам, словам и ночам таинственным.
Ну, а эти вот строки – хорошим женам,
Не всегда еще, может быть, оцененным
И не слишком-то, кажется, многочисленным.

Скажем так, ведь любимая, что клянется
Где-нибудь на свидании, под луною,
Неизвестно ведь чем еще обернется:
То ли радостью, то ли обидой злою.

Да и та, что на свадьбе сидела рядом
И великое счастье вам обещала,
Может быть, помурлыкает для начала,

Чтоб потом изничтожить огнем и ядом.

А хорошие жены – совсем иное.
Ведь они только раз рождены любить,
И – навечно. Что самое основное.
И они, эти жены, бесспорно, стоят,
Чтоб о них с восхищением говорить!

И случись у хорошей жены порой
Провиниться в каком-то поступке мужу,
Разговор у них будет лишь меж собой,
Пусть хоть мягкий, пускай хоть любой крутой,
Но ничто для других не всплывет наружу.

И еще, может, тем она хороша,
Что скажи о нем кто-то кривое слово –
Отпарирует разом острей ножа.
Ни за что не потерпит ее душа
Ни единого слова о нем худого.

Отпускай ее тысячу раз подряд,

И потом не придется краснеть неловко,

Хоть к морям, хоть в любую командировку,

Хоть к чертям, хоть к красавцам, хоть в рай,

хоть в ад!

Недостатки? Я знаю, конечно, есть.

Их имеет и славная-переславная.

Только мы говорим про любовь, про честь,

Ну, короче, про самое что-то главное.

Не секрет, что любой наш сердечный приступ –

Результат нервотрепок в различных грозах.

И скандальные жены легко и быстро

Отправляют мужей своих неречистых

Без обратного литера «под березы».

А хорошие, радость храня сердцам,

Хоть размолвки бывают порой, а все же

Никогда не скандалят по пустякам,
Да и в сложных делах не скандалят тоже.

Мы их видели в жизни не раз, не два,
Там, где жены иные в беде скисали,
Находили любовь они и слова
И – в ладони ладонь, к голове голова –
Шли сквозь черное зло и сквозь все печали.

Пусть различны их лица, несхож наряд:
Скромный свитер иль платьице от модисток, –
Все равно в них гордая кровь декабристок,
И горит Ярославны прекрасный взгляд.

Только как их узнать, ну хотя б примерно?
Вряд ли кто-нибудь в мире бы нам сказал.
Впрочем, это, быть может, не так и скверно –
Ведь иначе всех прочих невест, наверно,

Просто б напросто замуж никто не брал.

Да и можно ль кого-то судьбы лишать?..

Ну, а вам, настоящим, хорошим женам,

Я б хотел с уважением и поклоном

Просто каждой бы руку поцеловать.

И хочу я, чтоб вас на земле любили

Очень преданно, бережно и без срока.

Словно в юности – радостно и глубоко,

В общем, так, как того вы и заслужили!

1976

Горькие слова

Хворь вновь ко мне явилась, как беда,
А ты все жалишь, не щадя ни капли.
Пред нравом злым все порошки и капли,
Ей-богу же, сплошная ерунда.

Вот говорят: – Лежачего не бьют. –
А ты – ну словно ждешь такой минуты.
Ну почему такая, почему ты?
Какие бесы так тебя грызут?!

Войне не удалось меня сломить,
Враги, как видишь, не сумели тоже.
А с тыла – проще. С тыла защитить
Себя от близких мы же ведь не можем.

Есть слово очень доброе – жена,
И есть еще прекраснее – любимая.
Имей возможность слить их воедино я,
То как бы жизнь была моя полна!

Как ты со мною столько пробыла?
Откуда столько черного скопила?
Везде, казалось, все недобрала,
Чем больше благ, тем было больше зла,
А в этом зле – мучительная сила.

Бывает так: рассыплется навек
Надежды нить. И холодно и розно.
Все позади: идет колючий снег,
И счастья ждать бессмысленно и поздно.

А если вдруг случится мне упасть,
Да так, что в первый миг и не очнуться,
Мне б
только не попасть тебе под власть,
Ведь тут, прости, как в проруби пропасть
Иль в клетке к льву спиною повернуться.

И лишь судьбе сейчас хотел бы я
Сказать от сердца тихие слова:

– Судьба моя, пресветлая моя,
Твои права, признаюсь не тая,
Я свято чту, как высшие права.

Пускай мне не двойным хвалиться веком,
Но дай мне сил в борьбе и поддержи,
Чтоб, вырвавшись из холода и лжи,
Стать где-то вновь счастливым человеком.

1980

Осмысление

Ты думаешь, что мудро поступила,
Что я приму почти что ничего,
Когда ты, полюбив, не полюбила
И в виде счастья нежно мне вручила
Прохладу равнодушья своего.

Но, как и хмарь финансовых невзгод
Порой грозится обернуться в голод,
Так и прохлада, нагнетая холод,
С годами душу превращает в лед.

Когда же мы в житейской суете
Друг друга не одариваем силой,
То радость вырастает хилой-хилой,
Как дерево на вечной мерзлоте.

А если чахнет что-то дорогое,
То можно ль верить в исполненье снов?
Тем более, что дерево такое
Не в силах дать ни цвета, ни плодов.

Когда же счастье больше и не снится,

То надо честно, может быть, сказать,
Что лицемерить дальше не годится
И что не так уж страшно ошибиться,
Как страшно ту ошибку продолжать.

Но даже там, где жизнь не состоялась
И прошлое почти сплошное зло,
Казалось бы: ну что еще осталось?
Прощайтесь же! Ведь сколько вам досталось!
И все же как прощаться тяжело...

Подчас мы сами, может быть, не знаем,
Что, зло вдыхая, как угарный дым,
Мы чуть ли уж к нему не привыкаем,
Едва ль не с грустью расстаемся с ним.

И все же, как ни тяжко расставаться,
Мы оживем, все выстрадав душой,
Как в хвори, где страдают и страшатся,
Но после даже трудной операции
Приходят исцеленье и покой.

Старая цыганка

Идет гаданье. Странное гаданье:
Стол, будто клумба, картами пестрит,
А старая цыганка тетя Таня
На них, увы, почти и не глядит.

Откуда же тогда, откуда эта
Магически-хмельная ворожба,
Когда чужая чья-нибудь судьба
Читается, ну словно бы газета!

И отчего? Да что там отчего!
А вы без недоверья подойдите
И в черноту зрачков ее взгляните,
Где светятся и ум, и волшебство.

И разве важно, как там карта ляжет?!
Куда важней, что дьявольски мудра

Ее душа. И суть добра и зла
Она найдет, почует и расскажет.

И бросьте разом ваши почему!
Ведь жизнь цыганки, этого ли мало,
То искрометным счастьем хохотала,
То падала в обугленную тьму.

А пела так, хоть верьте, хоть не верьте,
Что пол и стены обращала в прах,
Когда в глазах отчаянные черти
Плясали на пылающих углях!

И хоть судьба швыряла, словно барку,
Жила, как пела: с искрою в крови.
Любила? Да, отчаянно и жарко,
Но не ждала улыбки, как подарка,
И никогда не кланялась любви.

В прищуре глаз и все пережитое,
И мудрости крепчайшее вино,
И это чувство тонкое, шестое,
Почти необъяснимое, такое,
Что далеко не каждому дано.

Поговорит, приветит, обласкает,
Словно раздует звездочку в груди.

И не поймешь, не то она гадает,
Не то кому-то истово внушает
Свершение желаний впереди.

А тем, кто, может, дрогнул не на шутку,
Не все ль равно для жизненной борьбы,
Чего там больше: мудрого рассудка
Иль голоса неведомой судьбы?

– Постой! Скажи, а что моя звезда?
Беда иль радость надо мною кружит? –
Сощурясь улыбнулась, как всегда:
– Лове нанэ – не страшно, не беда.
Нанэ камам – вот это уже худо.

Ты тяжко был обманут. Ну так что ж,
Обид своих не тереби, не трогай,
Ты много еще светлого найдешь.
Вот карта говорит, что ты пойдешь
Хорошей и красивою дорогой.

И пусть невзгоды душу обжигают,

Но праздник твой к тебе еще придет.
Запомни: тот, кто для людей живет,
Тот несчастливым в жизни не бывает.

Ну до чего же странное гаданье:
Стол, как цветами, картами покрыт,
А старая цыганка тетя Таня
На них, увы, почти и не глядит.

Потом вдруг, словно вспыхнув, повернется,
Раскинет карты веером и вдруг
Глазами в собеседника вопьется –
И будто ветер зашумит вокруг…

Летят во мраке сказочные кони,
Цыганка говорит и говорит,
И туз червей на сморщенной ладони,
Как чье-то сердце, радостно горит!..

1972–1984

Поэма о первой нежности

1

Когда мне имя твое назвали,
Я даже подумал, что это шутка.
Но вскоре мы все уже в классе знали,
Что имя твое и впрямь – Незабудка.

Войдя в наш бурный, грохочущий класс,
Ты даже застыла в дверях удивленно, –
Такой я тебя и увидел в тот раз,
Светлою, тоненькой и смущенной.

Была ль ты красивою? Я не знаю.
Глаза – голубых цветов голубей…
Теперь я, кажется, понимаю
Причину фантазии мамы твоей.

О, время – далекий розовый дым, –
Когда ты мечтаешь, дерзишь, смеешься!
И что там по жилам течет твоим –
Детство ли, юность? Не разберешься.

Ну много ль пятнадцать-шестнадцать лет?
Прилично и все же ужасно мало:
У сердца уже комсомольский билет,
А сердце взрослым еще не стало.

И нету бури еще в крови,
А есть только жест напускной небрежности.
И это не строки о первой любви,
А это строки о первой нежности.

Мне вспоминаются снова и снова
Записки – голуби первых тревог.
Сначала в них нет ничего «такого»,
Просто рисунок, просто смешок.

На физике шарик летит от окошка,
В записке – согнувшийся от тоски
Какой-то уродец на тонких ножках.
И подпись: «Вот это ты у доски!»

Потом другие, коротких короче,
Но глубже глубоких. И я не шучу!
К примеру, такая: «Конфету хочешь?»

«Спасибо. Не маленький. Не хочу!»

А вот и «те самые»… Рано иль поздно,
Но радость должна же плеснуть через край!
«Ты хочешь дружить? Но подумай серьезно!»
«Сто раз уже думал. Хочу. Давай!»

Ах, как все вдруг вспыхнуло, засверкало!
Ты так хороша с прямотою своей!
Ведь если бы ты мне не написала,
То я б не отважился, хоть убей!

Мальчишки намного девчат озорнее,
Так почему ж они тут робки?
Девчонки, наверно, чуть-чуть взрослее
И, может быть, капельку посмелее,
Чем мы – герои и смельчаки.

И все же, наверно, гордился по праву я,
Ведь лишь для меня, для меня зажжены
Твои, по-польски чуть-чуть лукавые,
Глаза редчайшей голубизны!

2

Был вечер. Большой новогодний вечер.
В толпе не пройти! Никого не найти!
Музыка, хохот, взрывы картечи,
Серпантина и конфетти.

И мы кружились, как опьяненные,
Всех жарче, всех радостней, всех быстрей!
Глаза твои были почти зеленые –
От елки, от смеха ли, от огней?

Когда же, оттертые в угол зала,
На миг мы остались с тобой вдвоем,
Ты вдруг, посмотрев озорно, сказала:
– Давай удерем?
– Давай удерем!

На улице ветер, буран, темно…
Гремит позади новогодний вечер…
И пусть мы знакомы с тобой давно,
Вот она, первая наша встреча!

От вальса морозные стекла гудели,

Били снежинки в щеки и лоб,
А мы закружились под свист метели
И с хохотом бухнулись вдруг в сугроб.

Потом мы дурачились. А потом
Ты подошла ко мне, замолчала
И вдруг, зажмурясь, поцеловала.
Как будто на миг обожгла огнем!

Метель пораженно остановилась.
Смущенной волной залилась душа.
Школьное здание закружилось
И встало на место, едва дыша.

Ни в чем мы друг другу не признавались,
Да мы бы и слов-то таких не нашли.
Мы просто стояли и целовались,
Как умели и как могли!..

Химичка прошла. Хорошо, не видала!
Не то бы, сощурившись сквозь очки,

Она б раздельно и сухо сказала:
– Давайте немедленно дневники!

Она скрывается в дальней улице,

И ей даже мысль не придет о том,
Что два старшеклассника за углом
Стоят и крамольно вовсю целуются…

А так все и было: твоя рука,
Фигурка, во тьме различимая еле,
И два голубых-голубых огонька
В клубящейся, белой стене метели…

Что нас поссорило? И почему?
Какая глупая ерунда?
Сейчас я и сам уже не пойму.
Но это сейчас не пойму. А тогда?..

Тогда мне были почти ненавистны
Сомнения старших, страданья от бед.
Молодость в чувствах бескомпромиссна:
«За» или «против» – среднего нет.

И для меня тоже среднего не было.
Обида горела, терзала, жгла:
Куда-то на вечер с ребятами бегала,
Меня же, видишь ли, не нашла!

Простить? Никогда! Я не пал так низ-

ко.

И я тебе это сейчас докажу!

И вот на уроке летит записка:

«Запомни! Больше я не дружу!»

И все. И уже ни шагу навстречу!

Бессмысленны всякие оправданья.

Тогда была наша первая встреча,

И вот наше первое расставанье…

3

Дворец переполнен. Куда б провалиться?

Да я же и рта не сумею разжать!

И как только мог я, несчастный, решиться

В спектакле заглавную роль играть?!

Смотрю на ребят, чтоб набраться мужества.

Увы, ненамного-то легче им:

Физиономии, полные ужаса,

Да пот, проступающий через грим.

Но мы играли. И как играли!

И вдруг, на радость иль на беду,
В антракте сквозь щелку – в гудящем зале
Увидел тебя я в шестом ряду.

Холодными стали на миг ладони,
И я словно как-то теряться стал.
Но тут вдруг обиду свою припомнил –
И обозлился... и заиграл!

Конечно, хвалиться не очень пристало,
Играл я не то чтобы там ничего,
Не так, как Мочалов, не так, как Качалов,
Но, думаю, что-нибудь вроде того...

Пускай это шутка. А все же, а все же
Такой был в спектакле у нас накал,
Что, честное слово же, целый зал
До боли отбил на ладонях кожу!

А после, среди веселого гула,
В густой и радостной толкотне,
Ты пробралась, подошла ко мне:
– Ну, здравствуй! – и руку мне протя-

нула.

И были глаза твои просветленные,
Словно бы горных озер вода:
Чуть голубые и чуть зеленые,
Такие красивые, как никогда!

Как славно, забыв обо всем о прочем,
Смеяться и чувствовать без конца,
Как что-то хорошее, нежное очень
Морозцем покалывает сердца.

Вот так бы идти нам, вот так улыбаться,
Шагать сквозь февральскую звездную тьму
И к ссоре той глупой не возвращаться,
А мы возвратились. Зачем, не пойму?

Я сам точно рану себе бередил,
Как будто размолвки нам было мало.
Я снова о вечере том спросил,
Я сам же спросил. И ты рассказала.

– Я там танцевала всего только раз,
Хотя абсолютно никак не хотела… –

А сердце мое уже снова горело,
Горело, кипело до боли из глаз!

И вот ты сказала, почти с укоризной:
– Пустяк ведь. Ты больше не сердишься? Да? –
И мне бы ответить, что все ерунда.
Но юность страдает бескомпромиссно!

И, пряча дрожащие губы от света,
Я в переулке сурово сказал:
– Прости. Мне до этого дела нету.
Я занят. Мне некогда! – и удрал…

Но сердце есть сердце. Пусть время проходит,
Но кто и когда его мог обмануть?
И как там рассудок ни колобродит,
Сердце вернется на главный путь!

Ты здесь. Хоть дотронься рукой! Так близко…
Обида? Ведь это и впрямь смешно!
И вот «примирительная» записка:
«Давай, если хочешь, пойдем в кино?»

Ответ прилетает без промедленья.
Слова будто гвоздики. Вот они:
«Безумно растрогана приглашеньем.
Но очень некогда. Извини!»

4

Бьет ветер дорожный в лицо и ворот.
Иная судьба. Иные края.
Прощай, мой красивый уральский город,
Детство мое и песня моя!

Снежинки, как в медленном танце, кружатся,
Горит светофора зеленый глаз.
И вот мы идем по знакомой улице
Уже, вероятно, в последний раз...

Сегодня не надо бездумных слов,
Сегодня каждая фраза значительна.
С гранита чугунный товарищ Свердлов
Глядит на нас строго, но одобрительно.

Сегодня хочется нам с тобой
Сказать что-то главное, нужное са-

мое!
Но как-то выходит само собой,
Как будто назло, не про то, не про главное.

А впрочем, зачем нам сейчас слова?!
Ты видишь, как город нам улыбается,
И первая встреча у нас жива,
И все хорошее продолжается…

Ну вот перекресток и твой поворот.
Снежинки печально летят навстречу…
Конечно, хорошее все живет,
И все-таки это последний вечер.

Небо от снега белым-бело…
Кружится в воздухе канитель…
Что это мимо сейчас прошло:
Детство ли? Юность? Или метель?

Помню проулок с тремя фонарями
И фразу: – Прощай же… Пора… Пойду… –
Припала дрогнувшими губами
И бросилась в снежную темноту.

Потом задержалась вдруг на минутку:

– Прощай же еще раз. Счастливый путь!

Не зря же имя мое – Незабудка.

Смотри, уедешь – не позабудь!

Все помню: в прощальном жесте рука,

Фигурка твоя, различимая еле,

И два голубых-голубых огонька,

Горящих сквозь белую мглу метели…

И разве беда, что пожар крови

Не жег нас средь белой, пушистой снежности?

Ведь это не строки о первой любви,

А строки о первой мальчишьей нежности.

5

Катится время! Недели, недели…

То снегом, то градом стучат в окно.

Первая встреча… Наши метели…

Когда это было: вчера? Давно?

Тут словно бы настежь раскрыты шторы,

От впечатлений гудит голова:

Новые встречи, друзья и споры,

Вечерняя в пестрых огнях Москва.

Но разве первая нежность сгорает?

Недаром же сердце иглой кольнет,

Коль где-то в метро или в давке трамвая

Вдруг глаз голубой огонек мелькнет…

А что я как память привез оттуда?

Запас сувениров не сверхбольшой:

Пара записок, оставшихся чудом,

Да фото, любительский опыт мой.

Записки… Быть может, смешно немножко,

Но мне, будто люди, они близки.

Даже вон та: уродец на ножках

И подпись: «Вот это ты у доски!»

Где ты сейчас? Велики расстоянья,

Три тысячи верст между мной и тобой.

И все же не знал я при расставанье,
Что снова встретимся мы с тобой!

Но так и случилось, сбылись чудеса,
Хоть времени было – всего ничего…
Проездом на сутки. На сутки всего!
А впрочем, и сутки не полчаса.

И вот я иду по местам знакомым:
Улица Ленина, мединститут,
Здравствуй, мой город, я снова дома!
Пускай хоть сутки, а снова тут.

Сегодня я вновь по-мальчишьи нежный.
Все то же, все так же, как той зимой.
И только вместо метели снежной –
Снег тополей да июльский зной.

Трамвай, прозвенев, завернул полукругом,
А вон, у подъезда, худа, как лоза,
Твоя закадычнейшая подруга
Стоит, изумленно раскрыв глаза.

– Приехал?
– Приехал.

– Постой, когда?
Ну рад, конечно?
– Само собой.
– Вот это встреча! А ты куда?
А впрочем, знаю… И я с тобой!

Пойми, дружище, по-человечьи:
Ну как этот миг без меня пройдет?
Такая встреча, такая встреча!
Да тут рассказов на целый год.

Постой-ка, постой-ка, а как это было?..
Что-то мурлыча перед окном,
Ты мыла не стекла, а солнце мыла,
В ситцевом платье и босиком.

А я, прикрывая смущенье шуткой,
С порога басом проговорил:
– Здравствуй, садовая Незабудка!
Вот видишь, приехал, не позабыл.

Ты обернулась… На миг застыла,
Радостной синью плеснув из глаз.
Застенчиво ворот рукой прикрыла
И кинулась в дверь: – Я сейчас, сейчас!

И вот, нарядная, чуть загорелая,
Стоишь ты, смешинки тая в глазах,
В цветистой юбочке, кофте белой
И белых туфельках на каблучках…

– Ты знаешь, – сказал я, – когда-то в школе…
Ах, нет… Даже, видишь, слова растерял…
Такой повзрослевшей, красивой, что ли,
Тебя я ну просто не представлял.

Ты просто опасная! Я серьезно.
Честное слово, искры из глаз.
– Ну что ж, – рассмеялась ты, – в добрый час!
Тогда влюбляйся, пока не поздно…

Внизу, за бульваром, в трамвайном звоне
Знойного марева сизый дым,
А мы стоим на твоем балконе
И все друг на друга глядим… глядим…

Кто знает, возможно, что ты или я
Решились бы что-то поведать вдруг,

Но тут подруга вошла твоя.
Зачем только Бог создает подруг?!

Как часто бывает, что двое порой
Вот-вот что-то скажут сейчас друг другу,
Но тут будто черт принесет подругу –
И все! И конец! Хоть ступай домой!

А впрочем, я, кажется, не про то.
Как странно: мы взрослые, нам по семнадцать!
Теперь мы, наверное, ни за что,
Как встарь, не решились бы поцеловаться.

Пух тополиный летит за плечи…
Темнеет. Бежит в огоньках трамвай.

Вот она, наша вторая встреча…
А будет ли третья? Поди узнай.

Не то чтоб друзья и не то чтоб влюбленные,
Так кто же, по сути-то, мы с тобой?
Глаза твои снова почти зеленые

С какою-то новою глубиной.

Глаза эти смотрят чуть-чуть пытливо
С веселой нежностью на меня.
Ты вправду ужасно сейчас красива
В багровых, тающих бликах дня.

А где-то о рельсы колеса стучатся,
Гудят беспокойные поезда...
Ну вот и настало время прощаться...
Кто знает, увидимся ли когда?

Знакомая, милая остановка!
Давно ли все сложности были – пустяк!
А тут вот вздыхаю, смотрю неловко:
Прощаться за руку или как?

Неужто вот эти светлые волосы,
И та вон мигнувшая нам звезда,
И мягкие нотки грудного голоса
Уйдут и забудутся навсегда?

Помню, как были глаза грустны,
Хоть губы приветливо улыбались.
Эх, как бы те губы поцеловались,

Не будь их хозяева так умны!..

Споют ли когда-нибудь нам соловьи?
Не знаю. Не ставлю заранее точек.
Без нежности нет на земле любви,
Как нет и листвы без весенних почек.

Пусть все будет мериться новой мерой,
Новые встречи, любовь, друзья...
Но радости этой, наивной, первой,
Не встретим уж больше ни ты, ни я...

– Прощай! – И вот уже ты далека,
Фигурка твоя различима еле,
И только два голубых огонька
В густой тополиной ночной метели.

Они все дальше, во мраке тая...
Эх, знать бы тогда о твоей судьбе!
Я, верно бы, выпрыгнул из трамвая,
Я б кинулся снова назад, к тебе!..

Но старый вагон поскрипывал тяжко,
Мирно позванивал и бежал,
А я все стоял и махал фуражкой

И ничего, ничего не знал.

6

Столько уже пробежало лет,
Что, право же, даже считать не хочется.
Больше побед или больше бед?
Пусть лучше другими итог подводится.

Юность. Какою была она?
Ей мало, признаться, беспечно пелось.
Военным громом опалена,
Она, переплавясь, шагнула в зрелость.

Не ведаю, так ли, не так я жил,
Где худо, где правильно поступая?
Но то, что билет комсомольский носил
Недаром, вот это я твердо знаю!

Так и не встретились мы с тобой!
Я знал: ты шагаешь с наукой в ногу,
С любовью, друзьями, иной судьбой,
А я, возвратившись с войны домой,

Едва начинал лишь свою дорогу.

Но нет за тобой никакой вины,
И сам ведь когда-то не все приметил:
Письмо от тебя получил до войны,
Собрался ответить и... не ответил...

Успею! Мелькали тысячи дел,
Потом сирены надрыв протяжный.
И не успел, ничего не успел.
А впрочем, теперь уже все неважно!

Рассвет надо мной полыхал огнем,
И мне улыбнулись глаза иные,
Совсем непохожие, не такие...
Но песня сейчас о детстве моем!

Не знаю, найдутся ли в мире средства,
Чтоб выразить бьющий из сердца свет,
Когда ты идешь по улицам детства,
Где не жил и не был ты столько лет!

Под солнцем витрины новые щурятся,
Мой город, ну кто бы тебя узнал?!
Новые площади, новые улицы,
Новый, горящий стеклом вокзал.

Душа – как шумливая именинница,
Ей тесно сегодня в груди моей.
Сейчас только лоск наведу в гостинице
И буду обзванивать всех друзей.

А впрочем, не надо, не так… не сразу…
Сначала – к тебе. Это первый путь.

Вот только придумать какую-то фразу,
Чтоб скованность разом как ветром сдуть.

Но вести, как видно, летят стрелой,
И вот уже в полдень, почти без стука,
Врывается радостно в номер мой
Твоя закадычнейшая подруга.

– Приехал?
– Приехал.
– Постой, когда? –
Вопросы сыплются вперебой.
Но не спросила: – Сейчас куда? –
И не добавила: – Я с тобой! –
Сколько же, сколько промчалось лет!

Я слушаю, слушаю напряженно:
Тот – техник, а этот уже ученый,
Кто ранен, кого уж и вовсе нет…
Голос звучит то светло, то печально,
Но отчего, отчего, отчего
В этом рассказе, таком пространном,
Нету имени твоего?!

Случайность ли? Женское ли предательство?
Иль попросту ссора меж двух подруг?
Я так напрямик и спросил. И вдруг
Какое-то странное замешательство…

Сунулась в сумочку за платком,
Спрятала снова и снова вынула…
– Эх, знаешь, беда-то какая! – и всхлипнула.
– Постой, ты про что это? Ты о ком?!

Фразы то рвутся, то бьют, как копыта:
– Сначала шутила все сгоряча…
Нелепо! От глупого аппендицита…
Сама ведь доктор… И дочь врача…

Слетая с деревьев, остатки лета
Кружатся, кружатся в безутешности…
Ну вот и окончилась повесть эта
О детстве моем и о первой нежности.

Все будет: и песня, и новые люди,
И солнце, и мартовская вода,
Но третьей встречи уже не будет,
Ни нынче, ни завтра и никогда…

Дома, как гигантские корабли,
Плывут за окошком, горя неярко,
Да ветер чуть слышно из дальней дали
Доносит оркестр из летнего парка…

Промчалось детство, ручьем прозвенев…
Но из ручьев рождаются реки.
И первая нежность – это запев
Всего хорошего в человеке.

И памятью долго еще сберегаются:
Улыбки, обрывки наивных фраз.
Ведь если песня не продолжается –

Она все равно остается в нас!

Нет, не гремели для нас соловьи.
Никто не познал и уколов ревности.
Ведь это не строки о первой любви,
А строки о первой и робкой нежности.

Лишь где-то плывут, различимые еле:
В далеком, прощальном жесте рука
Да два голубых-голубых огонька
В белесой, клубящейся мгле метели...

1967

Разговор по существу

– Ты на меня рассердился снова,
Назвал недотрогой, достал табак.
А я… Я на все для тебя готова,
Вот женимся только, и, честное слово,
Ну что ты ни скажешь – все будет так!

Он усмехнулся: – Не в этом дело!
Прости, если я повторяю вновь.
Ты просто постичь еще не сумела,
Какое большое слово – любовь!

Все эти ЗАГСы – одни формальности,
Сердце ж свободно от всяких уз.
И я хоть в аду утверждать берусь:
Важно, чтоб чувства сберечь в сохранности.

Есть в тебе что-то чуть-чуть забавное,
И ты уж слушай меня всегда:
Взаимный огонь – это самое главное,

А брак – устарелая ерунда!

Она кивнула: – Ну да, конечно.
Я вправду, наверно, смешней детей!
Главное – это огонь сердечный.
Ты прав. Ты же опытней и умней.

С моей доверчивою натурой
Так трудно правильный путь найти.
Вот так и жила бы я дура дурой,
Когда бы не ты на моем пути!

Зато уж теперь все легко и ясно,
И золотые твои слова.
И я… Я на все для тебя согласна,
Вот только ты все же женись сперва.

1970

Он ей восхищенно цветы дарил...

Он ей восхищенно цветы дарил,
Она – с усмешкою принимала.
Он о любви ей своей твердил,
Она – снисходительно разрешала.

Вот так и встречались: огонь и лед.
Она всему улыбалась свету,
Его же почти не брала в расчет:
Скажет: приду! А сама не придет.
Он к ней, а любимой и дома нету...

Он пробовал все: и слова и ласки,
И вновь за букетом дарил букет.
Но все понапрасну: держась по-царски,
Она лишь смеялась ему в ответ.

И вдруг – как включили обратный ход:
«Царица», забыв про свою корону,
То письма ему сердитые шлет,
То требует вечером к телефону.

Но что за причина сердечной вьюги?..

Ответ до смешного, увы, простой.
Он взял и сказал: – Ну и шут с тобой! –
И ходит с цветами к ее подруге.

1970

Женская логика

– Прости меня, – промолвила она, –
Но ты меня немного обижаешь,
Все время вот целуешь, обнимаешь,
Как будто я иначе не нужна!

Он покраснел: – Ну, да… Но если любишь?
Ведь сердце же колотится в груди!
Как усидеть?
– А ты вот усиди!
Не то все сам немедленно погубишь.

Нельзя, чтоб в чувствах появилась трещина.
Вы все, мужчины, низменны навек!
Пойми: перед тобою человек,
А ты во мне все время видишь женщину.

Я о таком на свете понаслышана,
Что ты со мной и спорить не берись!
– Ну, хорошо… Я понял… Не сердись…

Пускай все будет тихо и возвышенно.

И впрямь, отныне – ни обид, ни ссор.
Бежали дни и назначались встречи.
Он стал почти ручным и каждый вечер
Вел умный и красивый разговор.

Она же, хоть и счастлива была,
Но постепенно словно бы темнела.
Все реже улыбалась, похудела
И вдруг (совсем немыслимое дело!)
Взяла и на свиданье не пришла…

Он позвонил: – В чем дело? Почему?
– Ах, почему? Спасибо за беседы!
А я не тумба! Хватит! Не приеду! –
Она сквозь слезы крикнула ему.

– Ведь это же издевка и тоска!
Скажи, какой красноречивый книжник!
Я, как ни странно, женщина пока,
А ты… а ты… бесчувственный булыжник!

1970

«Бывают в жизни отношения странные…»

Бывают в жизни отношения странные:
Сегодня вместе. Завтра – нет уже…
А у тебя прописка постоянная
В моей простой, но искренней душе.

Гори же в ней, как яркая звезда,
Но будь и ты надежною всегда!

9 февраля 1999 г.
Москва

Маленький гимн жене

Галине Асадовой

Она потому для меня жена,
Что кроме нежности до рассвета,
Была она свыше одарена
Стать другом и верным плечом поэта.

Конечно, быть нежной в тиши ночей
Прекрасно. Но это умеют многие.
Но вот быть плечом на крутой дороге,
Любовью и другом в любой тревоге –
Это редчайшая из вещей!

А впрочем, о чем разговор? К чему?
Ведь это постигнет отнюдь не каждый.
Понять меня сможет лишь тот, кому
Вот так же, как мне, повезет однажды.

Сказал и подумал: хватил же я!
Ну разве другим мой совет поможет!

Ведь женщин таких, как жена моя,
И нет, да и быть на земле не может!

12 апреля 1990 г.
День космонавтики
Переделкино

Любовь или рай?

Любовь! А когда она началась?
Уверен: еще с Адама и Евы,
С тех, кто сердец великую власть
Вознес, никаких угроз не страшась,
Над всеми громами святого гнева.

Ведь чем был библейский этот Эдем
(Еще он известен как Божий Рай)?
Здесь каждый навек был одарен всем –
Живи себе всласть и забот не знай!

С утра, лишь открыл молодые вежды –
Вокруг красота: вода и еда!
Такая теплынь, что смешны одежды,
И больше того: ни к чему надежды,
Все радости – рядом и навсегда!

И фрукты вокруг величайшей сладости,
Купанье, цветы и небесный свет…
И только единственной нету радо-

сти –
Той, на которую лег запрет.

Как ценности жизни определялись?
Не ясно. Скажите: каким путем
Все радости – радостями считались,
И только вот эта звалась грехом?

Налево – Любовь, а направо – Рай:
Любовь – это праздник и сто мучений,
А Рай – сто блаженств без любви волнений,
А значит, продумай все и решай.

При этом одно еще не забудь
(История, в сущности, быстротечна):
Земная Любовь – это краткий путь,
А Рай – есть блаженство, что длится вечно.

И вот, у звездных стоя весов,
Два предка в лучах серебристой пыли
На чашу с горящим словом «Любовь»
Сердца свои радостно положили.

Сегодня нам Рай и во сне не снится.

Века пролетают над головой...
Так вправе ли мы над собой глумиться
И часто по-пошлому относиться
К любви, что досталась такой ценой?!

И, право, на этот прямой вопрос
Неплохо б, чтоб все мы себе сказали:
Уж если мы Рай на Любовь сменяли,
Тогда и давайте любить всерьез!

1991

«Женщина, если в нее влюбились…»

Женщина, если в нее влюбились,
От радости вспыхнет, как маков цвет.
При этом все женщины с юных лет
На жен и любовниц всегда делились.

В чем разница? Трудно ли уяснить?!
Тут полный
контраст: и душа, и кровь –
Любовница дарит свою любовь,
Жена – позволяет себя любить.

Но втайне у этой, как и у той,
Великою завистью сердце полнится:
Любовнице хочется стать женой,
Жене – непременно побыть в любовницах.

И если желания их сбываются,
То жизнь обретает обратный ход:
Они как бы вдруг ролями меняются,

И все происходит наоборот.

Свершилось! Окончились все бессонницы!
Отныне получено все сполна:
Любовница – это теперь жена,
Жена – наконец-то уже любовница!

А дальше у этой, как и у той,
Извечною завистью сердце полнится:
Любовнице хочется стать женой,
Жене – обязательно стать любовницей…

Но пусть благородный упрек замрет,
Сам Бог ведь придумал запретный плод!

1991

Наивность

Сколько я прочел на свете строк
О любви, как плетью оскорбленной,
О любви, безжалостно сожженной,
Из сплошных терзаний и тревог.

Сколько раз я слышал от друзей
О разбитом на осколки счастье
И о злой или холодной власти,
В пешки превращающей людей.

И тогда мне думалось невольно:
Пусть не все я знаю на земле,
Но в науке о добре и зле
Преуспел я нынче предовольно.

– Что мне зло и хитрости ужи! –
Думал я в самовлюбленном барстве.
Знал. И слова тут мне не скажи!
А споткнулся на глупейшей лжи
И на примитивнейшем коварстве…

Что ж, пускай! Не загрохочет гром,

И звезда не задрожит в эфире.
Просто помнить следует о том,
Что одним доверчивым ослом
Стало больше в этом славном мире!

1991

О покорности и любви

Повезло нам иль не повезло,
Только мир устроен очень странно:
Ибо в этом мире постоянно
Всюду рядом и добро, и зло.

Был Иисус исполнен светлых сил,
И, прося властителей о милости,
Он взывал к любви и справедливости
И всю жизнь терпению учил.

И к сердцам, молящим о защите,
Золотые подбирал ключи:
«Кто тебя ударит по ланите –
Ты подставь другую и молчи!»

Только зло всегда вооружалось,
Никаких укоров не стыдясь.
Зло над добротой всегда смеялось –
Ведь где сила, там всегда и власть!

Поливаем завистью и ложью,
Нес Христос свой тяжелейший крест.

И не окажись он Сыном Божьим,
Разве б он вознесся и воскрес?

И не будь там в час смертельной муки
За спиною Бога самого,
Кто к нему потом воздел бы руки,
Даже просто вспомнил про него?!

Нет, я не грешу, а восхищаюсь
Той прекрасно-скорбною стезей.
Но я с жизнью все-таки встречаюсь
И до правды нам, не сомневаюсь,
Не дойти с покорностью одной.

И чтоб зря всю жизнь не унижаться,
Я уверен, что Любовь должна
Не терпеть от зла, а защищаться
И за правду яростно сражаться,
А не то ей просто грош цена!

1991

Я прошу тебя, будь хорошею

В нашей жизни, когда порошею
Заметает нам вьюга путь,
Я прошу тебя: будь хорошею,
Самой доброй на свете будь!

Чтоб все лучшее сохранить,
Не скупись в беде на улыбки,
Научись прощать за ошибки
И за мелочи не корить.

Посмотри, сколько там и сям
Лжи и всяческих унижений,
Сколько мелких и крупных драм
И предательских отношений!

Вот поэтому страшно хочется
Совершенно иначе жить,
Ведь любовь – это тоже творчество,
Даже высшее, может быть!

Предлагаю, сердец не мучая,
Даже в мыслях ни в чем не лгать

И, друг другу даря все лучшее,
Все до донышка раскрывать.

В спорах мыслями не виляя,
В бурях совести не губя,
Сам себя я тебе вручаю.
Так вручи же и ты себя!

Я хочу, чтоб в минуты злые
Среди стрел любых и огней,
Как земля моя, как Россия,
Ты бы силой была моей.

Не терпи никакого плена,
Чтоб сквозь всякую страсть и сласть
Даже крохотная измена
В нашем доме не завелась.

А еще, это важно очень,
Чтоб твой голос сквозь все года
Не застенчиво-одиночен,
А уверенно тверд и прочен
Был бы рядом со мной всегда.

И какою бы злой порошею
Ни стелила нам вьюга путь,

Я прошу тебя, будь хорошею,
Обязательно будь хорошею,
Самой доброй на свете будь!

1992

«Говорят о том, что на планете...»

Говорят о том, что на планете
Много нежных губ и нежных рук.
Почему же мне когда-то вдруг
Не пришли однажды губы эти?

Впрочем, что хитрить! Встречались губы
И довольно нежные подчас,
Только почему-то все на час,
Только почему-то все не судьбы!..

Ну, а может, я не одинок,
Ну, а может, нежность, как ни странно,
К нам приходит на короткий срок
И не терпит слова «постоянно»?

И ее, как золотую птичку,
Не удержишь в клетке никогда.
И она при слове «навсегда»

Тотчас превращается в привычку?

1993

Последний тост

Ему постоянно с ней не везло:
На отдыхе, в спорах, в любой работе
Она, очевидно, ему назло
Делала все и всегда напротив.

Он скажет ей: «Слушай, пойдем в кино!»
Она ему: «Что ты! Поедем на лыжах!»
Он буркнет: «Метель… За окном темно!!!»
Она: «Ну, а я все прекрасно вижу!»

Он скажет: «Ты знаешь, весь факультет
Отправится летом на Чусовую!» –
«А я предлагаю и голосую,
Чтоб нам с тобой двинуться на Тайшет!»

При встречах он был, как самум, горяч
И как-то сказал ей: «Пора жениться!»
Она рассмеялась: «Ты мчишься вскачь,

Тогда как зачетка твоя – хоть плачь!
Нет, милый, сначала давай учиться!

Поверь мне: все сбудется. Не ершись!
Конечно, совет мой как дым, занудный,
Но я тебя вытяну, ты смирись!
А главное… главное, не сердись –
Такой у меня уж характер трудный!»

Но он только холодно вскинул бровь:
«Ну что ж, и сиди со своей наукой!
А мы потеплее отыщем кровь,
Тебе же такая вещь, как любовь,
Чужда и, наверное, горше лука!»

В любви он был зол, а в делах хитер,
И в мае, в самый момент критический
Он, чтоб до конца не испить позор,
Вымолил отпуск академический.

Лето прошло, и семестр прошел.
Но он не простил ее, не смирился.
И, больше того, в довершение зол
Ранней зимой, как лихой орел,
Взял и на новой любви женился.

Пир был такой, что качался зал.
Невеста была из семьи богатой,
И пили, и лопали так ребята,
Что каждый буквально по швам трещал!

И вдруг, словно ветер в разгаре бала
От столика к столику пробежал.
Это она вдруг шагнула в зал.
Вошла и бесстрашно прошла по залу…

Ей протянули фужер с вином.
Она чуть кивнула в ответ достойно
И, став пред невестою с женихом,
Сказала приветливо и спокойно:

«Судьба человеческая всегда
Строится в зареве звездной пыли
Из воли, из творческого труда,
Ну, а еще, чтоб чрез все года
Любил человек и его любили.

И я пожелать вам хочу сейчас,
А радости только ведь начинаются,
Пусть будет счастливою жизнь у вас

И все непременно мечты сбываются!

И все-таки, главное, вновь и вновь
Хочу я вас искренне попросить:
Умейте, умейте всю жизнь ценить
И сердце надежное, и любовь!

Гуляйте ж и празднуйте до утра!
И слов моих добрых не забывайте.
А я уезжаю. А мне – пора…
Билет уже куплен. Ну все… Прощайте».

Затем осушила бокал и… прочь!
С улыбкой покинула праздник людный.
Ушла и… повесилась в ту же ночь…
Такой уж был, видно, «характер трудный».

1993

Магнетизм

О, как же мы странно с тобой прощаемся:
Твердим: «До свиданья», твердим: «Пока».
Но только все время в руке рука,
И мы их так слабо разнять пытаемся.

Ужасное время – пора разлуки…
Но, кажется, силы у нас нашлись.
Однако, едва лишь разжались руки,
Как губы вдруг взяли да и слились.

А губы слились – значит, смолкли речи.
Но чуть только мы их смогли обуздать,
Как тут устремились друг к другу плечи
И руки уже обнялись опять.

О, Господи! Что же творит любовь?!
Все планы практически рассыпаются:
То руки мгновенно опять смыкаются,

То губы встречаются вновь и вновь...

А чуть распрощаемся до конца,
Как все будто снова летит по кругу:
То ноги несут нас опять друг к другу,
То тянутся руки, то вновь сердца.

О, люди! Запомните мой совет:
Коль вдруг вот такое у вас случится,
Не мучьтесь, а мчитесь бегом жениться.
Другого решения просто нет!

1994

На осеннем пороге

В саду деревья стынут на рассвете,
А ветер, по-напористому злой,
Столбом взвивает листьев разноцветье
И сыплет сверху белою крупой.

А ты сейчас печалишься о днях,
Что улетели птицами на юг.
Глядишь в окно, и у тебя в глазах
Не то морозец, а не то испуг.

Но я прошу: не надо, улыбнись!
Неужто ждать нам лета и весны?!
Ведь климат в сердце, и настрой, и жизнь
Во многом все же нам подчинены.

И, Господи! Ведь это ж в нашей власти
Шагать сквозь все на свете холода
И твердо знать о том, что наше счастье,
Какие б вдруг ни грянули напасти,

Уже остыть не сможет никогда!

Давай же вместе вместо вьюг и зим
Мы вечный май любовью создадим!

1994

Права и слова

Сижу за решеткой в темнице сырой…
А. С. Пушкин

Нет, в тюрьме я, конечно, вовек не сидел,
Полагая, пожалуй, не без резона,
Что сидеть за решеткой – всегда удел
Либо тех, кто за истину потерпел,
Либо тех, кто, напротив, попрал законы.

Только жизнь – это жизнь. И святой наив
Разлетается, словно туман под ветром:
Я – в солдатской шинели. Я весь – порыв!
Я шагаю сквозь дымные километры.

Цель прекрасна! Но доля порой горька,
Ибо в армии вечно свои порядки
И права у солдата не выше пятки,

А точней, командирского каблука.

Ведь солдат – что комар в кулаке командира!

Его можно легко в порошок стереть,

Наказать, преспокойно послать на смерть

И надолго отрезать порой от мира.

Но отслужит солдат и придет домой.

И бесправью конец! Ни обид, ни начальства!

Если сам он себе не отыщет рабства,

А пойдет независимой в жизнь стезей!

Вот и я, возвратившись с войны когда-то,

Твердо выбрал прямой и свободный путь,

Никакой меня бурею не согнуть!

Я – упрям. И в права свои верю свято!

Но когда я в любовь распахнул окно,

Мне пришлось, как на мине, на ней взорваться:

Ибо так мне уж, видимо, суждено

Верить там, где мне надо бы сомневаться.

Есть закон: чем подлее на свете зло,
Тем пестрей оно любит всегда рядиться,
Тихим ангелом утро в мой дом вошло,
Чтоб затем (ну за что мне вот так везло!)
В превосходного дьявола превратиться!

Да, жену мне тогда подарил Господь,
Только вот за какие грехи, не знаю,
Где бесчувственно сердце, распутна плоть
И душа лицемерная и пустая.

И гуляла она, и болталась она
Где угодно и, боже мой, с кем угодно!
Возвращалась прокурена и хмельна,
Но зато независима и свободна.

И, чем больше швыряла она вранья
И встречалась со всякою шелухою,
Тем отчаянней билась за то, чтоб я

Был отрезан от мира глухой стеною.

А зачем? А чтоб жил в беспросветной лжи,
Чтобы рвал и здоровье, и душу в клочья,
И работал как лошадь и днем, и ночью
На курорты, наряды и кутежи!

Я молчал. Может, где-то был убежден,
Что воздается судьбой мне за тяжесть груза,
Иль затем, может статься, что был влюблен
В светлый образ, украсивший небосклон
И носивший прекрасное имя: Муза!

Но отдушина все же порой была:
В Доме творчества, там, где я в песню рвался,
Там, где Муза с улыбкой меня ждала,
Где я жил и писал вдалеке от зла
И где так интересно с людьми встречался!

Но едва возвращался я вновь домой,
Как кидались навстречу скандалы до-

ма,

И опять от знакомых и незнакомых

Был отрезан я, словно глухой стеной...

Но друзья (нет, не сгинула красота!)

Не смирялись, стучась в эти злые стены,

А всех громче всегда возмущалась та,

Что стихи мои людям несла со сцены.

– Нет! – она восклицала, – ну как же так?!

Я – артистка. Бываю буквально всюду,

И везде тебя любят. Я лгать не буду!

Ты же заперт от мира, как злейший враг! –

И, смутясь, добавляла: – Когда б, любя,

Нас связала судьба, то, хитрить не буду,

Я бы шла, все преграды твои рубя,

Чтобы жизнь клокотала вокруг тебя

И чтоб люди общались с тобой повсюду! –

И Судьбу, видно, тронула эта речь,

И, чтоб кончились беды и все разлуки,

Повелела она мое зло отсечь

И затем, вместо наших нелегких встреч,

Навсегда нам сплела и сердца, и руки.

Я не знаю, на радость или беду

Я кидал в восхищенье за словом слово:

– Люди! Здравствуйте! Славьте мою звезду!

Я покончил с бесправьем, я к вам иду!

Ибо ныне я стал человеком снова!

Да, две жизни, два образа – день и ночь:

Там – сплошные распутства, здесь –

вроде нежность,

Там – обманы, здесь – правда и откровенность.

Значит, прочь все сомненья и беды прочь!

Вот уж мчит по сердцам высочайший ток!

Но попробуй понять даже лучших женщин!

Есть забот океан и любви поток,

Только вот про общенье с людьми – молчок…

Да и слов о свободе все меньше… меньше…

Даже мизер: былая тропа моя

В подмосковный Дом творчества, труд, общенье,

Получили суровое запрещенье:

– Для чего тебе мир, если рядом я?!

Да, конечно, великая вещь – семья!

Но припомни Людовика, дорогая,

Что сказал: – Государство-де – это я!

– Он король, а в России свои края.

И довольно. Я диспут наш прекращаю! –

Вот и все. Но вопрос вырастает вновь:

Ты за счастье, и я всей душой за счастье,

Только будет ли истинною любовь,

Если кто-то стремится к верховной власти?

Если кто-то, все споры разя мечом,

Верит только в свое «золотое слово»?
И, уверен в себе и уме своем,
Пусть любя, но священным горя огнем,
Просто жаждет держать под замком другого?!

Но ведь вроде есть главное: жить бы и жить бы!
Кто же пишет за нас этот злой устав?
Неужели ж хорошее слово – женитьба
Равнозначно понятью «лишенье прав»?

Люди, люди! Родные мои, хорошие!
Мы же веруем в счастье, а не в тоску!
Почему же тогда вот такою ношею
Мы любимых сгибаем порой в дугу?!

Совместима ль, скажите, любовь с неверьем?!
Нету веры? Не надо тогда и лгать!

Ну, а если действительно есть доверие,
То зачем же нам душу друг другу рвать?!

Надо вырваться нам, наконец, из круга,
Где томится то радость, то снова зло,
Ну неужто нельзя нам понять друг друга
Без конфликтов: доверчиво и светло?!

1994

Она уснула на плече моем

Она уснула на плече моем
И, чуть вздыхая, как ребенок дышит,
И, вешним заколдованная сном,
Ни чувств, ни слов моих уже не слышит…

И среди этой лунной тишины,
Где свет и мрак друг в друге растворяются,
Какие снятся ей сегодня сны,
Чему она так славно улыбается?

А кто сейчас приходит к ней во сне?
Я знаю. Ибо я умен и зорок!
Улыбки эти безусловно – мне,
Ведь я любим и непременно дорог!

Сквозь молодость и зрелость столько лет
Идем мы рядом, устали не зная,
Встречая бури радостей и бед
И в трудный час друг друга выручая.

Но мудрая и добрая луна

Вдруг рассмеялась: «Чур, не обижаться!

Ты прав, конечно, но она – жена,

Пусть милая, а все-таки жена,

А им мужья, как правило, не снятся!

На свете часто все наоборот:

Ты – муж прекрасный! Глупо сомневаться!

Но вот скажи мне: ты запретный плод?

Нет, я серьезно: ты запретный плод?

Ах, нет? Тогда не стоит волноваться!

Муж существует в доме для того,

Чтобы нести обязанность любую.

Он нужен для того и для сего,

Короче, абсолютно для всего,

Но только не для ласк и поцелуя…

А если сам захочешь навещать

Вдруг чьи-то сны под звездным небосводом,

То должен тоже непременно стать,

Хоть в прошлом, хоть теперь, но только стать

Вот этим самым «запрещенным плодом».

Она уснула на плече моем,

Неслышно ночь под потолком сгущается…

Любимая моя, согрета сном,

Совсем по-детски тихо улыбается…

Лезть к ближним в мысли люди не должны,

И споры ничего не достигают.

Ну что ж, пускай средь вешней тишины

Ей сладко снятся лишь такие сны,

Что дорогое что-то воскрешают…

И если мне никак не суждено

Быть тем, кто снится в дымке восхищений

Иль в тайне острых головокружений,

Я снов чужих не трону все равно!

И я ревнивых игл не устрашусь,

Ведь может статься, озарен судьбою,

Я все равно когда-нибудь явлюсь,

Вот именно, возьму да и приснюсь
Душе, готовой восхищаться мною...

Пусть сны любимой остро-хороши,
Однако может все-таки случиться,
Что ведь и я не олух из глуши
И в песне чьей-то трепетной души
Могу и я торжественно явиться!

1995

Рабство

Все жаждут любви. Только как понять
Порой в ней нелепейшие различья:
Там чувства застыли от безразличья,
А тут за плевок могут жизнь отдать?!

Какой-нибудь старый распутный чин
Цинично с амурами лезет к молодости,
А молодость, часто без капли гордости,
Доверчиво стелется перед ним.

А здесь вдруг начальница, щуря взгляд
И сея улыбочки сквозь одышку –
Толста: не поймешь где перед, где зад? –
На лирику тянет почти мальчишку…

Распутную старость легко понять:
Ей нужно «свежатинки», как салата.
Но молодость – та, что всегда кры-

лата,

Вот ей-то зачем этот смрад глотать?!

А там, где и сверстники. Что с того?!

Вы – молоды. Счастливы. Вот богатство!

Так нет же! Бог ведает, отчего

Один превращается в божество,

Другой чуть не сам заползает в рабство.

Какую ж дорогу в любви избрать?

Кого утверждать и к чему стремиться?

Конечно, неплохо рабу обнять,

Но сколько же счастья способна дать

Любимая, избранная царицей!

1995

Дорогие оковы

Россия без каждого из нас обойтись может. Но никто из нас не может обойтись без России.

И. С. Тургенев

Париж. Бужеваль. Девятнадцатый век.
В осеннем дожде пузырятся лужи.
А в доме мучится человек:
Как снег, голова, борода, как снег,
И с каждой минутой ему все хуже…

Сейчас он слабей, чем в сто лет старик,
Хоть был всем на зависть всегда гигантом:
И ростом велик, и душой велик,
А главное – это велик талантом!

И пусть столько отдано лет и сил
И этой земле, и друзьям французским,
Он родиной бредил, дышал и жил,
И всю свою жизнь безусловно был

Средь русских, наверное, самым русским.

Да, в жилах и книгах лишь русская кровь,
И все-таки, как же все в мире сложно!
И что может сделать порой любовь –
Подчас даже выдумать невозможно!

Быть может, любовь – это сверхстрана,
Где жизнь и ласкает, и рвет, и гложет,
И там, где взметает свой стяг она,
Нередко бывает побеждена
И гордость души, и надежда тоже.

Ну есть ли на свете прочнее крепи,
Чем песни России, леса и снег,
И отчий язык, города и степи…
Да, видно, нашлись посильнее цепи,
К чужому гнезду приковав навек.

А женщина смотрится в зеркала
И хмурится: явно же не красавица.
Но рядом – как праздник, как взлет орла,

Глаза, что когда-то зажечь смогла,
И в них она дивно преображается.

Не мне, безусловно, дано судить
Чужие надежды, и боль, и счастье,
Но, сердцем ничьей не подсуден власти,
Я вправе и мыслить, и говорить!

Ну что ему было дано? Ну что?
Ждать милостей возле чужой постели?
Пылать, сладкогласные слыша трели?
И так до конца? Ну не то, не то!

Я сам ждал свиданья и шорох платья,
И боль от отчаянно-дорогого,
Когда мне протягивали объятья,
Еще не остывшие от другого…

И пусть я в решеньях не слишком скор,
И все ж я восстал против зла двуличья!
А тут до мучений, до неприличья
В чужом очаге полыхал костер…

– О, да, он любил, – она говорила, –
Но я не из ласковых, видно, женщин.

Я тоже, наверно, его любила,
Но меньше, признаться, гораздо меньше. –

Да, меньше. Но вечно держала рядом,
Держала и цель-то почти не пряча.
Держала объятьями, пылким взглядом,
И голосом райским, и черным адом
Сомнений и мук. Ну а как иначе?!

С надменной улыбкою вскинув бровь,
Даря восхищения и кошмары,
Брала она с твердостью вновь и вновь
И славу его, и его любовь,
Доходы с поместья и гонорары.

Взлетают и падают мрак и свет,
Все кружится: окна, шкафы, столы.
Он бредит… Он бредит… А может быть, нет?
«Снимите, снимите с меня кандалы…»

А женщина горбится, словно птица,
И смотрит в окошко на тусклый свет.

И кто может истинно поручиться,
Вот жаль ей сейчас его или нет?..

А он и не рвется, видать, смирился,
Ни к спасским лесам, ни к полям Москвы.
Да, с хищной любовью он в книгах бился,
А в собственной жизни… увы, увы…

Ведь эти вот жгучие угольки –
Уедешь – прикажут назад вернуться.
И ласково-цепкие коготки,
Взяв сердце, вовеки не разомкнутся.

Он мучится, стонет… То явь, то бред…
Все ближе последнее одиночество…
А ей еще жить чуть не тридцать лет,
С ней родина, преданный муж. Весь свет
И пестрое шумно-живое общество.

Что меркнет и гаснет: закат? Судьба?
Какие-то тени ползут в углы…
А в голосе просьба, почти мольба:

– Мне тяжко… Снимите с меня кандалы…

Но в сердце у женщины немота,
Не в этой душе просияет пламя.
А снимет их, может быть, только ТА,
В чьем взгляде и холод, и пустота,
Что молча стоит сейчас за дверями.

И вот уж колеса стучат, стучат,
Что кончен полон. И теперь впервые
(Уж нету нужды в нем. Нужны живые!)
Он едет навечно назад… назад…
Он был и остался твоим стократ,
Прими же в объятья его, Россия!

13 октября 1996 г.
Красновидово – Москва

Задумчиво она идет по улице

Она идет задумчиво по улице,
Стройна, как синеглазый василек.
Но все сейчас в ней словно бы сутулится,
Сутулится душа, и взгляд сутулится,
И даже чувства съежились в комок.

Идет она, как в проклятое царство.
Где нет ни звезд, ни пищи, ни воды.
И нет на свете, кажется, лекарства,
Чтоб вдруг ее избавить от беды.

Но есть лекарство прочих посильней,
Которое помочь всегда готово,
Чтоб человек, известный только ей,
Который всех важнее и нужней,
Сказал одно-единственное слово...

3 июня 1998 г.
Москва

Женская песенка

О любви не надо, милый.
Ну зачем нам болтовня!
Это я тебя любила,
А не ты любил меня!

И волнений наших повесть
Каждый разно прочитал:
Это я теряла гордость,
А не ты ее терял!

И когда другим, бывало,
Ты объятья раскрывал,
Это я тебя прощала,
А не ты меня прощал.

Если ж там, где пела лира,
Спор тяжелый назревал,
Это я искала мира,
А не ты его искал!

И когда вдруг я болела
Или ты порой болел,

Это я к тебе летела,
А не ты ко мне летел.

Ну а в дни разлук, бывало,
Кто страдал и тосковал?

Это я тебе писала,
А не ты ко мне писал!

И когда с холодной силой
Нам разрыв навек грозил,
Это я с ума сходила,
А не ты с ума сходил!

Нынче все уже простыло,
Хватит душу унижать!
Это я порвать решила.
А не ты решил порвать!

Жгу сама все чувства. Дабы
Не мешать тебе в пути.
Уж такой характер слабый:
Не могу быть жалкой бабой,
Будь же счастлив. И прости!

15 октября 1998 г.
Москва

Не надо отдавать любимых!

Не надо отдавать любимых,
Ни тех, кто рядом, и не тех,
Кто далеко, почти незримых,
Но зачастую ближе всех!

Когда все превосходно строится
И жизнь пылает, словно стяг,
К чему о счастье беспокоиться?!
Ведь все сбывается и так!

Когда ж от злых иль колких слов
Душа порой болит и рвется –
Не хмурьте в раздраженьи бровь.
Крепитесь! Скажем вновь и вновь:
За счастье следует бороться!

А в бурях острых объяснений
Храни нас, Боже, всякий раз
От нервно-раскаленных фраз
И непродуманных решений.

Известно же едва ль не с древности:

Любить бессчетно не дано,
А потому ни мщенье ревности,
Ни развлечений всяких бренности,
Ни хмель, ни тайные неверности
Любви не стоят все равно!

Итак, воюйте и решайте:
Пусть будет радость, пусть беда,
Боритесь, спорьте, наступайте,
Порою даже уступайте
И лишь любви не отдавайте,
Не отдавайте никогда!

8 июля 1999 г.
Красновидово

Никогда не ревнуй меня к прошлому

Я прошу: никогда не ревнуй меня к прошлому.

Ну зачем нам друг друга зазря терзать?!

В прошлом было и вправду немало хорошего,

Но довольно и злого и тошно-претошного,

Вспоминать о котором – как хину глотать!

Я мечтаю дела сопрягать с желаньями,

Ты пойми, моя трепетная звезда,

Жить на свете одними воспоминаньями

Не умней, чем по кругу ходить всегда.

А еще я заметил, сама суди:

Чем живем мы и дышим на свете дольше,

Тем прошедшего больше у нас и больше
И все меньше того, что еще впереди...

Вот поэтому надо сказать заранее,
Что любой, кто изведал невзгод вполне,
Хочет именно только на новизне
Сфокусировать больше всего внимания.

Пусть еще не легла нам на души тень,
Но уже мы давно не в телячьем раже.
И транжирить на мелочи новый день
И нелепо, и просто обидно даже!

И покуда нам мыслится и хохочется
И сердца, как и встарь, не хандрят в груди,
Еще многое видится впереди,
А назад постоянно смотреть не хочется.

И, шагая все к новым и новым дням,
Мы, надеюсь, немало еще увидим.
А ревнуя друг друга к былым годам,

Мы же попросту сами себя обидим!

15 февраля 1999 г.
Москва
Сретение. Масленица

Чужие свиданья

Ты спешишь на свиданье. И в сердце твоем

Все, пожалуй, смеется. А как иначе?!

Все весенним, наверно, горит огнем!

Только мне как-то стыдно признаться в том,

Что тебе не могу пожелать удачи…

Ревность хуже, наверно, чем едкий дым.

Надо жить в доброте и высокой радости.

Но чтоб милой любви пожелать с другим –

Нужно быть ну пускай не совсем святым,

Но хотя бы стоять на пороге святости…

Коль судьба в них друг к другу любовь пробудит,

Что ж прикажете, петь или звать му-

зыкантов?!

Только нету подобных во мне талантов

И навряд ли когда-нибудь это будет!

Но коль счастье не вспыхнет в ее дому

И удачи не будет от тех свиданий –

Все равно запоздалых потом признаний

Я, наверно, не вынесу, не приму!

Нет, все это не глупые словоблудии,

Не тщеславьем набитая голова,

Просто трудно как в праздники, так и в будни

Знать, что ты там всего только номер два!

В чувствах странными часто бывают люди:

Спорят, мирятся, кто-то порой схитрит.

Где-то зло, где-то мягко друг друга судят,

Но когда вдруг серьезно и крепко любят –

То уже не умеют прощать обид!

13 декабря 1999 г.
Москва

Секрет отношений

Пришла неприятность, и я расстроился.

За что мне, простите, такая «радость»?

Но только я вроде бы успокоился,

Как, здравствуйте: новая неприятность!

А ты, не теряя привычной гордости,

Спросила, взглянувши светло и ясно:

«В чем дело? Откуда все эти сложности?

Ведь раньше же было все так прекрасно!»

А я улыбаюсь: мне это «нравится»…

Все верно… Прекрасно и вправду было.

Но дело-то в том, что одна красавица

В ту пору ужасно меня любила…

Когда же любовь вдруг как будто пятится

И смотрит порой хмуровато-косо,
Вот тут хоть убей: ничего не ладится...
И в этом-то, видимо, суть вопроса.

Смеешься? Ну что же: и впрямь занятно!
Я мог бы все сложности перечислить,
Но, вижу, тебе и без слов понятно.
Люблю, когда люди умеют мыслить!

Уж нам ли прекрасного не досталось?!
И ты не зря сейчас улыбаешься.
Ведь что нужно сделать, чтоб все получалось
И жизнь превосходнейше состоялась?
Ты лучше, чем кто-нибудь, догадаешься...

Ведь сложности мира и вздох любой
Зависят вовек лишь от нас с тобой!

31 октября 2001 г.
Москва

Будничный наряд

Ах, как много женщины теряют
Оттого, что, возвратясь домой,
На себя такое надевают,

Что подчас наряднее бывает
Даже, вероятно, домовой!

Тут не пустяковая задача,
Дело это – мудрого ума.
Ведь себя ж в запущенность упряча,
Позабудет женщина иначе,
Что она – поэзия сама!

И хоть я в нарядах не знаток,
Понимаю: дома – по-домашнему.
Но когда домашность «по-неряшному»,
Тут, простите, впору наутек.

На работе чуть ли не влюбляются:
– Хороша, изящна! – Но зато
Жаль, что им не видно ту «красавицу»,
Что порою дома одевается

Черт ведь знает попросту во что!

Увидав ее в «домашнем платье»,
Вы бы просто потеряли речь:
То ль она в засаленном халате?
То ли в кофте с бабушкиных плеч?

Но, смутясь, сказала бы красавица:
– Так ведь в доме нету же мужчин!
Ну, а папа, братья, муж и сын,
Это же, конечно, не считается! –

Вот такой житейский оборот!
Только ей подумать бы впервые,
Что, быть может, все наоборот,
Что совсем ориентир не тот
И свои важнее, чем чужие?!

Что душа у братьев или сына
Как-никак – не прошлогодний снег.
И что муж, он все-таки мужчина
И, пожалуй, даже человек!

Да к тому ж в житейских столкновеньях,
Как ни странно, часто виноват

Да все тот же выцветший халат,
Что порою раздражает взгляд,
Да и просто портит настроенье.

И, пожалуй, чтобы быть счастливыми,
Чтоб и в будни пели соловьи,
Надо вечно, всюду быть красивыми,
Дорогие женщины мои!

1972

Люблю сердца, способные простить

Люблю сердца, способные простить.
Нет-нет, отнюдь не как-нибудь бездумно,
А с добрым сердцем, искренно и умно.
Простить – как бы занозу удалить…

Подчас так сладко горечь затаить,
Ведь нет теперь уже пути обратно,
А выйдет случай – крепко отомстить!
Приятно? Да и как еще приятно!

Коль отомстил – считай, что повезло:
Дал сдачу на укусы бессердечности!
Но зло обычно порождает зло,
И так идет, порой, до бесконечности…

От всепрощенья сердце не согрето,
А беспринципность – сущая беда.
Есть зло, когда прощенья просто нету!
И все же так бывает не всегда.

Пусть гневаться и даже раздражаться
Приходится, хоть это нелегко.
А все же зло, коль честно разобраться, –
Зачем хитрить?! Давайте признаваться:
Порой совсем не так уж велико!

Месть с добротою сложно совмещать.
И что порой важнее, я не знаю,
И все-таки стократно повторяю:
Люблю сердца, способные прощать!

‹17 сентября 2001 года›

У любви не бывает разлук

У любви не бывает разлук,
У любви есть одни только встречи,
До смешного счастливые речи
И ни лжи, ни тем более мук.

«Как же так! – скажут мне. – Где любовь,
Там всегда и обиды, и споры,
Бесконечные ревности, ссоры,
Примиренья и ревности вновь!»

Но давайте подумаем здраво:
Там – то счастье, то – лесть, то – месть.
Бесконечных эмоций лава,
Только есть ли уверенность, право,
В том, что это любовь и есть?!

При любви ведь не жгут корабли,
И разлука в любви не считается,
Даже если сердца друг от друга вдали,

Встреча все-таки продолжается!

Ну так скажем же вновь и вновь:
При любви все обиды мнимы,
Ибо там, где живет любовь,
Все преграды преодолимы!

‹3 октября 2002 года. Москва›

Сказка о любви

Они без слов понимали друг друга,
И не было в мире сердец нежней.
Он бурно любил. А его подруга
Любила, быть может, еще сильней.

Есть множество чувств на земной планете,
И все-таки, что там ни говори,
Навряд ли найдется прибор на свете,
Способный измерить накал любви.

Насколько все было у них счастливо –
Прочувствовать было бы слишком сложно.
Однако же было все так красиво,
Что попросту вычислить невозможно!

И все ж вдруг такое порой случается,
Что там, где все тысячу раз прекрасно,
Свершается вдруг до того ужасно,
Что просто в сознаньи не умещается…

Встречая весенне-душистый шквал,
Шагнули они вдруг беде навстречу
И в самый спокойный и светлый вечер
Попали под бешеный самосвал.

А дальше, как тысячи лет подряд,
Взлетев под сияющий свод святилища,
Они оказались у врат чистилища,
Откуда дорога и в рай, и в ад…

И, глядя печально в свои бумаги,
Сказал им сурово премудрый Петр:
«Хоть думай о горе, хоть думай о благе,
А промысел Высший и чист и тверд.

Кому-то грустится, кому-то хохочется,
Ведь судьбы не мы, а за нас вершат,
Не все получается так, как хочется,
Тебе, – он сказал ей, – дорога прочится
Отныне и присно в кромешный ад.

Когда-то ты в юности нагрешила,
И ныне, что выпало – принимай.

А мужу иное Судьба решила:
Грешил ты немного, что было – то было,
Ступай же отныне в прекрасный рай!»

Но он на колени упал с мольбою:
«Пусть будет такой и ее стезя!
Оставь же ее навсегда со мною!»
Но Петр покачал головой: «Нельзя!

Конечно, все это ужасно сложно,
Но так существует мильоны лет:
Вот если за грешником вслед, то можно,
Но только подумать здесь крепко должно:
Обратной дороги оттуда нет!»

Но он улыбнулся: «Смешной секрет!
Разлука в любви – пострашней страданий!»
И в страшную лаву без колебаний
Он прыгнул навечно за милой вслед!

Мораль тут излишня: пойми и знай:
Ведь если бы все мы вот так любили,

То чувства людей обрели бы крылья,
А наша земля превратилась в рай…

29 января 2002 г.
Москва

Веселые споры

Мы спорим порой, будто две державы,
А после смеемся, слегка устав.
И все же не могут быть оба правы,
При спорах один все равно не прав.

Ах, люди! Ведь каждый, ей-богу, дивен.
Вот книгу читаем и снова спор:
«Ты знаешь, прости, но роман наивен», –
«Наивен? Но это же просто вздор!»

А может ли сеять раздор природа?
Еще бы! И даже порой с утра:
«Взгляни: нынче сказка, а не погода!»
«Да, да – препаскуднейшая жара!»

А бывает ли так: не склоня головы,
Оба спорят, но оба при этом правы?!
Да, когда они фразу за фразой рубят,

Но при этом безбожно друг друга любят!

5 августа 2001 г.
Красновидово

Раздумье над классикой

Возможно, я что-то не так скажу,
И пусть будут спорными строки эти,
Но так уж я, видно, живу на свете,
Что против души своей не грешу.

В дружбу я верил с мальчишьих лет,
Но только в действительно настоящую,
До самого неба костром летящую,
Такую, какой и прекрасней нет!

Но разве же есть на земле костер,
Жарче того, что зажгли когда-то
Два сердца с высот Воробьевых гор,
На веки веков горячо и свято?!

О, как я о дружбе такой мечтал
И как был канонами околдован,
Пока не осмыслил, пока не познал
И в чем-то вдруг не был разочарован.

Пусть каждый ярчайшею жизнью жил,

Но в этом союзе, клянусь хоть небом,
Что только один из двоих дружил,
Другой же тем другом высоким не был!

Да, не был. Пусть сложен житейский круг,
Но я допускаю, хотя и туго,
Что к другу приехавший в гости друг
Мог даже влюбиться в супругу друга.

Влюбиться, но смуты своей сердечной
Даже и взглядом не показать,
Тем паче, что друг его, что скрывать,
Любил свою милую бесконечно.

Сердце... Но можно ль тут приказать?
Не знаю. Но если и вспыхнут страсти,
Пусть трудно чувствами управлять,
Но что допустить и как поступать,
Вот это все-таки в нашей власти!

Я гения чту за могучий ум,
За «Колокол», бивший в сердца набатом,

И все же могу я под грузом дум
Считать, что не все тут, быть может, свято.

И надо ли, правды не уроня,
Внушать мне, как высшую из примеров,
Дружбу, в которую у меня
Нету великой и светлой веры.

Ведь дружба – есть чувство, как жизнь, святое,
Так как же уверовать и понять,
Что можно дружить и навек отнять
У друга самое дорогое?!

А вера моя до могилы в том,
Что подлинный друг, ну а как иначе,
Лишь тот, кому твердо доверишь дом,
Деньги, жену и себя в придачу!

Стараясь все мудрое познавать,
Держусь я всю жизнь непреклонных взглядов,
Что классику следует уважать,
Осмысливать, трепетно изучать,

Но падать вот ниц перед ней не надо.

А тех, кто сочтет это слишком смелым

Иль попросту дерзким, хочу спросить:

Желали б вы в жизни вот так дружить?

Молчите? Вот в этом-то все и дело…

Мы идем с тобой, взявшись за руки

Мы идем с тобой, взявшись за руки,
Вдоль бульвара меж тополей.
Я б хотел тебя вскинуть на руки
И нести по планете всей…

Ты смеешься: «Увы, когда-то
Я легка была словно пух…
А теперь не бесплотный дух!
И поднять меня сложновато…»

«Что мне груз! – говорю я. – Милая!
Пусть года по судьбе прошлись.
Только я еще с доброй силою,
Мог тебя б еще вскинуть ввысь!

Впрочем, сколько бы плоть ни весила,
Только надо признаться смело,
Что характер наш, скажем весело,
Иногда повесомей тела…

И, прости за такую фразу,

Только, если зажжен огнем,
Я вздыму тебя ввысь не сразу…
Значит, дело тут только в нем.

А коль так, то во имя мудрости
Ты характер чуть-чуть измени:
Убери из него все трудности,
А все нежности сохрани.

Вот тогда-то мы, взявшись за руки,
Может, станем зари светлей,
И тебя сквозь огни-фонарики
Я уверенно, вскинув на руки,
Пронесу по планете всей!»

11 октября 2001 г.
Москва

Россия начиналась не с меча!

Россия начиналась не с меча,
Она с косы и плуга начиналась.
Не потому, что кровь не горяча,
А потому, что русского плеча
Ни разу в жизни злоба не касалась...

И стрелами звеневшие бои
Лишь прерывали труд ее всегдашний.
Недаром конь могучего Ильи
Оседлан был хозяином на пашне.

В руках, веселых только от труда,
По добродушью иногда не сразу
Возмездие вздымалось. Это да.
Но жажды крови не было ни разу.

А коли верх одерживали орды,
Прости, Россия, беды сыновей.
Когда бы не усобицы князей,
То как же ордам дали бы по мордам!

Но только подлость радовалась зря.

С богатырем недолговечны шутки:
Да, можно обмануть богатыря,
Но победить – вот это уже дудки!

Ведь это было так же бы смешно,
Как, скажем, биться с солнцем и луною,
Тому порукой – озеро Чудское,
Река Непрядва и Бородино.

И если тьмы тевтонцев иль Батыя
Нашли конец на родине моей,
То нынешняя гордая Россия
Стократ еще прекрасней и сильней!

И в схватке с самой лютою войною
Она и ад сумела превозмочь.
Тому порукой – города-герои
В огнях салюта в праздничную ночь!

И вечно тем сильна моя страна,
Что никого нигде не унижала.
Ведь доброта сильнее, чем война,
Как бескорыстье действеннее жала.

Встает заря, светла и горяча.

И будет так вовеки нерушимо.
Россия начиналась не с меча,
И потому она непобедима!

Лунный вечер

Закат хрустально-алый мост
Над речкой воздвигает,
И вверх в сопровожденье звезд
Луна, поднявшись в полный рост,
Торжественно шагает.

Ей все принадлежат сердца
И замки на планете,

А у тебя же ни дворца,
И, кроме одного певца,
Нет никого на свете.

Но это, право, не беда,
Взвей гордость, словно стяг,
Один, он тоже иногда
Уж не такой пустяк!

Готов я верить и любить,
О бедах не трубя.
Одно не знаю: как мне быть?
Какую песню сочинить,

Достойную тебя?

Твои слова, улыбки, взгляд
Я в сердце собирал,
И, встреться мы лет сто назад,
Я так бы написал:

Всегда поэзии полна,
То холодна, то страстна,
Ты – как полночная луна
Таинственно-прекрасна!

А впрочем, и средь наших дней
Горит живая сила:
И горделиво-светлой ей
Ты, с строгой скромностью своей,
Навряд ли б уступила.

Ведь гордо-чистая луна
Средь всех других планет
Одной лишь стороной видна,
Другой как словно нет.

А та, другая, для кого,
Где все темно и строго?
Для неба или для того,

Кто всех дороже. Для него –
Сверхдруга или бога!

Луна одна, и ты – одна.
И знаю я: твой взгляд,
Твоя дневная сторона
И звездно-тайная страна
Лишь мне принадлежат!

И так как в верности своей
Ты, как луна, тверда,
Живи ж средь песен и людей
И ныне, и всегда!

А если вечность обойдет
Капризно стороною
И бабка старая придет
С железною клюкою,

Ну что ж, не нам белеть, как снег!
Мир вечен – как замечено.
Как горы, как движенье рек.
В моих стихах тебе навек
Бессмертье обеспечено!

Я встретил тебя в апреле

Я встретил тебя в апреле
И потерял в апреле.
Ты стала ночной капелью и шорохом за окном,
Стала вдоль веток-строчек
Чутким пунктиром точек,
Зеленым пунктиром почек в зареве голубом.

Тучек густых отара
Катится с крутояра.
Месяц, зевнув, их гонит к речке на водопой.
Скучное это дело
Давно ему надоело,
Он ждет не дождется встречи с хохочущей зарей.

А наши с тобой апрели
Кончились. Отзвенели.
И наши скворцы весною не прилетят

сюда…

Прощанье не отреченье,

В нем может быть продолженье.

Но как безнадежно слово горькое: «Никогда!..»

1975

Прямой разговор

Л. К.

Боль свою вы делите с друзьями,
Вас сейчас утешить норовят,
А его последними словами,
Только вы нахмуритесь, бранят.

Да и человек ли в самом деле
Тот, кто вас, придя, околдовал,
Стал вам близким через две недели,
Месяц с вами прожил и удрал.

Вы встречались, дорогая, с дрянью.
Что ж нам толковать о нем сейчас?!
Дрянь не стоит долгого вниманья,
Тут важнее говорить о вас.

Вы его любили? Неужели?
Но полшага – разве это путь?!

Сколько вы пудов с ним соли съели?
Как успели в душу заглянуть?!

Что вы знали, ведали о нем?
То, что у него есть губы, руки,
Комплимент, цветы, по моде брюки –
Вот и все, пожалуй, в основном?!

Что б там ни шептал он вам при встрече,
Как возможно с гордою душой
Целоваться на четвертый вечер
И в любви признаться на восьмой?!

Пусть весна, пускай улыбка глаз…
Но ведь мало, мало две недели!
Вы б сперва хоть разглядеть успели,
Что за руки обнимают вас!

Говорите, трудно разобраться,
Если страсть. Допустим, что и так.
Но ведь должен чем-то отличаться
Человек от кошек и дворняг!

Но ведь чувства тем и хороши,
Что горят красиво, гордо, смело.
Пусть любовь начнется. Но не с тела,
А с души, вы слышите, – с души!

Трудно вам. Простите. Понимаю.
Но сейчас вам некого ругать.
Я ведь это не мораль читаю.
Вы умны, и вы должны понять:

Чтоб ценили вас, и это так,
Сами цену впредь себе вы знайте,
Будьте горделивы. Не меняйте
Золота на первый же медяк!

«Не надо любви никогда стыдиться!..»

Не надо любви никогда стыдиться!
Пусть будет в ней хворь иль невзгод безмерность.
Седины иль юность, богатство иль бедность,
Любовью нам надо всегда гордиться,
Ибо она – редчайшая ценность!

А если стыдиться, то только связи, –
Что манит людей лишь минутной новью.
Ведь в связи есть что-то порой от грязи,
Иначе была бы она Любовью!

Наверно, уж так создала Природа,
Что связь и любовь, словно мрак и свет,
Живут как два вечные антипода –

И общего в них абсолютно нет!

9 декабря 1998 г.
Москва

Как мне тебе понравиться?..

Как мне тебе понравиться?
Стать мрачным и непонятным?
А может быть, вдруг прославиться
Поступком невероятным?

Или вдруг стать мятежным,
Порывистым и упрямым?
А может быть, нежным-нежным
И ласковым самым-самым?..

А то вдруг лукаво-мглистым,
Сплетающим ловко сети?
Иль простодушно-чистым,
Доверчивым, словно дети?

Иль стать искушенным в жизни,
Солидным и мудрым очень,
Так, словно бы между прочим,
Роняющим афоризмы?

Разгневать тебя мне, что ли,
Поссорясь с тобой всерьез?

Иль рассмешить до колик,
До радостно-глупых слез?

Богатым прийти иль бедным,
С подарками или без?
Словом ли вдруг хвалебным
Поднять тебя до небес?

Что делать? Куда направиться:
К другу или врагу?
Откуда решенье явится?
Как мне тебе понравиться,
Понять уже не могу!

А ты даже будто рада
Терзать меня, как юнца.
Но только любовь не надо
Испытывать до конца.

Запомни мое пророчество:
Когда-нибудь, как во сне,
Страдая от одиночества,
Ты снова придешь ко мне.

И, бросивши спесь красавицы,
Скажешь: – Встречай, чудак!

Я с сердцем не в силах справиться.
Ну, как мне тебе понравиться? –
А я улыбнусь: – Никак!..

1970

Мы решили с тобой дружить...

Мы решили с тобой дружить,
Пустяками сердец не волнуя.
Мы решили, что надо быть
Выше вздоха и поцелуя...

Для чего непременно вздох,
Звезды, встречи, скамья в аллее?
Эти глупые «ах» да «ох»!..
Мы – серьезнее и умнее.

Если кто-то порой на танцах
Приглашал тебя в шумный круг,
Я лишь щелкал презрительно пальцем –
Можешь с ним хоть на век остаться.
Что за дело мне? Я же друг.

Ну а если с другой девчонкой
Я кружил на вешнем ветру,
Ты, плечами пожав в сторонке,
Говорила потом мне тонко:

– Молодец! Нашел кенгуру!

Всех людей насмешил вокруг. –
И, шепнув, добавляла хмуро:
– Заявляю тебе, как друг:
Не танцуй больше с этой дурой!

Мы дружили с тобой всерьез!
А влюбленность и сердца звон…
Да для нас подобный вопрос
Просто-напросто был смешон.

Как-то в сумрак, когда закат
От бульваров ушел к вокзалу,
Ты, прильнув ко мне, вдруг сказала:

– Что-то очень прохладно стало,
Ты меня обними… как брат…

И, обняв, я сказал, ликуя,
Слыша сердца набатный стук:
– Я тебя сейчас поцелую!
Поцелую тебя… как друг…

Целовал я тебя до утра,
А потом и ты целовала

И, целуя, все повторяла:
– Это я тебя, как сестра...

Улыбаясь, десятки звезд
Тихо гасли на небосводе.
Мы решили дружить всерьез.
Разве плохо у нас выходит?

Кто и в чем помешает нам?
Ведь нигде же не говорится,
Что надежным, большим друзьям
Запрещается пожениться?

И отныне я так считаю:
Все влюбленности – ерунда.
Вот серьезная дружба – да!
Я по опыту это знаю.

1965

Эдельвейс
(Лирическая баллада)

Ботаник, вернувшийся с южных широт,
С жаром рассказывал нам
О редких растениях горных высот,
Взбегающих к облакам.

Стоят они гордо, хрустально чисты,
Как светлые шапки снегов.
Дети отчаянной высоты
И дикого пенья ветров.

В ладонях ботаника – жгучая синь,
Слепящее солнце и вечная стынь
Качаются важно, сурово.
Мелькают названья – сплошная латынь –
Одно непонятней другого.

В конце же сказал он: – А вот эдельвейс,
Царящий почти в облаках.
За ним был предпринят рискованный

рейс,
И вот он в моих руках!

Взгляните: он блещет, как горный снег,
Но то не просто цветок.
О нем легенду за веком век
Древний хранит Восток.

Это волшебник. Цветок-талисман.
Кто завладеет им,
Легко разрушит любой обман
И будет от бед храним.

А главное, этот цветок таит
Сладкий и жаркий плен:
Тот, кто подруге его вручит,
Сердце возьмет взамен.

Он кончил, добавив шутливо: – Ну вот,
Наука сие отрицает,
Но если легенда веками живет,
То все-таки кто его знает?..

Ботаника хлопали по плечам,
От шуток гудел кабинет:
– Теперь хоть экзамен сдавай по цве-

там!
Да ты не ученый – поэт!

А я все думал под гул и смех:
Что скажет сейчас она?
Та, что красивей и тоньше всех,
Но так всегда холодна.

Так холодна, что не знаю я,
Счастье мне то иль беда?
Вот улыбнулась: – Это, друзья,
Мило, но ерунда…

В ночи над садами звезды зажглись,
А в речке темным-темно…
Толкаются звезды и, падая вниз,
С шипеньем идут на дно.

Ветер метет тополиный снег,
Мятой пахнет бурьян…
Конечно же, глупо: атомный век –
И вдруг цветок-талисман!

Пусть так! А любовь? Ведь ее порой
Без чуда не обрести!
И разве есть ученый такой,

Чтоб к сердцу открыл пути?!

Цветок эдельвейс… Щемящая грусть…
Легенда… Седой Восток…
А что, если вдруг возьму и вернусь
И выпрошу тот цветок?!

Высмеян буду? Согласен. Пусть.
Любой ценой получу!
Не верит? Не надо! Но я вернусь
И ей тот цветок вручу.

Смелее! Вот дом его… Поворот…
Гашу огонек окурка,
И вдруг навстречу мне из ворот
Стремительная фигурка.

Увидела, вспыхнула радостью: – Ты!
Есть, значит, тайная сила.
Ты знаешь, он яростно любит цветы,
Но я смогла, упросила…

Сейчас все поймешь… Я не против чудес,
Нет, я не то говорю… –
И вдруг протянула мне эдельвейс!

– Вот… Принимай… Дарю!

Звездами вспыхнули небеса,
Ночь в заревом огне…
Люди, есть на земле чудеса!
Люди, поверьте мне!

Моей маме

Пускай ты не сражалась на войне,
Но я могу сказать без колебанья:
Что кровь детей, пролитая в огне,
Родителям с сынами наравне
Дает навеки воинское званье!

Ведь нам, в ту пору молодым бойцам,
Быть может, даже до конца не снилось,
Как трудно было из-за нас отцам
И что в сердцах у матерей творилось.

И лишь теперь, мне кажется, родная,
Когда мой сын по возрасту – солдат,
Я, как и ты десятки лет назад,
Все обостренным сердцем принимаю.

И хоть сегодня ни одно окно
От дьявольских разрывов не трясется,
Но за детей тревога все равно
Во все века, наверно, остается.

И скажем прямо (для чего лукавить?!),
Что в бедах и лишеньях грозовых
Стократ нам легче было бы за них
Под все невзгоды головы подставить!

Да только ни в труде, ни на войне
Сыны в перестраховке не нуждались.
Когда б орлят носили на спине,
Они бы в кур, наверно, превращались!

И я за то тебя благодарю,
Что ты меня сгибаться не учила,
Что с детских лет не тлею, а горю,
И что тогда, в нелегкую зарю,
Сама в поход меня благословила.

И долго-долго средь сплошного грома
Все виделось мне в дальнем далеке,
Как ты платком мне машешь у райкома,
До боли вдруг ссутулившись знакомо
С забытыми гвоздиками в руке.

Да, лишь когда я сам уже отец,
Я до конца, наверно, понимаю

Тот героизм родительских сердец,
Когда они под бури и свинец
Своих детей в дорогу провожают.

Но ты поверь, что в час беды и грома
Я сына у дверей не удержу,
Я сам его с рассветом до райкома,
Как ты меня когда-то, провожу.

И знаю я: ни тяготы, ни войны,
Не запугают парня моего.
Ему ты верь и будь всегда спокойна:
Все, что светло горело в нас, достойно
Когда-то вспыхнет в сердце у него!

И пусть судьба, как лист календаря,
У каждого когда-то обрывается.
Дожди бывают на земле не зря:
Пылает зелень, буйствуют моря,
И жизнь, как песня, вечно продолжается!

Моя звезда

Наверно, так уж повелось от века,
В народе говорится иногда,
Что где-то есть порой у человека
Далекая, счастливая звезда.

А коль звезда по небу покатилась,
В глубокой тьме прочерчивая след,
То где-то, значит, жизнь остановилась
И что кого-то в мире больше нет.

Звезда моя! Прозрачно-голубая,
Всю жизнь воюя, споря и любя,
Как ты добра – я в точности не знаю.
Но с детских лет я верую в тебя.

Когда мне было радостно до боли,
При свете милых удивленных глаз,
И в час, когда читал я в нашей школе
На выпускном стихи в последний раз;

И в час, когда шагал я с аттестатом
В лучах надежды утренней Москвой,

Когда я был счастливым и крылатым, –
Ты в полный жар сияла надо мной!

И в дни, когда под грохот эшелонов,
Под пенье пуль, навстречу воронью,
Я шел без сна, в шинели и погонах,
Сквозь сто смертей за Родину мою;

Когда я стыл под вьюгой ледяною,
Когда от жажды мучился в пути,
И в тихий час, и в самом пекле боя
Я знал, что ты мне светишь впереди.

Но так уж в мире, кажется, бывает,
Что дальняя, счастливая звезда
Не всякий раз приветливо мигает
И полным жаром блещет не всегда…

И в том бою, когда земля горела
И Севастополь затянула мгла,
Ты, видимо, меня не разглядела
И уберечь от горя не смогла.

И вот когда дыханье пропадает,
Уходят силы, а сознанье – дым…

Тогда для смерти время наступает,
И смерть пришла за сердцем за моим.

Да не сумела, не остановила.
То ль потому, что молодость жила,
Иль потому, что комсомольским было,
Но только зря старуха прождала.

Звезда моя! Я вовсе не стараюсь
Всего добиться даром, без труда,
Я снова сам работаю, сражаюсь,
И все же ты свети хоть иногда...

Ведь как порою нелегко бывает,
Когда несутся стрелы мне вослед
И недруги бранят, не умолкая,
Тогда сижу, курю я и не знаю:
Горишь ты надо мною или нет?

А впрочем, что мне недруги и стрелы!
Звезда моя! Счастливая звезда.
Да, ты горишь! А если б не горела,
Я не достиг бы счастья никогда!

А я – достиг... Чего мне прибедняться!

Я знаю цель. Тверды мои шаги.
И я умею даже там смеяться,
Где слабый духом выл бы от тоски!

Звезда моя! Ты тоже не сдаешься,
Как я, таким же пламенем горя!
И в час, когда ты, вздрогнув, оборвешься,
Не скажут нам, что мы горели зря!

И я мечтаю вопреки примете:
Когда судьба нас вычеркнет навек,
Пусть в этот миг родится на планете
Какой-нибудь счастливый человек!

1965

У ночного экспресса

Поезд ждет, застегнутый по форме.
На ветру качается фонарь.
Мы почти что двое на платформе,
А вокруг клубящаяся хмарь.

Через миг тебе в экспрессе мчаться,
Мне шагать сквозь хмурую пургу.
Понимаю: надо расставаться.
И никак расстаться не могу.

У тебя снежинки на ресницах,
А под ними, освещая взгляд,
Словно две растерянные птицы,
Голубые звездочки дрожат.

Говорим, не подавая виду,
Что беды пугаемся своей.
Мне б сейчас забыть мою обиду,
А вот я не в силах, хоть убей.

Или вдруг тебе, отбросив прятки,
Крикнуть мне: – Любимый, помоги!

Мы – близки! По-прежнему близки! –
Только ты молчишь и трешь перчаткой
Побелевший краешек щеки.

Семафор фонариком зеленым
Подмигнул приветливо тебе,
И уже спешишь ты по перрону
К той, к другой, к придуманной судьбе.

Вот одна ступенька, вот вторая…
Дверь вагона хлопнет – и конец!

Я безмолвно чудо призываю,
Я его почти что заклинаю
Горьким правом любящих сердец.

Стой! Ты слышишь? Пусть минута эта
Отрезвит, ударив, как заряд!

Обернись! Разлуки больше нету!
К черту разом вещи и билеты!
И скорей по лестнице! Назад!

Я прощу все горькое на свете!
Нет, не обернулась. Хоть кричи…
Вот и все. И только кружит ветер.

Да фонарь качается в ночи.

Да стучится сердце, повторяя:
«Счастье будет! Будет, не грусти!»
Вьюга кружит, кружит, заметая
Белые затихшие пути…

На рассвете

У моста, поеживаясь спросонок,
Две вербы ладошками пьют зарю,
Крохотный месяц, словно котенок,
Карабкаясь, лезет по фонарю.

Уж он-то работу сейчас найдет
Веселым и бойким своим когтям!
Оглянется, вздрогнет и вновь ползет
К стеклянным пылающим воробьям.

Город, как дымкой, затянут сном,
Звуки в прохладу дворов упрятаны,
Двери домов еще запечатаны
Алым солнечным сургучом.

Спит катерок, словно морж у пляжа,
А сверху задиристые стрижи
Крутят петли и виражи
Самого высшего пилотажа!

Месяц, прозрачным хвостом играя,
Сорвавшись, упал с фонаря в газон.

Вышли дворники, выметая
Из города мрак, тишину и сон.

А ты еще там, за своим окном,
Спишь, к сновиденьям припав щекою.
И вовсе не знаешь сейчас о том,
Что я разговариваю с тобою…

А я, в этот утром умытый час,
Вдруг понял, как много мы в жизни губим.
Ведь если всерьез разобраться в нас,
То мы до смешного друг друга любим.

Любим, а спорим, ждем встреч, а ссоримся
И сами причин уже не поймем.
И знаешь, наверно, все дело в том,
Что мы с чем-то глупым в себе не боремся.

Ну разве не странное мы творим?
И разве не сами себя терзаем:
Ведь все, что мешает нам, мы храним.
А все, что сближает нас, забываем!

И сколько на свете таких вот пар
Шагают с ненужной и трудной ношею.
А что, если зло выпускать, как пар?!
И оставлять лишь одно хорошее?!

Вот хлопнул подъезд во дворе у нас,
Предвестник веселой и шумной людности.
Видишь, какие порой премудрости
Приходят на ум в предрассветный час.

Из скверика ветер взлетел на мост,
Кружа густой тополиный запах,
Несутся машины друг другу в хвост,
Как псы на тугих и коротких лапах.

Ты спишь, ничего-то сейчас не зная,
Тени ресниц на щеках лежат,
Да волосы, мягко с плеча спадая,
Льются, как бронзовый водопад…

И мне (ведь любовь посильней, чем джинн,
А нежность – крылатей любой орлицы),

Мне надо, ну пусть хоть на миг один,
Возле тебя сейчас очутиться.

Волос струящийся водопад
Поглажу ласковыми руками,
Ресниц еле слышно коснусь губами,
И хватит. И кончено. И – назад!

Ты сядешь и, щурясь при ярком свете,
Вздохнешь, удивления не тая:
– Свежо, а какой нынче знойный ветер!
А это не ветер. А это – я!

Ты должна полюбить меня

Ты должна меня полюбить,
Всем дыханьем, душою всей!
Как ты можешь на свете жить
Без меня и любви моей?!

Биотоки не ерунда,
Их нельзя зачеркнуть, смеясь.
Разве ты не чувствуешь связь
Между мной и тобой всегда?

У тебя на душе легко,
Ты смеешься, причин не зная.

Это я далеко-далеко
О тебе сейчас вспоминаю.

А когда вдруг бессонный взгляд
Устремишь ты во тьму ночную,
Ты прости, это я виноват!
Это я о тебе тоскую...

Говорят, что любовь робка,
Шорох трав, голубой восход,

Что она намекнет слегка
И со страхом ответа ждет.

Но тесны мне дорожки лунные.
Не могу молчать, не хочу!
Хочешь – выйду на площадь шумную
И о нежности закричу?!

Пусть все знают, как я люблю,
Как отчаянно я богат!
Я ведь каждый твой вздох ловлю,
Сберегаю твой каждый взгляд!

Вон звезда, мигнув на лету,
Покатилась в траву, звеня…
Приходи же. Я крепко жду.
Ты должна полюбить меня!

Верю гению самому

Когда говорят о талантах и гениях,
Как будто подглядывая в окно,
Мне хочется к черту смести все пре-
ния
Со всякими сплетнями заодно!

Как просто решают порой и рубят,
Строча о мятущемся их житье,

Без тени сомнений вершат и судят
И до чего же при этом любят
Разбойно копаться в чужом белье.

И я, сквозь бумажную кутерьму,
Собственным сердцем их жизни мерю.
И часто не столько трактатам верю,
Как мыслям и гению самому.

Ведь сколько же, сколько на свете было
О Пушкине умных и глупых книг!
Беда или радость его вскормила?
Любила жена его – не любила

В миг свадьбы и в тот беспощадный миг?

Что спорить, судили ее на славу
Не год, а десятки, десятки лет.
Но кто, почему, по какому праву
Позволил каменья кидать ей вслед?!

Кидать, если сам он, с его душой,
Умом и ревниво кипящей кровью,
Дышал к ней всегда лишь одной любовью,
Верой и вечною добротой.

И кто ж это смел подымать вопрос,
Жила ли душа ее страстью тайной,
Когда он ей даже в свой час прощальный
Слова благодарности произнес?!

Когда говорят о таланте иль гении,
Как будто подглядывая в окно,
Мне хочется к черту смести все прения
Со всякими сплетнями заодно!

И вижу я, словно бы на картине,
Две доли, два взгляда живых-живых:
Вот они, чтимые всюду ныне, –
Две статные женщины, две графини,
Две Софьи Андревны Толстых.

Адрес один: девятнадцатый век,
И никаких хитроумных мозаик.
Мужья их Толстые: поэт и прозаик,
Большой человек и большой человек.

Стужу иль солнце несет жена?
Вот Софья Толстая и Софья Толстая.
И чем бы их жизнь ни была славна,
Но только мне вечно чужда одна
И так же навечно близка другая.

И пусть хоть к иконе причислят лик,
Не верю ни в искренность и ни в счастье,
Если бежал величайший старик
Из дома во тьму под совиный крик
В телеге, сквозь пляшущее ненастье.

Твердить о любви и искать с ним ссо-

ры,
И, судя по всем его дневникам,
Тайно подслушивать разговоры,
Обшаривать ящики по ночам...

Не верю в высокий ее удел,
Если, навеки глаза смежая,
Со всеми прощаясь и всех прощая,
Ее он увидеть не захотел!

Другая судьба: богатырь, поэт,
Готовый шутить хоть у черта в пасти,
Гусар и красавец, что с юных лет
Отчаянно верил в жар-птицу счастья.

И встретил ее синекрылой ночью,
Готовый к упорству любой борьбы.
«Средь шумного бала, случайно...»
А впрочем,
Уж не был ли час тот перстом судьбы?

А дальше бураны с лихой бедою,
Походы да черный тифозный бред,

А женщина, с верной своей душою,
Шла рядом, став близкою вдвое, втрое,
С любовью, которой предела нет.

Вдвоем без конца, без единой ссоры,
Вся жизнь – как звезды золотой накал.
До горькой минуты, приход которой,
Счастливец, он, спящий, и не узнал…

Да, если твердят о таланте иль гении,
Как будто подглядывая в окно,
Мне хочется к черту смести все прения
Со всякими сплетнями заодно!

Как жил он? Что думал? И чем дышал?
Ответит лишь дело его живое
Да пламя души. Ведь своей душою
Художник творения создавал!

И я, сквозь бумажную кутерьму,
Лишь собственным сердцем их жизни мерю.
И чаще всего не трактатам верю,

А мыслям и гению самому!

Поздняя любовь

Пусть радость к нам поздно с тобой пришла.
Ты шутишь: «Носилась без нас как рыба!»

Не надо ироний, не надо зла,
Ведь все же нашла она нас, нашла,
Давай же ей скажем за то спасибо!

Ты только представь, что любви звезда
Когда-то спокойно, неуловимо
Взяла и прошла бы сторонкой мимо
И нас не заметила, не нашла?

Ну что бы, скажи, тогда с нами было?
Ведь мы б с тобой были несчастней всех!
Ты в страхе ладошкой мне рот прикрыла:
«Об этом и думать-то даже грех!»

Ну грех или нет – не берусь судить.

Ты знаешь, я, в общем, не суеверен.
Я просто доверчив и сердцем верен.
И только в судьбу я всегда намерен
И верить, и с нею в согласьи жить.

Поэтому надо ли говорить:
Мы встретились поздно или не поздно?
Не годы способны судьбу решить,
А люди, что могут всегда любить
Как мы – до отчаянности серьезно.

Вот многие, радуясь, пьют вино
Для временно-сладкого настроенья.
А нам ну совсем ни к чему оно,
Ведь нам много крепче хмелеть дано
От слов и от всяческого общенья…

Конечно, прекрасно, когда влюбленные
Наивною песней упоены,
Совсем по-щенячьи, еще зеленые,
Кидаются в первый порыв весны.

И я тут совсем не ворчу, не ною,
Я тоже всем сердцем люблю цветы.
Но все ли они, просияв весною,

Полны и до осени красоты?

И я не лукавлю: ведь сколько раз
Два сердца, что вспыхнули с юным пылом,
Бросались друг к другу всего на час,
На месяц, на два, ну на год от силы!

А мы? Ты застенчиво улыбаешься:
Не месяц, не два, и отнюдь не год…
Когда настоящее вдруг придет,
То ты с ним вовеки не распрощаешься…

Поэтому нам ли с тобой не знать,
Под чьей мы находимся яркой властью?!
Давай же не годы с тобой считать,
А песни, а звезды любви и счастья!

25 ноября 2001 г.
Москва – Красновидово

Судьбы и сердца

Ее называют «брошенная»,
«Оставленная», «забытая».
Звучит это как «подкошенная»,
«Подрезанная», «подбитая».

Раздоры – вещи опасные,
А нравы у жизни строги:
Ведь там, где все дни ненастные,
А взгляды и вкусы разные,
То разные и дороги.

Мудрейшая в мире наука
Гласит, что любви не получится,
Где двое мучат друг друга
И сами все время мучатся!

Сейчас выяснять бессмысленно,
Кто прав был в их вечном споре.
Счастье всегда таинственно,
Зато откровенно горе.

А жизнь то казнит, то милует,

И вот он встретил другую:
Не самую молодую,
Но самую, видно, милую.

Должно быть, о чем мечталось,
То и сбылось. Хоть все же
Любимая оказалась
С судьбою нелегкой тоже.

И вот он, почти восторженный,
Душой прикипел влюбленной
К кем-то когда-то брошенной,
Обманутой, обделенной.

И странно чуть-чуть и славно:
Была для кого-то лишнею,
А стала вдруг яркой вишнею,
Любимой и самой главной!

А с первою, той, что в раздоре,
Кто может нам поручиться,
Что так же все не случится
И счастье не встретит вскоре?!

Покажутся вдруг невзгоды
Далекими и смешными,

И вспыхнут и станут годы
Празднично-золотыми.

Ведь если сквозь мрак, что прожит,
Влетает к нам сноп рассвета,
То женщин ненужных нету,
Нету и быть не может!

И пусть хоть стократно спрошенный,
Стократно скажу упрямо я:
Что женщины нету брошенной,
Есть просто еще не найденная.

Не найденная, не встреченная,
Любовью большой не замеченная.
Так пусть же, сметя напасти,
Быстрее приходит счастье!

Сказка об одном собрании

Собранье в разгаре. Битком людей.
Кто хочет – вникай, обсуждай и впитывай!
Суть в том, что Фаустов Алексей
Сошелся внебрачно в тиши ночей
С гражданкою Маргаритовой.

Все правильно. Подано заявленье,
И, значит, надо вопрос решить.
Устроить широкое обсужденье,
Принять соответственное решенье
И строго безнравственность заклеймить!

Вопросы бьют, как из крана вода:
– Была ль домработница Марта сводней?
Что было? Где было? Как и когда?
Только, пожалуйста, поподробней!

Фаустов, вспыхнув, бубнит, мычит…
А рядом, с каменно-жестким профи-

лем,
Щиплет бородку и зло молчит
Друг его – Мефистофелев.

Сердитый возглас: – А почему
Мефистофолев всех сторонится?
Пусть встанет и скажет, а то и ему
Тоже кой-что припомнится!

Тот усмехнулся, отставил стул,
Брови слегка нахмурил,
Вышел к трибуне, плащом взмахнул
И огненный взгляд сощурил.

– Мой друг не безгрешен. Что есть, то есть.
И страсть ему обернулась бедою.
Но те, что так рьяно бранились здесь,
Так ли уж вправду чисты душою?

И прежде чем друга разить мечом,
Пусть каждый себя пощипать научится.
Ах, я клеветник? Хорошо. Начнем!
Давайте выясним, что получится?!

Пусть те, кто женам не изменяли,
И те, кто не знали в жизни своей
Ни ласк, ни объятий чужих мужей, –
Спокойно останутся в этом зале.

А все остальные, – он руки воздел, –
Немедля в ад крематория! –
Зал ахнул и тотчас же опустел…
Страшная вышла история.

1969

Любовь, измена и колдун

В горах, на скале, о беспутствах мечтая,
Сидела Измена худая и злая.
А рядом под вишней сидела Любовь,
Рассветное золото в косы вплетая.

С утра, собирая плоды и коренья,
Они отдыхали у горных озер
И вечно вели нескончаемый спор –
С улыбкой одна, а другая с презреньем.

Одна говорила: – На свете нужны
Верность, порядочность и чистота.
Мы светлыми, добрыми быть должны:
В этом и – красота!

Другая кричала: – Пустые мечты!
Да кто тебе скажет за это спасибо?
Тут, право, от смеха порвут животы
Даже безмозглые рыбы!

Жить надо умело, хитро и с умом.

Где – быть беззащитной, где – лезть напролом,

А радость увидела – рви, не зевай!

Бери! Разберемся потом.

– А я не согласна бессовестно жить.

Попробуй быть честной и честно любить!

– Быть честной? Зеленая дичь! Чепуха!

Да есть ли что выше, чем радость греха?!

Однажды такой они подняли крик,

Что в гневе проснулся косматый старик,

Великий Колдун, раздражительный дед,

Проспавший в пещере три тысячи лет.

И рявкнул старик: – Это что за война?!

Я вам покажу, как будить Колдуна!

Так вот, чтобы кончить все ваши раздоры,

Я сплавлю вас вместе на все времена!

Схватил он Любовь колдовскою рукой,

Схватил он Измену рукою другой
И бросил в кувшин их, зеленый, как море,
А следом туда же – и радость, и горе,
И верность, и злость, доброту, и дурман,
И чистую правду, и подлый обман.

Едва он поставил кувшин на костер,
Дым взвился над лесом, как черный шатер,
Все выше и выше, до горных вершин,
Старик с любопытством глядит на кувшин:

Когда переплавится все, перемучится,
Какая же там чертовщина получится?
Кувшин остывает. Опыт готов.
По дну пробежала трещина,
Затем он распался на сотню кусков,
И… появилась женщина…

Ночь

Как только разжались объятья,
Девчонка вскочила с травы,
Смущенно поправила платье
И встала под сенью листвы.

Чуть брезжил предутренний свет,
Девчонка губу закусила,
Потом еле слышно спросила:
– Ты муж мне теперь или нет?

Весь лес в напряжении ждал,
Застыли ромашка и мята,
Но парень в ответ промолчал
И только вздохнул виновато…

Видать, не поверил сейчас
Он чистым лучам ее глаз.
Ну чем ей, наивной, помочь
В такую вот горькую ночь?!

Эх, знать бы ей, чуять душой,
Что в гордости, может, и сила,

Что строгость еще ни одной
Девчонке не повредила.

И может, все вышло не так бы,
Случись эта ночь после свадьбы.

Пока ты любишь меня

Чем только не полон наш шар земной!
Красот и богатств в нем не счесть.
И все же
Из всех драгоценностей под луной
Ну есть ли хоть что-то любви дороже?!

Я в мире немало прошел дорог,
Встречая и сажу, и белоснежность,
Но что бы достиг я и что бы смог,
Когда бы ни женского сердца ток,
Когда бы ни женская в мире нежность…

Все было: и хмель сумасшедших фраз,
И счастье такое, что – дрожь по коже!
Они окрыляли меня подчас,
Они вдохновляли меня не раз,
Но, будем честны: предавали тоже…

Сегодня – ты рядом, как вешний свет!
Горящий веселою добротою.

Не будем же прошлых считать побед
И боль, причинявших когда-то бед.
Давай про сейчас говорить с тобою!

Жизнь может подножку дать не краснея
И зло укусить, в западню маня.
И все-таки в даль я смотрю не робея!
И тысячи раз одолеть сумею
Все стужи, пока ты любишь меня!

Всю жизнь ты ждала от Судьбы награды,
А праздник-то вот он – взгляни душой!
Ведь в чувствах моих сомневаться не надо,
Сердце мое день и ночь с тобой!

Да, ты – вдохновенно-нежна. И все же
Не знаю: гожусь ли в твои герои?
Но нам до чего ж хорошо с тобою!
А то, что я – старше, а ты – моложе,
Ну что ж! Значит, я еще что-то стою!

И кто мои силы сумел бы смерить

Хоть в буре труда, хоть на кромке огня?!

Я буду сражаться, любить и верить

Всегда, пока ты любишь меня!

19 ноября 1999. Москва

Не проходите мимо любви!

Нет на земле абсолютной свободы.
Весна – от зимы, ну, а семя – от семени,
Птица – от птицы, народ – от народа.
Все подчиняется власти природы,
Все, разумеется, кроме времени…

Взрослеют и старятся бывшие дети,
Сначала бодры, а потом – неловки,
Время, кружа, царит на планете
И нет ни на миг ему остановки!

Годы, что молоды были когда-то,
Седеют и мыслями, и душой.
Оглянешься: сколько же их за спиной?!
И даже считать уже страшновато…

И все ж с высоты промелькнувших лет
Вдруг взглянешь на пройденные дороги
И хочешь порою спросить в тревоге:
«Любил тебя кто-нибудь или нет?»

И даль, что в тумане была когда-то,
Вдруг словно под лупою проясняется,
И поразительно выясняются
Знакомые лица, дела и даты…

И голос, какой-то нездешней силы,
Прошепчет: «Вон – девушка… Узнаешь?
Она же любила тебя, любила,
Ты только припомни: и как любила!
А разве ты чувствовал эту дрожь?

Молчишь? Хорошо! Вспоминай другую,
Тут тоже веселой не будет речь:
Красивую, яркую, молодую,
И множество радостно-светлых встреч!

Она и надеялась, и металась,
То слезы, то счастье тая в груди,
Тебе было радостно. Но казалось,
Что счастье пока что не повстречалось,
И главное все еще впереди!

А чьи-то иные сердца и взгляды,

Напористей всех и хитрее всех,
Имели порою такой успех,
Которого лучше бы и не надо!»

И впрямь, почему так порой бывает:
Что люди, вступив вдруг с собою в сделку,
Подделку за подлинник принимают,
А подлинник чуть ли ни за подделку?!

А почему так, друзья-товарищи?
Да потому, что живем свободно!
Бросаемся часто на что угодно,
Пока не окажемся на пожарище!

А птицы-года у мужчин и женщин
Несутся, и отзвук от них все горше…
И чем этих лет за спиною больше,
Тем радостных дней впереди все меньше…

Поэтому, люди, в потоках событий,
Каждый, как хочешь, так и живи:
Мечтайте, боритесь, страдайте, творите!

Но только вовеки не проходите,
Не проходите мимо любви!

9 февраля 2000 года
Москва

Не уходи из сна моего

Не уходи из сна моего!
Сейчас ты так хорошо улыбаешься,
Как будто бы мне подарить стараешься
Кусочек солнышка самого.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
Ведь руки, что так меня нежно обняли,
Как будто бы радугу в небо подняли,
И лучше их нет уже ничего.
Не уходи из сна моего!

В былом у нас – вечные расстояния,
За встречами – новых разлук терзания,
Сплошной необжитости торжество.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
Теперь, когда ты наконец-то рядом,

Улыбкой и сердцем, теплом и взглядом,
Мне мало, мне мало уже всего!
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
И пусть все упущенные удачи
Вернутся к нам снова, смеясь и плача,
Ведь это сегодня важней всего.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
Во всех сновиденьях ко мне являйся!
И днем, даже в шутку, не расставайся,
И лучше не сделаешь ничего.
Не уходи из сна моего!

1994

Что такое счастье?

Что же такое счастье?
Одни говорят: «Это страсти:
Карты, вино, увлечения –
Все острые ощущения».

Другие верят, что счастье –
В окладе большом и власти,
В глазах секретарш плененных
И трепете подчиненных.

Третьи считают, что счастье –
Это большое участье:
Забота, тепло, внимание
И общность переживания.

По мненью четвертых, это –
С милой сидеть до рассвета,
Однажды в любви признаться
И больше не расставаться.

Еще есть такое мнение,
Что счастье – это горение:

Поиск, мечта, работа
И дерзкие крылья взлета!

А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста:
От кочки и до Казбека,
В зависимости от человека.

1966

России

Ты так всегда доверчива, Россия,
Что, право, просто оторопь берет.
Еще с времен Тимура и Батыя
Тебя, хитря, терзали силы злые
И грубо унижали твой народ.

Великая трагедия твоя
Вторично в мире сыщется едва ли:

Ты помнишь, как удельные князья,
В звериной злобе отчие края
Врагам без сожаленья предавали?!

Народ мой добрый! Сколько ты страдал
От хитрых козней со своим доверьем!
Ведь Рюрика на Русь никто не звал.
Он сам с дружиной Новгород подмял
Посулами, мечом и лицемерьем!

Тебе ж внушали испокон веков,
Что будто сам ты, небогат умами,

Слал к Рюрику с поклонами послов:
«Идите, княже, володейте нами!»

И как случилось так, что триста лет
После Петра в России на престоле, –
Вот именно, ведь целых триста лет! –
Сидели люди, в ком ни капли нет
Ни русской крови, ни души, ни боли!

И сколько раз среди смертельной мглы
Навек ложились в Альпах ли, в Карпатах
За чью-то спесь и пышные столы
Суворова могучие орлы,
Брусилова бесстрашные солдаты.

И в ком, скажите, сердце закипело?
Когда тебя, лишая всякой воли,
Хлыстами крепостничества пороли,
А ты, сжав зубы, каменно терпела?

Когда ж, устав от захребетной гнили,
Ты бунтовала гневно и сурово,
Тебе со Стенькой голову рубили
И устрашали кровью Пугачева.

В семнадцатом же тяжкие загадки
Ты, добрая, распутать не сумела:
С какою целью и за чьи порядки
Твоих сынов столкнули в смертной схватке,
Разбив народ на «красных» и на «белых»?!

Казалось: цели – лучшие на свете:
«Свобода, братство, равенство труда!»
Но все богатыри просты, как дети,
И в этом их великая беда.

Высокие святые идеалы
Как пыль смело коварством и свинцом,
И все свободы смяло и попрало
«Отца народов» твердым сапогом.

И все же, все же, много лет спустя
Ты вновь зажглась от пламени плакатов,
И вновь ты, героиня и дитя,
Поверила в посулы «демократов».

А «демократы», господи прости,

Всего-то и умели от рожденья,
Что в свой карман отчаянно грести
И всех толкать в пучину разоренья.

А что в недавнем прошлом, например?
Какие честь, достоинство и слава?
Была у нас страна СССР –
Великая и гордая держава.

Но ведь никак же допустить нельзя,
Чтоб жить стране без горя и тревоги!
Нашлись же вновь «удельные князья»,
А впрочем, нет! Какие там «князья»!
Сплошные крикуны и демагоги!

И как же нужно было развалить
И растащить все силы и богатства,
Чтоб нынче с ней не то что говорить,
А даже и не думают считаться!

И сколько ж нужно было провести
Лихих законов, бьющих злее палки,
Чтоб мощную державу довести
До положенья жалкой приживалки!

И, далее уже без остановки,

Они, цинично попирая труд,
К заморским дядям тащат и везут
Леса и недра наши по дешевке!

Да, Русь всегда доверчива. Все так.
Но сколько раз в истории случалось,
Как ни ломал, как ни тиранил враг,
Она всегда, рассеивая мрак,
Как птица Феникс, снова возрождалась!

А если так, то, значит, и теперь
Все непременно доброе случится,
И от обид, от горя и потерь
Россия на куски не разлетится!

И грянет час, хоть скорый, хоть не скорый,
Когда Россия встанет во весь рост.
Могучая, от недр до самых звезд,
И сбросит с плеч деляческие своры!

Подымет к солнцу благодарный взор,
Сквозь искры слез, взволнованный и чистый,
И вновь обнимет любящих сестер,

Всех, с кем с недавних и недобрых пор
Так злобно разлучили шовинисты!

Не знаю, доживем мы или нет
До этих дней, мои родные люди,
Но твердо верю: загорится свет,
Но точно знаю: возрожденье будет!

Когда наступят эти времена?
Судить не мне. Но разлетятся тучи!
И знаю твердо: правдой зажжена,
Еще предстанет всем моя страна
И гордой, и великой, и могучей!

1993

Спор о женских сердцах

Приятель мой, сурово сдвинув бровь
И осушив цимлянского бокал,
Когда заговорили про любовь,
С усмешкой назидательно сказал:

«Я мало чту романтиков. Прости!
А женская любовь – сплошной обман.
Я много женщин повстречал в пути
И на сто лет, как говорится, пьян!

Не веришь? Усмехаешься? Ну что ж!
Давай рассудим прямо, хоть сейчас:
Где тут сокрыта истина, где – ложь
И в чем надежность милых этих глаз?!

Вот ты все веришь в чистую любовь.
Что будто в ней – вся истина и свет.
А я сказал и повторяю вновь:
Что бескорыстных чувств на свете нет!

Представь: что ты вдруг разорился

в мире!

Теперь скажи: чтоб жизнь начать с нуля,

Кому ты будешь нужен без квартиры,

Или без дачи, или без рубля?!

Жизнь всюду даже очень непростая.

И дамам нужно все без лишних слов!

И вот ответь: ну где она, «святая»,

«Большая и красивая любовь?!!»

Вот встреться ты, чтоб идеалам следовать,

Хоть с молодою, хоть не с молодой,

Но каждая начнет тотчас выведывать:

Что у тебя, голубчик, за душой?

Прости меня, быть может, за банальность,

Но в этой самой жизненной борьбе

Им главное – твоя материальность,

А душу можешь оставлять себе!

И при любом житейском повороте

У женщины – один любимый свет:

Любовь – лишь позолота на расчете,
А деньги – цель, и в этом весь секрет!»

Приятель мой сурово рассмеялся
И вновь налил игристого бокал.
А я все думал, думал и молчал,
Но как-то всей душой сопротивлялся…

Не спорю: так действительно бывает,
И все-таки: ну как же, как же так?!
Неужто всюду чувства примеряют,
Как в магазине кофту иль пиджак?!

И вспомнились военные года:
Вот я лежу на койке госпитальной…
Чем обладал я, господи, тогда?
Бинты, да раны, да удел печальный…

Что впереди? Да в общем ничего…
Мне – двадцать… Ни профессии, ни денег…
Все – дымный мрак… Жизнь –
как железный веник
Все вымела из завтра моего…

И вот, как будто в радужном огне,

Сквозь дым тревог, тампонов и уколов
Являться стали в госпиталь ко мне
Шесть девушек и строгих, и веселых…

И вот в теченьи года день за днем,
Успев ко мне, как видно, приглядеться,
Все шесть, сияя искренним огнем,
Мне предложили и себя, и сердце!..

А у меня, я повторяю вновь,
Ни денег, ни квартиры, ни работы…
А впереди – суровые заботы
И все богатства – мысли да любовь!

Да, каждая без колебаний шла
На все невзгоды, беды и лишенья
И, принимая твердое решенье,
Ни дач, ни денег вовсе не ждала!

Приятель мой задумчиво вздохнул:
«Допустим… Что ж… бывают исключенья.
К тому ж там – лет военных озаренье.
Нет, ты б в другие годы заглянул!»

«Да что мне годы! Разные, любые!

Неужто жил я где-то на Луне?!
Ведь сколько и потом встречались мне
Сердца почти такие ж золотые!

Вот именно: и души, и глаза
Чистейшие! Ни больше и ни меньше!
Скажи-ка им про деньги или вещи –
Ого, какая б грянула гроза!!!

Не спорь: я превосходно понимаю,
Что все хотят жить лучше и светлей.
Но жить во имя денег и вещей –
Такую жизнь с презреньем отрицаю!

Конечно, есть корыстные сердца,
Которых в мире, может быть, немало,
Но как-то жизнь меня оберегала
От хищниц и с венцом, и без венца!

И все же, должен вымолвить заране,
Что исключенье было, что скрывать!
Однако же о той фальшивой дряни
Я не хотел бы даже вспоминать!

Вот ты сказал, что женщины корыстны.

Не все, не все, сто тысяч раз не все!
А только те, ты понимаешь, те,
Чьи мысли – словно кактусы, безлистны.

Есть правило, идущее от века,
И ты запомни, право же, его:
Чем ниже интеллект у человека,
И чем бедней культура человека,
Тем меркантильней помыслы его!»

Приятель грустно молвил: «Как назло
Пойди пойми: где хорошо, где скверно?
Быть может, нам по-разному везло,
Но каждый прав по-своему, наверно!»

Он вновь налил фужеры на двоих.
«Давай – за женщин! Как, не возражаешь?!»
«Согласен!» – я сказал. «Но за каких?» –
«Ты это сам прекрасно понимаешь!»

Они живут, даря нам светлый пыл,
С красивой, бескорыстною душою.
Так выпьем же за тех, кто заслужил,

Чтобы за них мужчины пили стоя!

7 января 2000 года.
Красновидово.
Сегодня Иисусу Христу было бы две тысячи лет, а моей маме – девяносто восемь.
Великое Рождество

Чудачка

Одни называют ее «чудачкой»
И пальцем на лоб – за спиной, тайком.
Другие – «принцессою» и «гордячкой».
А третьи просто – «синим чулком».

Птицы и те попарно летают,
Душа стремится к душе живой.
Ребята подруг из кино провожают,
А эта одна убегает домой.

Зимы и весны цепочкой пестрой
Мчатся, бегут за звеном звено…
Подруги, порой невзрачные просто,
Смотришь, замуж вышли давно.

Вокруг твердят ей: – Пора решаться,
Мужчины не будут ведь ждать, учти!
Недолго и в девах вот так остаться!
Дело-то катится к тридцати…

Неужто не нравился даже никто? –
Посмотрит мечтательными глазами:

– Нравиться – нравились. Ну и что? –
И удивленно пожмет плечами.

Какой же любви она ждет, какой?
Ей хочется крикнуть: «Любви-звездопада!
Красивой-красивой! Большой-большой!
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!»

1964

«Сатана»

Ей было двенадцать, тринадцать – ему,
Им бы дружить всегда.
Но люди понять не могли, почему
Такая у них вражда?!

Он звал ее «бомбою» и весной
Обстреливал снегом талым.
Она в ответ его «сатаной»,
«Скелетом» и «зубоскалом».

Когда он стекло мячом разбивал,
Она его уличала.
А он ей на косы жуков сажал,
Совал ей лягушек и хохотал,
Когда она верещала.

Ей было пятнадцать, шестнадцать – ему,
Но он не менялся никак.
И все уже знали давно, почему

Он ей не сосед, а враг.

Он «бомбой» ее по-прежнему звал,
Вгонял насмешками в дрожь.
И только снегом уже не швырял
И диких не корчил рож.

Выйдет порой из подъезда она,
Привычно глянет на крышу,
Где свист, где турманов кружит волна,
И даже сморщится: – У, сатана!
Как я тебя ненавижу!

А если праздник приходит в дом,
Она нет-нет и шепнет за столом:
– Ах, как это славно, право, что он
К нам в гости не приглашен!

И мама, ставя на стол пироги,
Скажет дочке своей:
– Конечно! Ведь мы приглашаем друзей,
Зачем нам твои враги!

Ей – девятнадцать. Двадцать – ему.
Они студенты уже.

Но тот же холод на их этаже,
Недругам мир ни к чему.

Теперь он «бомбой» ее не звал,
Не корчил, как в детстве, рожи.
А «тетей Химией» величал
И «тетей Колбою» тоже.

Она же, гневом своим полна,
Привычкам не изменяла:
И так же сердилась: – У, сатана! –
И так же его презирала.

Был вечер, и пахло в садах весной.
Дрожала звезда, мигая…
Шел паренек с девчонкой одной,
Домой ее провожая.

Он не был с ней даже знаком почти,
Просто шумел карнавал,
Просто было им по пути,
Девчонка боялась домой идти,
И он ее провожал.

Потом, когда в полночь взошла луна,
Свистя, возвращался назад.

И вдруг возле дома: – Стой, сатана!
Стой, тебе говорят!

Все ясно, все ясно! Так вот ты какой?
Значит, встречаешься с ней?!
С какой-то фитюлькой, пустой, дрянной!
Не смей! Ты слышишь? Не смей!

Даже не спрашивай почему! –
Сердито шагнула ближе.
И вдруг, заплакав, прижалась к нему:
– Мой! Не отдам, не отдам никому!
Как я тебя ненавижу!

Ты даже не знаешь

Когда на лице твоем холод и скука,
Когда ты живешь в раздраженье и споре,
Ты даже не знаешь, какая ты мука,
И даже не знаешь, какое ты горе.

Когда ж ты добрее, чем синь в поднебесье,
А в сердце и свет, и любовь, и участье,
Ты даже не знаешь, какая ты песня,
И даже не знаешь, какое ты счастье!

1984

Главная сила

Те, кто любовь придумают порой –
Живут непрочно, словно на вокзале.
А мы любви совсем не выбирали,
Любовь сама нас выбрала с тобой.

И все же, если честно говорить,
То общих черт у нас не так и много.
Ведь все они, как говорят, от бога!
И ты попробуй их соединить!

Ну как тут склеишь: вспыльчивость и твердость?
Застенчивость – с уверенной душой?
Покорность чьим-то мнениям и гордость?
Любовь к вещам – со скромной простотой?

Чтобы с субботой слился понедельник,
А летний зной – с январским холодком,
Наверно, нужен сказочный волшебник
Иль птица с огнедышащим пером!

Но все твердят: «Волшебники на свете
Бывают только в сказках иногда.
Ну, а в реальной жизни – никогда!
Ведь мы давным-давно уже не дети!»

А мы с тобой об эти разговоры,
Ей-богу, даже и не спотыкаемся.
Мы слушаем и тихо улыбаемся,
И не вступаем ни в какие споры.

Что ж, мы и впрямь давно уже не дети,
У всех свои дела, и быт, и труд,
И все же есть волшебник на планете,
Он с нами рядом два тысячелетья.
Любовь! – Вот так волшебника зовут!

А если так, то чудо получается:
И там, где песней вспыхнула весна,
Все то, что было порознь, сочетается,
Различное – легко соединяется,
Несовместимость – попросту смешна!

Что нам с тобою разница в духовности
И споры: «Почему и для чего?»

Различия во вкусах или возрасте,

Все чепуха, и больше ничего!

Да, пусть любой маршрут предназначается,

И чувство в каждом разное кипит.

Но вот пришел волшебник, и сплавляются

Два сердца вдруг в единый монолит!

И пусть любые трудности встречаются

И бьют порой бураны вновь и вновь,

Буквально все проблемы разрешаются,

Когда в сердцах есть главное: ЛЮБОВЬ!

24 декабря 1999 г.
Москва

Цветочный роман

Как-то раз на веселом апрельском рассвете,
Пряча в сердце стесненье и светлый пыл,
Он принес ей подснежников нежный букетик
И за это признательность заслужил.

А потом под стозвонное птичье пенье,
Вскинув в мае, как стяг, голубой рассвет,
Он принес ей громадный букет сирени,
И она улыбнулась ему в ответ.

А в июне, сквозь грохот веселых гроз,
То смущенно, то радостно-окрыленно
Он вручил ей букет из пунцовых роз,
И она улыбнулась почти влюбленно.

А в июльскую пору цветов и злаков,
Когда душу пьянил соловьиный бред,
Он принес ей букет из гвоздик и маков,

И она покраснела как маков цвет…

Август – жатва эмоций для всех влюбленных,
Все, что есть – получай! Не робей, не жди!
И, увидев горячий костер пионов,
Она, всхлипнув, прижала букет к груди!

В сентябре уже сыплются листья с кленов,
Только
чувства все радостней, как на грех!
И, под праздник симфонии астр влюбленных,
Она тихо сказала: «Ты лучше всех!»

Вот и осень. И негде уже согреться…
Голый сад отвечает холодным эхом…
И тогда он вручил ей навеки сердце!
И она засмеялась счастливым смехом…

И сказала взволнованно и сердечно:
«Знай, я буду тебя до конца любить!
И у нас будет счастье с тобою вечно!

Но цветы все равно продолжай дарить...»

6 декабря 1999 г.
Москва

Девушка и лесовик
(Сказка-шутка)

На старой осине в глуши лесной
Жил леший, глазастый и волосатый.
Для лешего был он еще молодой –

Лет триста, не больше. Совсем незлой,
Задумчивый, тихий и неженатый.

Однажды у Черных болот, в лощине,
Увидел он девушку над ручьем –
Красивую, с полной грибной корзиной
И в ярком платьице городском.

Видать, заблудилась. Стоит и плачет.
И леший вдруг словно затосковал…
Ну как ее выручить? Вот задача!
Он спрыгнул с сучка и, уже не прячась,
Склонился пред девушкой и сказал:

– Не плачь! Ты меня красотой смутила.
Ты – радость! И я тебе помогу! –

Девушка вздрогнула, отскочила,
Но вслушалась в речи и вдруг решила:
«Ладно. Успею еще! Убегу!»

А тот протянул ей в косматых лапах
Букет из фиалок и хризантем.
И так был прекрасен их свежий запах,
Что страх у девчонки пропал совсем…

Свиданья у девушки в жизни были.
Но если по-честному говорить,
То, в общем, ей редко цветы дарили
И радостей мало преподносили,
Больше надеялись получить.

А леший промолвил: – Таких обаятельных
Глаз я нигде еще не встречал! –
И дальше, смутив уже окончательно,
Тихо ей руку поцеловал.

Из мха и соломки он сплел ей шляпу.
Был ласков, приветливо улыбался.
И хоть и не руки имел, а лапы,
Но даже «облапить» и не пытался.

Донес ей грибы, через лес провожая,
В трудных местах впереди идя,
Каждую веточку отгибая,
Каждую ямочку обходя.

Прощаясь у вырубки обгоревшей,
Он грустно потупился, пряча вздох.
А та вдруг подумала: «Леший, леший,
А вроде, пожалуй, не так и плох!»

И, пряча смущенье в букет, красавица
Вдруг тихо промолвила на ходу:
– Мне лес этот, знаете, очень нравится,
Наверно, я завтра опять приду!

Мужчины, встревожьтесь! Ну кто ж не знает,
Что женщина, с нежной своей душой,
Сто тысяч грехов нам простит порой,
Простит, может, даже ночной разбой!
Но вот невнимания не прощает…

Вернемся же к рыцарству в добрый час
И к ласке, которую мы забыли,

Чтоб милые наши порой от нас
Не начали бегать к нечистой силе!

1973

Трусиха

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.
Шли, смеясь, по набережной хмурой
Парень со спортивною фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

Видно, распалясь от разговора,
Парень между прочим рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал.

Как боролся с дьявольским теченьем,
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищеньем
В смелые горячие глаза…

А потом, вздохнув, сказала тихо:
– Я бы там от страха умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,

Притянул девчонку не спеша
И сказал: – Ты просто восхитительна,
Ах ты, воробьиная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел… И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звезд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивною фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полоску света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул: – Стоп, цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки –
Все, что есть, на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,

Наблюдал, как, от волненья бурый,
Парень со спортивною фигурой
Стал, спеша, отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул: – Эй, коза!
Что надулась?! – и берет со смехом
Натянул девчонке на глаза.

Дальше было все, как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами: – Мразь! Фашист проклятый! –
Как огнем, детину обожгла.

– Наглостью пугаешь? Врешь, подонок!
Ты же враг! Ты жизнь людскую пьешь! –
Голос рвется, яростен и звонок:
– Нож в кармане? Мне плевать на нож!

За убийство «стенка» ожидает.
Ну а коль от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был – все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.

Тот смешался: – Ладно... Тише, гром... –
А второй промямлил: – Ну их к черту! –
И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок.

Где без слов по набережной хмурой
Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивною фигурой
И девчонка – «слабая натура»,
«Трус» и «воробьиная душа».

1963

«Кто знает: где концы и где начала?..»

Кто знает: где концы и где начала?
И по каким путям еще пройду?
Вот пожил в мире, кажется, немало,
Но до сих пор еще чего-то жду...

8 января 2000 года
Красновидово

Родине
(Лирический монолог)

Как жаль мне, что гордые наши слова
«Держава», «Родина» и «Отчизна»
Порою затерты, звенят едва
В простом словаре повседневной жизни.

Я этой болтливостью не грешил.
Шагая по жизни путем солдата,
Я просто с рожденья тебя любил
Застенчиво, тихо и очень свято.

Какой ты была для меня всегда?
Наверное, в разное время разной.
Да, именно разною, как когда,
Но вечно моей и всегда прекрасной!

В каких-нибудь пять босоногих лет
Мир – это улочка, мяч футбольный,
Сабля, да синий змей треугольный,
Да голубь, вспарывающий рассвет.

И если б тогда у меня примерно
Спросили: какой представляю я
Родину? Я бы сказал, наверно:
– Она такая, как мама моя!

А после я видел тебя иною,
В свисте метельных уральских дней,
Тоненькой, строгой, с большой косою –
Первой учительницей моей.

Жизнь открывалась почти как в сказке,
Где с каждой минутой иная ширь,
Когда я шел за твоей указкой
Все выше и дальше в громадный мир!

Случись, рассержу я тебя порою –
Ты, пожурив, улыбнешься вдруг
И скажешь, мой чуб потрепав рукою:
– Ну ладно. Давай выправляйся, друг!

А помнишь встречу в краю таежном,
Когда, заблудившись, почти без сил,
Я сел на старый сухой валежник
И обреченно глаза прикрыл?

Сочувственно кедры вокруг шумели,
Стрекозы судачили с мошкарой:
– Отстал от ребячьей грибной артели…
Жалко… Совсем еще молодой!

И тут, будто с суриковской картины,
Светясь от собственной красоты,
Шагнула ты, чуть отведя кусты,
С корзинкою, алою от малины.

Взглянула и все уже поняла:
– Ты городской?.. Ну дак что ж, бывает…
У нас и свои-то, глядишь, плутают.
Пойдем-ка! – и руку мне подала.

И, сев на разъезде в гремящий поезд,
Хмельной от хлеба и молока,
Я долго видел издалека
Тебя, стоящей в заре по пояс…

Кто ты, пришедшая мне помочь?
Мне и теперь разобраться сложно:
Была ты и впрямь лесникова дочь

Или «хозяйка» лесов таежных?

А впрочем, в каком бы я ни был краю
И как бы ни жил и сейчас, и прежде,
Я всюду, я сразу тебя узнаю –
Голос твой, руки, улыбку твою,
В какой ни явилась бы ты одежде!

Помню тебя и совсем иной.
В дымное время, в лихие грозы,
Когда завыли над головой
Чужие черные бомбовозы!

О, как же был горестен и суров
Твой образ, высоким гневом объятый,
Когда ты смотрела на нас с плакатов
С винтовкой и флагом в дыму боев!

И, встав против самого злого зла,
Я шел, ощущая двойную силу:
Отвагу, которую ты дала,
И веру, которую ты вселила.

А помнишь, как встретились мы с тобой,
Солдатской матерью, чуть усталой,

Холодным вечером подо Мгой,
Где в поле солому ты скирдовала.

Смуглая, в желтой сухой пыли,
Ты, распрямившись, на миг застыла,
Затем поклонилась до самой земли
И тихо наш поезд перекрестила...

О, сколько же, сколько ты мне потом
Встречалась в селах и городищах –
Вдовой, угощавшей ржаным ломтем,
Крестьянкой, застывшей над пепелищем...

Я голос твой слышал средь всех тревог,
В затишье и в самом разгаре боя.
И что бы я вынес? И что бы смог?
Когда бы не ты за моей спиною!

А в час, когда, вскинут столбом огня,
Упал я на грани весны и лета,
Ты сразу пришла. Ты нашла меня.
Даже в бреду я почуял это...

И тут, у гибели на краю,
Ты тихо шинелью меня укрыла

И на колени к себе положила
Голову раненую мою.

Давно это было или вчера?
Как звали тебя: Антонида? Алла?
Имени нету. Оно пропало.
Помню лишь – плакала медсестра.
Сидела, плакала и бинтовала…

Но слезы не слабость. Когда гроза
Летит над землей в орудийном гуле.
Отчизна, любая твоя слеза
Врагу отольется штыком и пулей!

Но вот свершилось! Пропели горны!
И вновь сверкнула голубизна,
И улыбнулась ты в мир просторный,
А возле ног твоих птицей черной
Лежала замершая война!

Так и стояла ты: в гуле маршей,
В цветах после бед и дорог крутых,
Под взглядом всех наций рукоплескавших –
Мать двадцати миллионов павших

В объятьях двухсот миллионов живых!

Мчатся года, как стремнина быстрая...
Родина! Трепетный гром соловья!
Росистая, солнечная, смолистая,
От вьюг и берез белоснежно чистая,
Счастье мое и любовь моя!

Ступив мальчуганом на твой порог,
Я верил, искал, наступал, сражался.
Прости, если сделал не все, что мог,
Прости, если в чем-нибудь ошибался!

Возможно, что, вечно душой горя
И никогда не живя бесстрастно,
Кого-то когда-то обидел зря, –
А где-то кого-то простил напрасно.

Но пред тобой никогда, нигде, –
И это, поверь, не пустая фраза! –
Ни в споре, ни в радости, ни в беде
Не погрешил, не схитрил ни разу!

Пусть редко стихи о тебе пишу
И не трублю о тебе в газете –

Я каждым дыханьем тебе служу
И каждой строкою тебе служу,
Иначе зачем бы и жил на свете!

И если ты спросишь меня сердечно,
Взглянув на прожитые года:
– Был ты несчастлив? – отвечу: – Да!
– Знал ли ты счастье? – скажу: – Конечно!

А коли спросишь меня сурово:
– Ответь мне: а беды, что ты сносил,
Ради меня пережил бы снова?
– Да! – я скажу тебе. – Пережил!

– Да! – я отвечу. – Ведь если взять
Ради тебя даже злей напасти,
Без тени рисовки могу сказать:
Это одно уже будет счастьем!

Когда же ты скажешь мне в третий раз:
– Ответь без всякого колебанья:
Какую просьбу или желанье
Хотел бы ты высказать в смертный

час?

И я отвечу: – В грядущей мгле
Скажи поколеньям иного века:
Пусть никогда человек в человека
Ни разу не выстрелит на земле!

Прошу: словно в пору мальчишьих лет,
Коснись меня доброй своей рукою.
Нет, нет, я не плачу… Ну что ты, нет…
Просто я счастлив, что я с тобою…

Еще передай, разговор итожа,
Тем, кто потом в эту жизнь придут,

Пусть так они тебя берегут,
Как я. Даже лучше, чем я, быть может.

Пускай, по-своему жизнь кроя,
Верят тебе они непреложно.
И вот последняя просьба моя:
Пускай они любят тебя, как я,
А больше любить уже невозможно!

Если любовь уходит!

Если любовь уходит, какое найти решенье?

Можно прибегнуть к доводам, спорить и убеждать,

Можно пойти на просьбы и даже на унженья,

Можно грозить расплатой, пробуя запугать.

Можно вспомнить былое, каждую светлую

малость,

И, с дрожью твердя, как горько в разлуке

пройдут года,

Поколебать на время, может быть, вызвать жалость

И удержать на время. На время – не навсегда.

А можно, страха и боли даже не выдав взглядом,

Сказать: – Я люблю. Подумай. Радости

не ломай. –

И если ответит отказом, не дрогнув, принять

как надо,

Окна и двери – настежь: – Я не держу. Прощай!

Конечно, ужасно трудно, мучась, держаться

твердо.

И все-таки, чтобы себя же не презирать потом,

Если любовь уходит – хоть вой, но останься

гордым.

Живи и будь человеком, а не ползи ужом!

«Свободная любовь»

Слова и улыбки ее, как птицы,
Привыкли, чирикая беззаботно,
При встречах кокетничать и кружиться,
Незримо на плечи парней садиться
И сколько, и где, и когда угодно!

Нарядно, но с вызовом разодета.
А ласки раздаривать не считая
Ей проще, чем, скажем, сложить газету,
Вынуть из сумочки сигарету
Иль хлопнуть коктейль коньяка с токаем.

Мораль только злит ее: – Души куцые!
Пещерные люди! Сказать смешно.
Даешь сексуальную революцию,
А ханжество – к дьяволу за окно!

Ох, диво вы дивное, чудо вы чудное!
Ужель вам и впрямь не понять вовек,

Что «секс-революция» ваша шумная
Как раз ведь и есть тот «пещерный век».

Когда, ни души, ни ума не трогая,
В подкорке и импульсах тех людей
Царила одна только зоология
На уровне кошек или моржей.

Но человечество вырастало,
Ведь те, кто мечтают, всегда правы.
И вот большинству уже стало мало
Того, что довольно таким, как вы.

И люди узнали, согреты новью,
Какой бы инстинкт ни взыграл в крови,
О том, что один поцелуй с любовью
Дороже, чем тысяча без любви!

И вы поспешили-то, в общем, зря
Шуметь про «сверхновые отношения».
Всегда на земле при всех поколениях
Были и лужицы и моря.

Были везде и когда угодно
И глупые куры и соловьи.

Кошачья вон страсть и теперь «свободна»,
Но есть в ней хоть что-нибудь от любви?!

Кто вас оциничивал – я не знаю.
И все же я трону одну струну:
Неужто вам нравится, дорогая,
Вот так, по-копеечному порхая,
Быть вроде закуски порой к вину?

С чего вы так – с глупости или холода?
На вечер игрушка, живой «сюрприз»,
Ведь спрос на вас, только пока вы молоды,
А дальше, поверьте, как с горки вниз!

Конечно, смешно только вас винить.
Но кто и на что вас принудить может?
Ведь в том, что позволить иль запретить,
Последнее слово за вами все же.

Любовь не минутный хмельной угар.
Эх, если бы вам да всерьез влюбиться!

Ведь это такой высочайший дар,
Такой красоты и огней пожар,
Какой пошляку и во сне не снится.

Рванитесь же с гневом от всякой мрази,
Твердя себе с верою вновь и вновь,
Что только одна, но зато любовь
Дороже, чем тысяча жалких связей!

1978

Жены фараонов
(Шутка)

История с печалью говорит
О том, как умирали фараоны,
Как вместе с ними в сумрак пирамид
Живыми замуровывались жены.

О, как жена, наверно, берегла
При жизни мужа от любой напасти!
Дарила бездну всякого тепла
И днем, и ночью окружала счастьем.

Не ела первой (муж пускай поест),
Весь век ему понравиться старалась,
Предупреждала всякий малый жест
И раз по двести за день улыбалась.

Бальзам втирала, чтобы не хворал,
Поддакивала, ласками дарила.
А чтоб затеять спор или скандал –
Ей даже и на ум не приходило!

А хворь случись – любых врачей добу-

дет,
Любой настой. Костьми готова лечь.
Она ведь точно знала все, что будет,
Коль не сумеет мужа уберечь…

Да, были нравы – просто дрожь по коже.
Но как не улыбнуться по-мужски:
Пусть фараоны – варвары, а все же
Уж не такие были дураки!

Ведь если к нам вернуться бы могли
Каким-то чудом эти вот законы –
С какой тогда бы страстью берегли
И как бы нас любили наши жены!

Баллада о ненависти и любви

I

Метель ревет, как седой исполин,
Вторые сутки не утихая,
Ревет как пятьсот самолетных турбин,
И нет ей, проклятой, конца и края!

Пляшет огромным белым костром,
Глушит моторы и гасит фары.
В замяти снежной аэродром,
Служебные здания и ангары.

В прокуренной комнате тусклый свет,
Вторые сутки не спит радист,
Он ловит, он слушает треск и свист,
Все ждут напряженно: жив или нет?

Радист кивает: – Пока еще да,
Но боль ему не дает распрямиться.
А он еще шутит: мол, вот беда –
Левая плоскость моя никуда!

Скорее всего, перелом ключицы…

Где-то буран, ни огня, ни звезды
Над местом аварии самолета.
Лишь снег заметает обломков следы
Да замерзающего пилота.

Ищут тракторы день и ночь,
Да только впустую. До слез обидно.
Разве найти тут, разве помочь –
Руки в полуметре от фар не видно?

А он понимает, а он и не ждет,
Лежа в ложбинке, что станет гробом.
Трактор, если даже придет,
То все равно в двух шагах пройдет
И не заметит его под сугробом.

Сейчас любая зазря операция.
И все-таки жизнь покуда слышна.
Слышна, ведь его портативная рация
Чудом каким-то, но спасена.

Встать бы, но боль обжигает бок,
Теплой крови полон сапог,
Она, остывая, смерзается в лед.

Снег набивается в нос и рот.

Что перебито? Понять нельзя,
Но только не двинуться, не шагнуть!
Вот и окончен, видать, твой путь!
А где-то сынишка, жена, друзья…

Где-то комната, свет, тепло…
Не надо об этом! В глазах темнеет…
Снегом, наверно, на метр замело,
Тело сонливо деревенеет…

А в шлемофоне звучат слова:
– Алло! Ты слышишь? Держись, дружище!
Тупо кружится голова…
– Алло! Мужайся! Тебя разыщут!..

Мужайся? Да что он, пацан или трус?!
В каких ведь бывал переделках грозных.
– Спасибо… Вас понял… Пока держусь!
А про себя добавляет: «Боюсь,
Что будет все, кажется, слишком поздно…»

Совсем чугунная голова.

Кончаются в рации батареи.
Их хватит еще на час или два.
Как бревна руки… спина немеет…

– Алло! – это, кажется, генерал.
– Держитесь, родной, вас найдут, откопают.
Странно: слова звенят, как кристалл,
Бьются, стучат, как в броню металл,
А в мозг остывший почти не влетают…

Чтоб стать вдруг счастливейшим на земле,
Как мало, наверное, необходимо:
Замерзнув вконец, оказаться в тепле,
Где доброе слово да чай на столе,
Спирта глоток да затяжка дыма…

Опять в шлемофоне шуршит тишина.
Потом сквозь метельное завыванье:
– Алло! Здесь в рубке твоя жена!
Сейчас ты услышишь ее. Вниманье!

С минуту гуденье тугой волны,

Какие-то шорохи, трески, писки,
И вдруг далекий голос жены,
До боли знакомый, до жути близкий!

– Не знаю, что делать и что сказать.
Милый, ты сам ведь отлично знаешь,
Что, если даже совсем замерзаешь,
Надо выдержать, устоять!

Хорошая, светлая, дорогая!
Ну как объяснить ей в конце концов,
Что он не нарочно же здесь погибает,
Что боль даже слабо вздохнуть мешает
И правде надо смотреть в лицо.

– Послушай! Синоптики дали ответ:
Буран окончится через сутки.
Продержишься? Да?
– К сожаленью, нет…
– Как нет? Да ты не в своем рассудке!

Увы, все глуше звучат слова.
Развязка, вот она, – как ни тяжко,
Живет еще только одна голова,

А тело – остывшая деревяшка.

А голос кричит: – Ты слышишь, ты слышишь?!

Держись! Часов через пять рассвет.

Ведь ты же живешь еще! Ты же дышишь?!

Ну есть ли хоть шанс?

– К сожалению, нет…

Ни звука. Молчанье. Наверно, плачет.

Как трудно последний привет послать!

И вдруг: – Раз так, я должна сказать!

Голос резкий, нельзя узнать.

Странно. Что это может значить?

– Поверь, мне горько тебе говорить.

Еще вчера я б от страха скрыла.

Но раз ты сказал, что тебе не дожить,

То лучше, чтоб после себя не корить,

Сказать тебе коротко все, что было.

Знай же, что я дрянная жена

И стою любого худого слова.

Я вот уже год, как тебе неверна,

И вот уже год, как люблю другого!

О, как я страдала, встречая пламя
Твоих горячих восточных глаз. –
Он молча слушал ее рассказ.

Слушал, может, в последний раз,
Сухую былинку зажав зубами.

– Вот так целый год я лгала, скрывала,
Но это от страха, а не со зла.
– Скажи мне имя!..
Она помолчала,
Потом, как ударив, имя сказала,
Лучшего друга его назвала!

Затем добавила торопливо:
– Мы улетаем на днях на юг.
Здесь трудно нам было бы жить счастливо.
Быть может, все это не так красиво,
Но он не совсем уж бесчестный друг.

Он просто не смел бы, не мог, как и я,
Выдержать, встретясь с твоими глазами.

За сына не бойся. Он едет с нами.
Теперь все заново: жизнь и семья.

Прости, не ко времени эти слова.
Но больше не будет иного времени. –
Он слушает молча. Горит голова…
И словно бы молот стучит по темени…

– Как жаль, что тебе ничем не поможешь!
Судьба перепутала все пути.
Прощай! Не сердись и прости, если можешь!
За подлость и радость мою прости!

Полгода прошло или полчаса?
Наверно, кончились батареи.
Все дальше, все тише шумы… голоса…
Лишь сердце стучит все сильней и сильнее!

Оно грохочет и бьет в виски!
Оно полыхает огнем и ядом.
Оно разрывается на куски!
Что больше в нем: ярости или тоски?

Взвешивать поздно, да и не надо!

Обида волной заливает кровь.
Перед глазами сплошной туман.
Где дружба на свете и где любовь?
Их нету! И ветер, как эхо, вновь:
Их нету! Все подлость и все обман!

Ему в снегу суждено подыхать,
Как псу, коченея под стоны вьюги,
Чтоб два предателя там, на юге,
Со смехом бутылку открыв на досуге,
Могли поминки по нем справлять?!

Они совсем затиранят мальца
И будут усердствовать до конца,
Чтоб вбить ему в голову имя другого
И вырвать из памяти имя отца!

И все-таки светлая вера дана
Душонке трехлетнего пацана.
Сын слушает гул самолетов и ждет.
А он замерзает, а он не придет!

Сердце грохочет, стучит в виски,
Взведенное, словно курок нагана.

От нежности, ярости и тоски
Оно разрывается на куски.
А все-таки рано сдаваться, рано!

Эх, силы! Откуда вас взять, откуда?
Но тут ведь на карту не жизнь, а честь!
Чудо? Вы скажете, нужно чудо?
Так пусть же! Считайте, что чудо есть!

Надо любою ценою подняться
И, всем существом устремясь вперед,
Грудью от мерзлой земли оторваться,
Как самолет, что не хочет сдаваться,
А, сбитый, снова идет на взлет!

Боль подступает такая, что кажется,
Замертво рухнешь в сугроб ничком!
И все-таки он, хрипя, поднимается.
Чудо, как видите, совершается!
Впрочем, о чуде потом, потом...

Швыряет буран ледяную соль,
Но тело горит, будто жарким летом,

Сердце колотится в горле где-то,
Багровая ярость да черная боль!

Вдали сквозь дикую карусель
Глаза мальчишки, что верно ждут,
Они большие, во всю метель,
Они, как компас, его ведут!

– Не выйдет! Неправда, не пропаду!
Он жив. Он двигается, ползет!
Встает, качается на ходу,
Падает снова и вновь встает…

II

К полудню буран захирел и сдал.
Упал и рассыпался вдруг на части.
Упал, будто срезанный наповал,
Выпустив солнце из белой пасти.

Он сдал в предчувствии скорой весны,
Оставив после ночной операции
На чахлых кустах клочки седины,
Как белые флаги капитуляции.

Идет на бреющем вертолет,

Ломая безмолвие тишины.
Шестой разворот, седьмой разворот,
Он ищет… ищет… и вот, и вот –
Темная точка средь белизны!

Скорее! От рева земля тряслась.
Скорее! Ну что там: зверь? человек?
Точка качнулась, приподнялась
И рухнула снова в глубокий снег…

Все ближе, все ниже… Довольно! Стоп!
Ровно и плавно гудят машины.
И первой без лесенки прямо в сугроб
Метнулась женщина из кабины!

Припала к мужу: – Ты жив, ты жив!
Я знала… Все будет так, не иначе!.. –
И, шею бережно обхватив,
Что-то шептала, смеясь и плача.

Дрожа, целовала, как в полусне,
Замерзшие руки, лицо и губы.
А он еле слышно, с трудом, сквозь зубы:
– Не смей… Ты сама же сказала мне…

– Молчи! Не надо! Все бред, все бред!

Какой же меркой меня ты мерил?
Как мог ты верить?! А впрочем, нет,
Какое счастье, что ты поверил!

Я знала, я знала характер твой!
Все рушилось, гибло… хоть вой, хоть реви!

И нужен был шанс, последний, любой!
А ненависть может гореть порой
Даже сильней любви!

И вот говорю, а сама трясусь,
Играю какого-то подлеца.
И все боюсь, что сейчас сорвусь,
Что-нибудь выкрикну, разревусь,
Не выдержав до конца!

Прости же за горечь, любимый мой!
Всю жизнь за один, за один твой взгляд,
Да я, как дура, пойду за тобой
Хоть к черту! Хоть в пекло! Хоть в самый ад!

И были такими глаза ее,
Глаза, что любили и тосковали,

Таким они светом сейчас сияли,
Что он посмотрел в них и понял все!

И, полузамерзший, полуживой,
Он стал вдруг счастливейшим на планете.
Ненависть, как ни сильна порой,
Не самая сильная вещь на свете!

1966

Гостья

Проект был сложным. Он не удавался.
И архитектор, с напряженным лбом,
Считал, курил, вздыхал и чертыхался,
Склонясь над непокорным чертежом.

Но в дверь вдруг постучали. И соседка,
Студентка, что за стенкою жила,
Алея ярче, чем ее жакетка,
Сказала быстро: – «Здрасьте!» – и вошла.

Вздохнула, села в кресло, помолчала,
Потом сказала, щурясь от огня:
– Вы старше, вы поопытней меня…
Я за советом… Я к вам прямо с бала…

У нас был вечер песни и весны,
И два студента в этой пестрой вьюге,
Не ведая, конечно, друг о друге,
Сказали мне о том, что влюблены.

Но для чужой души рентгена нет,

Я очень вашим мненьем дорожу.
Кому мне верить? Дайте мне совет.
Сейчас я вам о каждом расскажу.

Но, видно, он не принял разговора:
Отбросил циркуль, опрокинул тушь
И, глянув ей в наивные озера,
Сказал сердито: – Ерунда и чушь!

Мы не на рынке и не в магазине!
Совет вам нужен? Вот вам мой совет:
Обоим завтра отвечайте «нет»,
Затем что нет здесь чувства и в помине!

А вот когда полюбите всерьез,
Поймете сами, если час пробьет,
Душа ответит на любой вопрос,
И он все сам заметит и поймет!

Окончив речь уверенно и веско,
Он был немало удивлен, когда
Она, вскочив, вдруг выпалила резко:
– Все сам заметит? Чушь и ерунда!

Слегка оторопев от этих слов,

Он повернулся было для отпора,
Но встретил не наивные озера,
А пару злых, отточенных клинков.

– «Он сам поймет»? Вы так сейчас сказали?
А если у него судачья кровь?
А если там, где у других любовь,
Здесь лишь проекты, балки и детали?

Он все поймет? А если он плевал,
Что в чьем-то сердце то огонь, то дрожь?
А если он не человек – чертеж?!
Сухой пунктир! Бездушный интеграл?!

На миг он замер, к полу пригвожден,
Затем, потупясь, вспыхнул почему-то.
Она же, всхлипнув, повернулась круто
И, хлопнув дверью, выбежала вон.

Весенний ветер в форточку ворвался,
Гудел, кружил, бумагами шуршал…
А у стола «бездушный интеграл»,
Закрыв глаза, счастливо улыбался.

Под дождем

Солнце и гром отчаянный!
Ливень творит такое,
Что, того и гляди, нечаянно
Всю улицу напрочь смоет!

Кто издали отгадает:
То ли идут машины,
То ли, фырча, ныряют
Сказочные дельфины?

В шуме воды под крыши
Спряталось все живое.
Лишь в скверике, где афиши,
Стоят неподвижно двое.

Сверху потоки льются,
Грозя затопить всю улицу.
А двое вовсю смеются
И, больше того, целуются!

Шофер придержал машину
И, сделав глаза большие,

Чуть приоткрыл кабину:
– Вы что, – говорит, – дурные?

Те, мокрые, но смешливые,
Только заулыбались:
– Нет, – говорят, – счастливые!
И снова поцеловались.

Все равно я приду

Если град зашумит с дождем,
Если грохнет шрапнелью гром,
Все равно я приду на свиданье,
Будь хоть сто непогод кругом!

Если зло затрещит мороз
И завоет метель, как пес,
Все равно я приду на свиданье,
Хоть меня застуди до слез!

Если станет сердиться мать
И отец не будет пускать,
Все равно я приду на свиданье,
Что бы ни было – можешь ждать!

Если сплетня хлестнет, ну что ж,
Не швырнет меня подлость в дрожь,
Все равно я приду на свиданье,
Не поверя в навет и ложь!

Если я попаду в беду,
Если буду почти в бреду,

Все равно я приду. Ты слышишь?
Добреду, доползу… дойду!

Ну, а если пропал мой след
И пришел без меня рассвет,
Я прошу: не сердись, не надо!
Знай, что просто меня уже нет…

Ах, как же мы славно на свете жили!

Ах, как же мы славно на свете жили!
До слез хохотали от чепухи,
Мечтали, читали взахлеб стихи,
А если проще сказать – любили!

Но не бывает на свете так,
Что жизнь всегда тебе улыбается,
Какой-нибудь штрих, ну совсем пустяк –
И радость словно бы уменьшается.

Ваш старенький, самый обычный дом
Казался мне мудрым, почти таинственным.
И как же хотел я быть в доме том
Единственным гостем, одним-единственным!

Но только я с жаром в ладони брал
Ласковость рук твоих невесомых,
Как в дом, будто дьявол их посылал,

С громом и шутками набегал
Добрый десяток твоих знакомых.

И я, у окошка куря весь вечер,
Должен был, собранный, как в бою,
Слушать развязные чьи-то речи
Иль видеть, как кто-то тебе на плечи
Кладет фамильярно ладонь свою.

Ах, как мне хотелось, наделав бед,
Хлопнуть по лапищам этим длинным!
Но ты говорила мне: – Будь объективным,
Ведь это ж приятель мой с детских лет!

В другую каверзную минуту
Ты улыбалась: – Угомонись!
Будь объективным и не сердись,
Это товарищ по институту!

Ты только не спорь, а люби и верь. –
И я не спорил и соглашался.
И до того уже «достарался»,
Что чуть ли не сам отпирал им дверь.

И так, может, длилось бы целый век,
Но сердце не вечно уму внимает,
И, если ты искренний человек,
Сердце все-таки побеждает.

И раз, дойдя уже до отчаянья,
Я дверь размашисто растворил
И вместе с бутылками всю компанию
С громом по лестнице проводил!

Прав или нет я – не мне судить.
Но в чувствах немыслимо быть пассивным.
Тут так получается: либо любить,
Либо быть объективным!

«Когда мне говорят о красоте…»

Когда мне говорят о красоте
Восторженно, а иногда влюбленно,
Я почему-то, слушая, невольно
Сейчас же вспоминаю о тебе.

Когда порой, мне имя называя,
О женственности чьей-то говорят,
Я снова почему-то вспоминаю
Твой мягкий жест, и голос твой, и взгляд,

Твои везде мне видятся черты,
Твои повсюду слышатся слова,
Где б ни был я – со мною только ты,
И, тем гордясь, ты чуточку права.

И все же, сердцем похвалы любя,
Старайся жить, заносчивой не став:
Ведь слыша где-то про сварливый нрав –
Я тоже вспоминаю про тебя…

Нежные слова

То ли мы сердцами остываем,
То ль забита прозой голова,
Только мы все реже вспоминаем
Светлые и нежные слова.

Словно в эру плазмы и нейтронов,
В гордый век космических высот
Нежные слова, как граммофоны,
Отжили и списаны в расход.

Только мы здесь, видимо, слукавили
Или что-то около того:
Вот слова же бранные оставили,
Сберегли ведь все до одного!

Впрочем, сколько человек ни бегает
Средь житейских бурь и суеты,
Только сердце все равно потребует
Рано или поздно красоты.

Не зазря ж оно ему дается!
Как ты ни толкай его во мглу,

А оно возьмет и повернется
Вновь, как компас, к ласке и теплу.

Говорят, любовь немногословна:
Пострадай, подумай, раскуси…
Это все, по-моему, условно,
Мы же люди, мы не караси!

И не очень это справедливо –
Верить в молчаливую любовь.
Разве молчуны всегда правдивы?
Лгут ведь часто и без лишних слов!

Чувства могут при словах отсутствовать.
Может быть и все наоборот.
Ну а если говорить и чувствовать?
Разве плохо говорить и чувствовать?
Разве сердце этого не ждет?

Что для нас лимон без аромата?
Витамин, не более того.
Что такое небо без заката?
Что без песен птица? Ничего!

Пусть слова сверкают золотинками,

И не год, не два, а целый век!
Человек не может жить инстинктами,
Человек – на то и человек!

И уж коль действительно хотите,
Чтоб звенела счастьем голова,
Ничего-то в сердце не таите,
Говорите, люди, говорите
Самые хорошие слова!

1970

Проверяйте любовь

С давних пор ради той, что дороже мира,
Ради взгляда, что в сердце зажег весну,
Шли мужчины на плаху и на войну,
На дуэли и рыцарские турниры.

И, с единственным именем на устах,
Став бесстрашно порой против тьмы и света,
Бились честно и яростно на мечах,
На дубинах, на шпагах и пистолетах.

И пускай те сражения устарели.
К черту кровь! Но, добро отделив от зла,
Скажем прямо: проверка любви на деле,
Как-никак, а у предков тогда была.

Поединок – не водочная гульба!
Из-за маленьких чувств рисковать не будешь.

Если женщину впрямь горячо не любишь –
Никогда не подставишь под пулю лба!

Не пора ли и нам, отрицая кровь
И отвергнув жестокость, умно и гибко,
Все же как-то всерьез проверять любовь,
Ибо слишком уж дороги тут ошибки.

Неужели же вправду, сказать смешно,
Могут сердце порой покорить заране
Чей-то редкий подарок, театр, кино
Или ужин, заказанный в ресторане?!

Пусть готовых рецептов на свете нет.
Ничего в торопливости не решайте.
Проверяйте любовь на тепло и свет,
На правдивость придирчиво проверяйте.

Проверяйте на смелость и доброту,
Проверяйте на время и расстоянья,
На любые житейские испытанья,
На сердечность, на верность и прямо-

ту.

Пусть не выдержат, может быть, крутизны

Легкомыслие, трусость и пустота.

Для любви испытания не страшны,

Как для золота серная кислота.

И плевать, если кто-то нахмурит бровь.

Ничего голословно не принимайте.

Ведь не зря же нам жизнь повторяет вновь:

«Проверяйте любовь, проверяйте любовь,

Непременно, товарищи, проверяйте!»

1971

«Я могу тебя очень ждать...»

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно.

Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!

Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!

Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,

Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.

Я могу для тебя отдать

Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.

Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

1968

Вечер в Ереване

Осенний вечер спит в листве платана,
Огни реклам мигают на бегу,
А я в концертном зале Еревана
В каком-то жарком, радостном тумане
Кидаю душу – за строкой строку.

И как же сердцу моему не биться,
Когда, вдохнув как бы ветра веков,
Я нынче здесь, в заоблачной столице
Армении – земли моих отцов.

А во втором ряду, я это знаю,
Сидит в своей красивой седине
Воспетая поэтом Шаганэ,
Та самая… реальная… живая…

И тут сегодня в зареве огней
Вдруг все смешалось: даты, дали, сроки…
И я решаюсь: я читаю строки,

О нем стихи читаю и о ней.

Я написал их двум красивым людям
За всплеск души, за песню, за порыв
И, ей сейчас все это посвятив,
Волнуюсь и не знаю, что и будет?!

В битком набитом зале тишина.
Лишь чуть звенит за окнами цикада.
И вот – обвал! Гудящая волна!
И вот огнем душа опалена,
И вот уж больше ничего не надо!

Да, всюду, всюду чтут учителей!
Но тут еще иные счет и мера.
И вот букет, размером с клумбу сквера,
Под шум и грохот я вручаю ей!

А ей, наверно, видится сейчас
Батумский берег, чаек трепетанье,
Знакомый профиль в предвечерний час
Синь моря с васильковой синью глаз,
Последнее далекое свиданье.

Вот он стоит, простой, русоволосый,

К тугому ветру обернув лицо.
И вдруг, на палец накрутивши косу,
Смеется: «Обручальное кольцо!»

Сказал: «Вернусь!» Но рощи облетели,
Грустил над морем черноокий взгляд.
Стихи, что красоту ее воспели,
К ней стаей птиц весною прилетели,
Но их хозяин не пришел назад.

Нет, тут не хворь и не души остуда.
И ничего бы он не позабыл!
Да вот ушел в такой предел, откуда
Еще никто назад не приходил…

Шумит в концертном зале Еревана
Прибой улыбок, возгласов и фраз.
И, может быть, из дальнего тумана
Он как живой ей видится сейчас…

Что каждый штрих ей говорит и значит?
Грохочет зал, в стекле дробится свет.
А женщина стоит и тихо плачет,
Прижав к лицу пылающий букет…

И в этот миг, как дорогому другу,
Не зная сам, впопад иль невпопад,
Я за него, за вечную разлуку
Его губами ей целую руку –
«За все, в чем был и не был виноват»...

Вечер в больнице

Лидии Ивановне Асадовой

Бесшумной черною птицей
Кружится ночь за окном.
Что же тебе не спится?
О чем ты молчишь? О чем?

Сонная тишь в палате,
В кране вода уснула.
Пестренький твой халатик
Дремлет на спинке стула.

Руки, такие знакомые,
Такие, что хоть кричи! –
Нынче, почти невесомые,
Гладят меня в ночи.

Касаюсь тебя, чуть дыша.
О господи, как похудела!
Уже не осталось тела,
Осталась одна душа.

А ты еще улыбаешься

И в страхе, чтоб я не грустил,
Меня же ободрить стараешься,
Шепчешь, что поправляешься
И чувствуешь массу сил.

А я-то ведь знаю, знаю,
Сколько тут ни хитри,
Что боль, эта гидра злая,
Грызет тебя изнутри.

Гоню твою боль, заклинаю
И каждый твой вздох ловлю.
Мама моя святая,
Прекрасная, золотая,
Я жутко тебя люблю!

Дай потеплей укрою
Крошечную мою,
Поглажу тебя, успокою
И песню тебе спою.

Вот так же, как чуть устало,
При южной огромной луне
В детстве моем, бывало,
Ты пела когда-то мне...

Пусть трижды болезнь упряма,
Мы выдержим этот бой.
Спи, моя добрая мама,
Я здесь, я всегда с тобой.

Как в мае все распускается
И зреет завязь в цветах,
Так жизнь твоя продолжается
В прекрасных твоих делах.

И будут смеяться дети,
И будет гореть звезда,
И будешь ты жить на свете
И радостно, и всегда!

1984

В звездный час

Как загадочные гномики,
Чуть пробил полночный час,
Сели сны на подоконники
Вдоль всей улицы у нас.

Сели чинно и торжественно,
Щуря мудрые зрачки,
И, раскланявшись, приветственно
Приподняли колпачки.

Попищали, как комарики, –
И конец. Пора за труд!
По волшебному фонарику
Из карманов достают.

Прямо в душу направляется
Луч, невидимый для глаз.
Сновиденье начинается,
То, какое назначается
Человеку в этот час.

У лучей оттенки разные:

Светлый, темный, золотой.
Сны веселые и страшные
Видят люди в час ночной.

Я не знаю, чьим велением
Луч мне светит в тишине,
Только в каждом сновидении
Ты являешься ко мне.

И, не споря, не преследуя,
Я смотрю в твой строгий взгляд,
Будто, сам того не ведая,
В чем-то вечно виноват.

Хоть вина моя, наверное,
Только в том, что все терплю,
Что тебя давно и верно я
До нелепого люблю!

Как легко ты можешь темное
Сделать ярким навсегда:
Снять лишь трубку телефонную
И сквозь даль и мглу бессонную
В первый раз мне крикнуть:
– Да!

В переулок звезды грохнутся
Звоном брызнувших монет.
Дрогнет сердце, полночь кончится,
В окна кинется рассвет.

Удирай же, сон загадочный,
В реку, в облако, в траву,
Ибо в мире самый радостный,
Самый песенный и сказочный –
Сон, пришедший наяву!

1964

Древнее свидание

В далекую эру родной земли,
Когда наши древние прародители
Ходили в нарядах пещерных жителей,
То дальше инстинктов они не шли.

А мир красотой полыхал такою,
Что было немыслимо совместить
Дикое варварство с красотою,
Кто-то должен был победить.

И вот, когда буйствовала весна
И в небо взвивалась заря крылатая,
К берегу тихо пришла она –
Статная, смуглая и косматая.

И так клокотала земля вокруг
В щебете, в радостной невесомости,
Что дева склонилась к воде и вдруг
Смутилась собственной обнаженности.

Шкуру медвежью с плеча сняла,

Кроила, мучилась, примеряла,
Тут припустила, там забрала,
Надела, взглянула и замерла:
Ну, словно бы сразу другою стала!

Волосы взбила густой волной,
На шею повесила, как игрушку,
Большую радужную ракушку
И чисто умылась в воде речной.

И тут, волосат и могуч, как лев,
Парень шагнул из глуши зеленой,
Увидел подругу и, онемев,
Даже зажмурился, потрясенный.

Она же, взглянув на него несмело,
Не рявкнула весело в тишине
И даже не треснула по спине,
А, нежно потупившись, покраснела…

Что-то неясное совершалось…
Он мозг неподатливый напрягал,
Затылок поскребывал и не знал,
Что это женственность зарождалась.

Но вот в ослепительном озаренье

Он быстро вскарабкался на курган,
Сорвал золотой, как рассвет, тюльпан
И положил на ее колени.

И, что-то теряя привычно-злое,
Не бросился к ней без тепла сердец,
Как сделали б дед его и отец,
А мягко погладил ее рукою.

Затем, что-то ласковое ворча,
Впервые не дик и совсем не груб,
Коснулся губами ее плеча
И в изумленье раскрытых губ...

Она пораженно заволновалась,
Заплакала, радостно засмеялась,
Прижалась к нему и не знала, смеясь,
Что это на свете любовь родилась!

1974

Не горюй

Ты не плачь о том, что брошена,
Слезы – это ерунда!
Слезы, прошены ль, не прошены, –
Лишь соленая вода!

Чем сидеть в тоске по маковку,
«Повезло – не повезло»,
Лучше стиснуть сердце накрепко,
Всем терзаниям назло!

Лучше, выбрав серьги броские,
Все оружье ахнуть в бой,
Всеми красками-прическами
Сделать чудо над собой!

Коль нашлась морщинка – вытравить!
Нет, так сыщется краса!
И такое платье выгрохать,
Чтоб качнулись небеса!

Будет вечер – обязательно
В шум и гомон выходи,

Подойди к его приятелям
И хоть тресни, а шути!

Но не жалко, не потерянно
(Воевать так воевать!),
А спокойно и уверенно:
Все прошло – и наплевать!

Пусть он смотрит настороженно.
– Все в кино? И я – в кино! –
Ты ли брошен, я ли брошена –
Даже вспомнить-то смешно!

Пусть судьба звенит и крутится,
Не робей, не пропадешь!
Ну а что потом получится
И кому придется мучиться –
Вот увидишь и поймешь!

Ее любовь

Артистке цыганского театра «Ромэн»
Ольге Кононовой

Ах, как бурен цыганский танец!
Бес девчонка: напор, гроза!
Зубы – солнце, огонь – румянец
И хохочущие глаза!

Сыплют туфельки дробь картечи.
Серьги, юбки – пожар, каскад!
Вдруг застыла… И только плечи
В такт мелодии чуть дрожат.

Снова вспышка! Улыбки, ленты.
Дрогнул занавес и упал.
И под шквалом аплодисментов
В преисподнюю рухнул зал…

Правду молвить: порой не раз
Кто-то втайне о ней вздыхал
И, не пряча влюбленных глаз,
Уходя, про себя шептал:

«Эх, и счастлив, наверно, тот,
Кто любимой ее зовет,
В чьи объятья она из зала
Легкой птицею упорхнет».

Только видеть бы им, как, одна,
В перештопанной шубке своей,
Поздней ночью спешит она
Вдоль заснеженных фонарей.

Только знать бы им, что сейчас
Смех не брызжет из черных глаз
И что дома совсем не ждет
Тот, кто милой ее зовет.

Он бы ждал, непременно ждал!
Он рванулся б ее обнять,
Если б крыльями обладал,
Если ветром сумел бы стать.

Что с ним? Будет ли встреча снова?
Где мерцает его звезда?
Все так сложно, все так сурово,
Люди просто порой за слово
Исчезали бог весть куда.

Был январь, и снова январь…
И опять январь, и опять…
На стене уж седьмой календарь.
Пусть хоть семьдесят – ждать и ждать!

Ждать и жить! Только жить не просто:
Всю работе себя отдать,
Горю в пику не вешать носа,
В пику горю любить и ждать!

Ах, как бурен цыганский танец!
Бес цыганка: напор, гроза!
Зубы – солнце, огонь – румянец
И хохочущие глаза!..

Но свершилось! И мрак суровый
Разлетелся! И после зла
Все, кто жив, возвратились снова,
Правда все же пришла, пришла!

Говорят, что любовь цыганок –
Только пылкая цепь страстей.
Эх вы, злые глаза мещанок,

Вам бы так ожидать мужей!

Сколько было злых январей…
Сколько было календарей…
В двадцать три – распростилась с мужем,
В сорок – муж возвратился к ней.

Снова вспыхнуло счастьем сердце,
Не хитрившее никогда.
А сединки, коль приглядеться,
Так ведь это же ерунда!

Ах, как бурен цыганский танец,
Бес цыганка: напор, гроза!
Зубы – солнце, огонь – румянец
И хохочущие глаза!

И, наверное, счастлив тот,
Кто любимой ее зовет!

Поют цыгане

Как цыгане поют – передать невозможно,

Да и есть ли на свете такие слова?!

То с надрывной тоскою, темно и тревожно,

То с весельем таким, что хоть с плеч голова!

Как цыгане поют! Нет, не сыщутся выше

Ни душевность, ни боль, ни сердечный накал.

Ведь не зря же Толстой перед смертью сказал:

– Как мне жаль, что я больше цыган не услышу!

За окном полыхает ночная зарница,

Ветер ласково треплет бахромки гардин.

Жмурясь сотнями глаз, засыпает столица

Под стихающий рокот усталых машин...

Нынче дом мой как бубен гудит молдаванский:

Степь да звезды! Ни крыши, ни пола, ни стен...

Кто вы, братцы: друзья из театра «Ромэн»

Или просто неведомый табор цыганский?

Ваши деды в лихих конокрадах ходили,

Ваши бабки, пленяя и «Стрельну» и «Яр»

Громом песен, купцов, как цыплят, потрошили

И хмелели от тостов влюбленных гусар.

Вы иные: без пестрых и скудных пожиток,

Без колоды, снующей в проворных руках,

Без костров, без кнутов, без коней и кибиток,

Вы в нейлоновых кофтах и модных пла-

щах.

Вы иные, хоть больше, наверное, внешне.

Ведь куда б ни вели вас другие пути,

Все равно вам на этой земле многогрешной

От гитар и от песен своих не уйти!

Струны дрогнули. Звон прокатился и стих…

И запела, обнявши меня, точно сына,

Щуря глаз, пожилая цыганка Сантина

Про старинные дроги и пару гнедых.

И еще, и еще!.. Звон гитар нарастает,

Все готово взлететь и сорваться в ничто!

Песня песню кружит, песня песню сжигает

Что мне сделать для вас? Ну скажите мне – что?!

Вздрогнув, смолкли веселые струны-бродяги

*Кто-то тихо ответил, смущенно по-

чти:

– Золотой, ты прочти нам стихи о дворняге.

Ну о той, что хозяин покинул, прочти!

Май над миром гирлянды созвездий развесил.

Звон гитар… Дрожь серег… Тополиный дурман…

Я читаю стихи, я качаюсь от песен,

От хмельных, обжигающих песен цыган.

Ах вы, песни! Ах, други чавалэ-ромалэ!

Что такое привычный домашний уют?

Все ничто! Все качнулось на миг и пропало,

Только звезды, да ночь, да цыгане поют.

Небо красное, черное, золотое…

Кровь то пышет, то стынет от острой тоски.

Что ж вы, черти, творите со мною такое!

Вы же сердце мое разорвали в куски!

И навек, и навек эту радость храня,
Я целую вас всех и волненья не прячу.
Ну а слезы... За это простите меня!
Я ведь редко, товарищи, плачу...

Серенада весны

Галине Асадовой

Ну вот и снова грянула весна
Под птичьи свиристелки и волынки!
Мир вновь как на раскрашенной картинке!
Средь красок же всех яростней одна.

Вернее, две – зеленая и красная:
Рассвет-закат, как апельсинный сок –
То брызги, то ликующий поток, –
И зелень ослепительно-прекрасная!

На ней еще ни пыли, ни жучков,
Она сияет первозданной свежестью,
Немного клейкой и душистой нежностью
Под невесомым снегом облаков…

Вот кажется: немного разберись,
Затем подпрыгни, разметав ладони,
И вместе с ветром унесешься ввысь,

И мир в сплошной голубизне потонет!..

Еще порыв! Еще один рывок!
И ты – в зените... А в тумане где-то
В душистой дымке кружится планета
И сматывает в огненный клубок
Снопы лучей заката и рассвета.

Хватай в ладони синеву небес
И, погрузив в нее лицо и душу,
Прислушивайся, как ласкают уши
И горный ветер, и моря, и лес...

И это глупость: будто человек
Не в силах ощутить величье мира.
Лишь тот живет безрадостно и сиро,
Кто в скуку будней погружен навек.

Ну, а у нас иной состав крови,
И мы – иной закваски и устройства,
Сердца у нас с тобой такого свойства,
Где и в мороз грохочут соловьи!

И нам надежда неспроста дана:
Давно ли ты осеннею порою
Грустила перед завтрашней весною...

А вот смотри: уже опять весна!

И кто сказал, что молодость прошла?
Ведь мы сдаемся, в сущности, формально,
Ну, может статься, в чем-то визуально,
Но главных сил судьба не отняла!

И разве то бодрячество пустое?
Об этом глупо даже говорить,
Когда мы ухитряемся с тобою
В любые стужи праздники творить!

А чтоб с годами нам не погружаться
В прострацию ни телом, ни душой,
Давай с тобой почаще возвращаться
В дни наших ярких праздников с тобой!

Красива для других ты или нет,
Знай: для меня ты все равно красавица!
Ведь если в сердце уже столько лет
Горит, ни разу не погаснув, свет,
То чувства здесь ни на день не состарятся.

И вот еще что непременно знай:
Тут нет «словес», здесь все на самом деле.
И раз вот так я говорю в апреле –
То как же нас еще согреет май!

У нас сегодня ранняя весна:
В полях под солнцем задышали озими.
А мы с тобой… Ну разве же мы поздние,
Коль, обнявшись, хмелеем допьяна!

И столько, хлопотушечка моя,
Ты мне дарила счастья, что в награду
Я отдаю и сердце не тая,
И песнь души. Считай, что это я
Пою тебе в восторге серенаду!

3 апреля 1991

Сердечный сонет

Я тебе посвящаю столько стихов,
Что вокруг тебя вечно смеется лето.
Я тебя вынимаю из всех грехов
И сажаю на трон доброты и света.

Говорят, что без минусов нет людей.
Ну так что ж, это я превосходно знаю!
Недостатки я мысленно отсекаю,
Оставляя лишь плюсы души твоей.

Впрочем, только лишь плюсы души одной?
А весь образ, таящий одни блаженства?!
Коль творить тебя с радостью и душой –
То выходит действительно совершенство.

Я, как скульптор, из песен тебя леплю

И чем дольше, тем больше тебя люблю!

1993

Не надо кидаться в любые объятья

Не надо кидаться в любые объятья.
Любые объятья – как разные платья:
Крикливые, скучные или праздные
И многие часто не безнаказные.

Мужчины не очень боятся стыда.
С мужчин все нередко – как с гуся вода,
Их только лишь хворь и пугает.
О женщине много сложнее речь –
Ведь ту, что прошла через множество встреч,
Брать в жены ну кто пожелает?!

Твердят нам, что нынче пришли времена,
Когда можно пить без оглядки до дна
Все страсти и все вожделения.
Однако при этой раскладке вещей
Для всяческих суперлихих страстей
Есть веские возражения.

Ведь счастье, где бурно поют соловьи,
И пошлость, где нет никакой любви, –
«Две очень большие разницы!»
Ведь тот, кто цинично нырнул на дно,
К действительной радости все равно
Вовеки не прикасается.

Не будем ханжами. И плотская страсть
Имеет над нами, конечно, власть,
Но кто хочет жить бараном?!
Ведь чувственность без настоящих чувств –
Это театр, лишенный искусств
И ставший вдруг балаганом.

А впрочем, погасим излишний пыл.
Не всякий на пошлость запрет положит.
И тот, кто всю жизнь свою проскользил
И верил, что множество раз любил,
Понять все равно ничего не сможет.

1996

Банкроты

Любовь сегодня, словно шляпу, скинули.
Сердца так редко от восторга бьются.
Любовь как будто в угол отодвинули,
Над ней теперь едва ли не смеются.

Конечно, жизнь от зла не остановится,
Но как, увы, со вздохом не признаться,
Что дети часто словно производятся,
Вот именно, цинично производятся,
А не в любви и счастии родятся.

Любовь не то чтоб полностью забыли,
А как бы новый написали текст.

Ее почти спокойно заменили
На пьянство, порновидики и секс.

Решили, что кайфуют. И вкушают
Запретных прежде сексуальных «яств».
И, к сожаленью, не подозревают,
Что, может быть, отчаянно теряют

Редчайшее богатство из богатств.

Считают так: свобода есть свобода!
Ну чем мы хуже зарубежных стран?!
И сыплют дрянь на головы народа,
И проститутки лезут на экран.

Что ж, там и впрямь когда-то много-кратно
Ныряли в секс, над чувствами смеясь.
Потом, очнувшись, кинулись обратно,
А мы как будто сами ищем пятна,
Берем и лезем откровенно в грязь.

И тут нам превосходно помогают
Дельцы, чьи души – доллары и ложь,
Льют грязь рекой, карманы набивают –
Тони в дерьме, родная молодежь!

А жертвы все глотают и глотают,
Ничем святым давно не зажжены,
Глотают и уже не ощущают,
Во что они почти превращены.

И до чего ж обидно наблюдать

Всех этих юных и не юных «лириков»,
Потасканных и проржавевших циников,
Кому любви уже не повстречать.

И что их спесь, когда сто раз подряд
Они провоют жалобными нотами,

Когда себя однажды ощутят
Все, все навек спустившими банкротами.

Нет, нет, не стыд! Такая вещь, как «стыдно»,
Ни разу не встречалась в их крови.
А будет им до ярости завидно
Смотреть на то, как слишком очевидно
Другие люди счастливы в любви!

1990

Триединство

Женщины были всегда очень разными:
Трудолюбивыми были и праздными,
Были красивыми, были дурнушками,
Строгими были и попрыгушками.

Впрочем, зачем говорить, что были?
Скажем точнее: были и есть.
Каждая в духе своем и стиле –
Бойкость, и скромность, и спесь, и честь.

Условно же каждая, без предысторий,
Может быть сразу отнесена
К одной из трех земных категорий:
Любовница, мама детей, жена.

По-разному качества проявляются:
Вот эта – отличнейшая жена,
Как мать же – и в мачехи не годна,
А в чадолюбии лишь притворяется.

А эта, напротив, жена – не очень,

Но в сердце сплошной материнский свет.

И счастья дороже ребенка нет,

А муж для нее как бы между прочим.

Есть третий характер: звонки, мечты,

Надеждами, встречами сердце полнится,

Улыбки, хмельные слова, цветы,

Ни дум, ни забот, ни семьи – любовница...

Как славно: с той жить бы, а с той – встречаться!

По-своему каждая хороша!

Мужчины! Чтоб сердцем на всех не рваться,

Пусть мудрою будет у вас душа!

Любить, но не просто, а так влюбиться,

Чтоб вспыхнула яркой звездой она:

Навеки веков, словно Бог в трех лицах,

В трех счастьях: любовница, мать, жена!

15 августа 1991 г.
Красновидово

На крыле

Галине Асадовой

Нет, все же мне безбожно повезло
Что я нашел тебя. И мне сдается,
Что счастье, усадив нас на крыло,
Куда-то ввысь неистово несется!

Все выше, выше солнечный полет,
А все невзгоды, боли и печали
Остались в прошлом, сгинули, пропали.
А здесь лишь ты, да я, да небосвод!

Тут с нами все – и планы, и мечты,
Надежды и восторженные речи.
Тебе не страшно с этой высоты
Смотреть туда, где были я и ты
И где остались будни человечьи?!

Ты тихо улыбаешься сейчас,
И нет на свете глаз твоих счастливей.
И, озарен лучами этих глаз,
Мир во сто крат становится красивей.

Однако счастье слишком быстротечно,
И нет, увы, рецепта против зла.
И как бы ни любили мы сердечно,
Но птица нас когда-нибудь беспечно
Возьмет и сбросит все-таки с крыла.

Закон вселенский, он и прост и ясен.
И я готов на все без громких слов.
Будь что угодно. Я на все согласен.
Готов к пути, что тяжек и опасен,
И лишь с тобой расстаться не готов!

И что б со мною в мире ни стряслось,
Я так сказал бы птице быстролетной:
Ну что же, сбрось нас где и как угодно,
Но только вместе. Вместе, а не врозь.

1982

Стихи о тебе

Галине Асадовой

Сквозь звездный звон, сквозь истины и ложь,
Сквозь боль и мрак и сквозь ветра потерь
Мне кажется, что ты еще придешь
И тихо-тихо постучишься в дверь...

На нашем, на знакомом этаже,
Где ты навек впечаталась в рассвет,
Где ты живешь и не живешь уже
И где, как песня, ты и есть, и нет.

А то вдруг мниться начинает мне,
Что телефон однажды позвонит
И голос твой, как в нереальном сне,
Встряхнув, всю душу разом опалит.

И если ты вдруг ступишь на порог,
Клянусь, что ты любою можешь быть!

Я жду. Ни саван, ни суровый рок,
И никакой ни ужас и ни шок
Меня уже не смогут устрашить!

Да есть ли в жизни что-нибудь страшней
И что-нибудь чудовищнее в мире,
Чем средь знакомых книжек и вещей,
Застыв душой, без близких и друзей,
Бродить ночами по пустой квартире…

Но самая мучительная тень
Легла на целый мир без сожаленья
В тот календарный первый летний день,
В тот памятный день твоего рожденья…

Да, в этот день, ты помнишь? Каждый год
В застолье шумном с искренней любовью
Твой самый-самый преданный народ
Пил вдохновенно за твое здоровье!

И вдруг – обрыв! Как ужас, как провал!

И ты уже – иная, неземная…
Как я сумел? Как выжил? Устоял?
Я и теперь никак не понимаю…

И мог ли я представить хоть на миг,
Что будет он безудержно жестоким,
Твой день. Холодным, жутко одиноким,
Почти как ужас, как безмолвный крик…

Что вместо тостов, праздника и счастья,
Где все добры, хмельны и хороши, –
Холодное, дождливое ненастье,
И в доме тихо-тихо… Ни души.

И все, кто поздравляли и шутили,
Бурля, как полноводная река,
Вдруг как бы растворились, позабыли,
Ни звука, ни визита, ни звонка…

Однако было все же исключенье:
Звонок. Приятель сквозь холодный мрак.
Нет, не зашел, а вспомнил о рожденье,

И – с облегченьем – трубку на рычаг.

И снова мрак когтит, как злая птица,
А боль – ни шевельнуться, ни вздохнуть!
И чем шагами мерить эту жуть,
Уж лучше сразу к черту провалиться!

Луна, как бы шагнув из-за угла,
Глядит сквозь стекла с невеселой думкой,
Как человек, сутулясь у стола,
Дрожа губами, чокается с рюмкой…

Да, было так, хоть вой, хоть не дыши!
Твой образ… Без телесности и речи…
И… никого… ни звука, ни души…
Лишь ты, да я, да боль нечеловечья…

И снова дождь колючею стеной,
Как будто бы безжалостно штрихуя
Все, чем живу я в мире, что люблю я,
И все, что было исстари со мной…

Ты помнишь ли в былом – за залом зал…

Аншлаги! Мир, заваленный цветами,
А в центре – мы. И счастье рядом с нами!
И бьющий ввысь восторженный накал!

А что еще? Да все на свете было!
Мы бурно жили, споря и любя,
И все ж, признайся, ты меня любила
Не так, как я – стосердно и стокрыло,
Не так, как я, без памяти, тебя!

Но вот и ночь, и грозовая дрожь
Ушли, у грома растворяясь в пасти…
Смешав в клубок и истину, и ложь,
Победы, боль, страдания и счастье…

А впрочем, что я, право, говорю!
Куда, к чертям, исчезнут эти муки?!
Твой голос, и лицо твое, и руки…
Стократ горя, я век не отгорю!

И пусть летят за днями дни вослед,
Им не избыть того, что вечно живо.
Всех тридцать шесть невероятных лет,

Мучительных и яростно-счастливых!

Когда в ночи позванивает дождь
Сквозь песню встреч и сквозь ветра потерь,
Мне кажется, что ты еще придешь
И тихо-тихо постучишься в дверь...

Не знаю, что разрушим, что найдем?
И что прощу и что я не прощу?
Но знаю, что назад не отпущу.
Иль вместе здесь, или туда вдвоем!

Но Мефистофель в стенке за стеклом
Как будто ожил в облике чугунном,
И, глянув вниз темно и многодумно,
Чуть усмехнулся тонкогубым ртом:

«Пойми, коль чудо даже и случится,
Я все ж скажу, печали не тая,
Что если в дверь она и постучится,
То кто, скажи мне, сможет поручиться,
Что дверь та будет именно твоя?..»

1 сентября 1997 г.
Москва

Бессонница

Полночь небо звездами расшила,
Синий свет над крышами дрожит…
Месяц – наше доброе светило
Над садами топает уныло,
Видно, сны людские сторожит.

Бьет двенадцать. Поздняя пора.
Только знаю, что тебе не спится,
И свои пушистые ресницы
Ты сомкнуть не можешь до утра.

На губах – то ласковое слово,
То слова колючие, как еж,
Где-то там, то нежно, то сурово,
То любя, то возмущаясь снова,
Ты со мной дискуссии ведешь.

Кто в размолвке виноват у нас?
Разве можно завтра разобраться,
Да к тому ж хоть в чем-нибудь признаться

При упрямстве милых этих глаз?!

Да и сам я тоже не святой,
И за мной нелепого немало.
Светлая моя, когда б ты знала,
Как я рвусь сейчас к тебе душой.

Кто же первым подойдет из нас?
Вот сейчас ты сердцем не владеешь,
Ты лежишь и не смыкаешь глаз,
Но едва придет рассветный час,
Ты, как мрамор, вновь закаменеешь.

Ничего. Я первым подойду.
Перед счастьем надо ли гордиться?!
Спи спокойно. Завтра я найду
Славный способ снова помириться!

1980

Не привыкайте никогда к любви

Не привыкайте никогда к любви!
Не соглашайтесь, как бы ни устали,
Чтоб замолчали ваши соловьи
И чтоб цветы прекрасные увяли.

И, главное, не верьте никогда,
Что будто все приходит и уходит.
Да, звезды меркнут, но одна звезда
По имени Любовь всегда-всегда
Обязана гореть на небосводе!

Не привыкайте никогда к любви,
Разменивая счастье на привычки,
Словно костер на крохотные спички,
Не мелочись, а яростно живи!

Не привыкайте никогда к губам,
Что будто бы вам издавна знакомы,
Как не привыкнешь к солнцу и ветрам
Иль ливню средь грохочущего грома!

Да, в мелких чувствах можно вновь

и вновь

Встречать, терять и снова возвращаться,

Но если вдруг вам выпала любовь,

Привыкнуть к ней – как обесцветить кровь

Иль до копейки разом проиграться!

Не привыкайте к счастью никогда!

Напротив, светлым озарясь гореньем,

Смотрите на любовь свою всегда

С живым и постоянным удивленьем.

Алмаз не подчиняется годам

И никогда не обратится в малость.

Дивитесь же всегда тому, что вам

Заслуженно иль нет – судить не нам,

Но счастье в мире все-таки досталось!

И, чтоб любви не таяла звезда,

Исполнитесь возвышенным искусством:

Не позволяйте выдыхаться чувствам,

Не привыкайте к счастью никогда.

1994

Любим мы друг друга или нет?

Любим мы друг друга или нет?
Кажется: какие тут сомненья?
Только вот зачем, ища решенья,
Нам нырять то в полночь, то в рассвет?

Знать бы нам важнейший постулат:
Чувства, хоть плохие, хоть блестящие,
Теплые иль яростно горящие,
Все равно: их строят и творят.

Чувства можно звездно окрылить,
Если их хранить, а не тиранить.
И, напротив: горько загубить,
Если всеми способами ранить.

Можно находить и открывать
Все, буквально все, что нас сближает.
И, напротив: коль не доверять,
Можно, как болячки, ковырять
Именно все то, что разделяет.

То у нас улыбки, то терзания,
То упреков леденящий душ,
То слиянье губ, и рук, и душ,
То вражда почти до обожания.

То блаженство опьяняет нас,
То сердца мы беспощадно гложем,
Осыпая ревностями фраз,
Но причем ни на день, ни на час
Разлучиться все-таки не можем.

Кто ж поможет разгадать секрет:
Любим мы друг друга или нет?

5 июня 1998 г.
Москва